

КАЗАНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Журнал основан в июне 2018 года

2024, том 7, № 1

Международный научный журнал

«Казанский лингвистический журнал» – международное научное рецензируемое издание открытого доступа, придерживающееся следующего принципа: свободный открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Публикуемые в журнале материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора. Научное содержание публикаций, наименования и содержание разделов соответствуют требованиям к рецензируемым научным изданиям Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. К публикации в журнале принимаются наиболее значимые научные труды, соответствующие тематике, обладающие научной новизной и содержащие материалы собственных научных исследований автора по следующим группам научных специальностей:

5.8. Педагогика*

- 1) 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования
- 2) 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)
- 3) 5.8.7. Методология и технология профессионального образования

5.9. Филология*

- 1) 5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации
- 2) 5.9.2. Литературы народов мира
- 3) 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (английский, китайский языки)
- 4) 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Информация об издании

Казанский лингвистический журнал выходит с 2018 года с периодичностью 4 номера в год на *русском, татарском, английском, немецком, французском, турецком, китайском, испанском, итальянском языках*. Журнал приглашает к публикации авторов исследовательских и обзорных статей по проблемам русской и зарубежной лингвистики, литературоведения и педагогики. Формат журнала и принцип открытого доступа позволяют обеспечить широкий охват читательской и авторской аудитории.

Цель журнала заключается в ознакомлении российского и международного научного сообщества с результатами деятельности научных школ и самостоятельных исследователей в области языкознания, литературоведения, теории и методики обучения, воспитания, профессионального образования.

Задачи журнала:

- публикация научных, обзорных и информационных статей, отражающих актуальные вопросы в заявленных областях;
- информирование об основных результатах научных работ, выполняемых в рамках приоритетных направлений исследований;
- публикация статей, посвященных разработке и реализации новых перспективных проектов;
- информирование об исследованиях молодых ученых и результатах их научной работы.

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. **Свидетельство о регистрации:** ПИ № ФС 77 – 72979, дата регистрации: 06.06.2018.

Форма распространения: печатное СМИ (журнал)

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Журнал зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации, номер ISSN: ISSN 2658-3321 (Print).

Учредители: Сакаева Лилия Радиковна, Тахтарова Светлана Салаватовна, Хабибуллина Эльмира Камилевна.

Издатель: Автономная некоммерческая организация «Институт культурного наследия»

ИНН 1655080432: ОГРН 1041621009660

Адрес: 420111, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 10/15

Редакция: 420008, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. М. Межлаука, д. 3, каб. 117

Сайт: <http://kaz-linguo-journal.ru/>

Индекс 64986

Телефон: +7 (843) 221-34-79

ГК «Урал-Пресс»

E-mail: kaz-linguo-journal@mail.ru

Выходит 4 раза в год

Главный редактор

Тахтарова Светлана Салаватовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Редакционная коллегия

Адельгейм Ирина Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук, г. Москва, Россия

Аврутина Аполлинария Сергеевна – доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Беленцов Сергей Иванович – доктор педагогических наук, профессор, заместитель директора по учебно-методической работе, Курский государственный университет, г. Курск, Россия

Бокова Татьяна Николаевна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методики обучения английскому языку и деловой коммуникации, Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия

Бушканец Лия Ефимовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков в сфере международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Гревцева Гульсина Якуповна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии, Челябинский государственный институт культуры, г. Челябинск, Россия

Громова Нелли Владимировна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой африканистики ИСАА при МГУ, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Загидуллина Дания Фатиховна – доктор филологических наук, профессор, вице-президент, ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Закирьянов Алфат Масумзянович – доктор филологических наук, доцент, заведующий отделом литературоведения, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Ионова Светлана Валентиновна – доктор филологических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, профессор кафедры общего и русского языкознания, г. Москва, Россия

Калимуллина Ольга Анатольевна – доктор педагогических наук, профессор, Казанская государственная консерватория им. Н.Г. Жиганова, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Корнеева Лариса Ивановна – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков и перевода, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

Крылов Вячеслав Николаевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Миннуллин Ким Мугаллимович – доктор филологических наук, профессор, директор, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Митягина Вера Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Морозкина Евгения Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингводидактики и переводоведения, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Мурашов Рахим Закиевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкой и французской филологии, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Несмелова Ольга Олеговна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Пенская Елена Наумовна – доктор филологических наук, профессор, руководитель Школы филологических наук факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский институт «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Ратнер Фаина Лазаревна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Рябцева Надежда Константиновна – доктор филологических наук, профессор, заведующий сектором прикладного языкознания, Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва, Россия

Сабирова Диана Рустамовна – доктор педагогических наук, доцент, декан Высшей школы иностранных языков и перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Сакаева Лилия Радиковна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Сдобников Вадим Витальевич – доктор филологических наук, доцент, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия

Сторожук Александр Георгиевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой китайской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Тахтарова Светлана Салаватовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Фаткуллина Флюза Габдуллиновна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и сопоставительной филологии, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Шамина Вера Борисовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Яроцкая Людмила Владимировна – доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии и педагогической антропологии института гуманитарных и прикладных наук, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

Яхин Фарит Закизянович – доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом текстологии, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

KAZAN LINGUISTIC JOURNAL

The journal was founded in June 2018

2024, volume 7, No. 1

International scientific journal

“Kazan linguistic journal” is an international peer-reviewed open access journal that adheres to the following principle: free open access to research results increases the global exchange of knowledge.

The papers published in this journal have passed expert selection and peer review procedures. The scientific content of publications, the titles and content of sections correspond to the requirements for peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission under Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. The most significant scientific works corresponding to the subject and containing materials of the author's own scientific research in the following groups of scientific specialties are accepted for publication in the journal:

5.8. Pedagogy*

- 1) 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education
- 2) 5.8.2. Theory and methodology of training and education (by areas and levels of education)
- 3) 5.8.7. Methodology and technology of vocational education

5.9. Philology*

- 1) 5.9.1. Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation
- 2) 5.9.2. Literature of the peoples of the world
- 3) 5.9.6. Languages of peoples of foreign countries (English, Chinese)
- 4) 5.9.8 Theoretical, applied and comparative linguistics

Information about the journal

Kazan linguistic journal has been published since 2018 with a frequency of 4 issues per year. The works can be submitted in 9 languages: Russian, Tatar, English, German, French, Spanish, Italian, Chinese, Turkish. The journal invites doctors and candidates of sciences, university professors, doctoral students, graduate students, undergraduates, as well as everyone who is interested in the issues under consideration to take part in the discussion on the proposed heading and publish for free. The format of the journal and the principle of open access allows providing the widest coverage of the readers and authors' audience.

The editorial board of “Kazan linguistic journal” sees **the main goal** of its activity as promotion and dissemination of information about the most significant research achievements and innovative solutions in the field of philology and linguistics, as well as facilitating the exchange of professional experience in the Russian and international community.

Achieving this goal is carried out by solving the following **tasks**:

- creation of an open discussion platform to support the exchange of views and dissemination of information in the scientific community;
- constant expansion of the range of authors in geographical (overcoming the localization of the publication process) and research plan (increasing the range of issues under consideration);
- promotion of interdisciplinary relationships and an integrated approach to the phenomena under study;
- ensuring compliance of the journal with international requirements for scientific periodicals, as well as careful and objective selection of manuscripts for publication.

The number of the certificate media: ПИИ № FS 77 – 72979, registration date: 06.06. 2018

The shape of the distribution: print media (magazine)

Territory of distribution: Russian Federation, foreign countries.

Registered in the Russian Federation ISSN National Agency, ISSN registration number: ISSN: ISSN 2658-3321 (Print).

Founders: Sakaeva Liliya Radikovna, Takhtarova Svetlana Salavatovna, Khabibullina Elmira Kamilevna.

Publisher: Autonomous non-profit organization "Institute of cultural heritage": INN 1655080432: OGRN 1041621009660

Address: 10/15, Kremlin str., Kazan, Republic of Tatarstan, Russia, 420111

Editorial office: room 117, 3 M. Mezhlauk str., Kazan, Republic of Tatarstan, Russia, 420008

Website: <http://kaz-linguo-journal.ru/>

Index 64986

Phone: +7 (843) 221-34-79

“Ural-Press”

E-mail: kaz-linguo-journal@mail.ru

Published 4 times a year

Head editor

Takhtarova Svetlana Salavatovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the department of theory and practice of translation, Kazan (Volga region) Federal University, (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Editorial Board

Adelgeym Irina Evgenevna – Doctor of Philology, Professor, Lead Reasecher, Institute of Slavic studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Avrutina Apollinaria Sergeevna – Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Belentsov Sergey Ivanovich – Doctor of Pedagogics, Professor, Deputy director for education, Kursk State University (Kursk, Russia)

Bokova Tatyana Nikolaevna – Doctor of Pedagogics, Professor, Professor of the department of English studies and crosscultural communication, Moscow City University (Moscow, Russia)

Bushkanets Liya Efimovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the department of foreign languages in international relations, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Grevtseva Gulsina Yakupovna – Doctor of Pedagogics, Professor of the department of pedagogy and psychology, Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts (Chelyabinsk, Russia)

Gromova Nelli Vladimirovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of African studies of Institute of Asian and African studies, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Zagidullina Daniya Fatikhovna – Doctor of Philology, Professor, Vice President, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Zakirzyanov Alfat Magsumzyanovich – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Literary Studies, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Ionova Svetlana Valentinovna – Doctor of Philology, Professor, State Institute of the Russian Language. A.S. Pushkina, Professor of the Department of General and Russian Linguistics (Moscow, Russia)

Kalimullina Olga Anatolevna – Doctor of Pedagogics, Professor, N.G. Zhiganov Kazan State Conservatory (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Korneeva Larisa Ivanovna – Doctor of Pedagogics, Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

Krylov Viacheslav Nikolaevich – Doctor of Philology, Professor, Professor of the department of Russian and world literature, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Minnullin Kim Mugallimovich – Doctor of Philology, Professor, Director, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Mityagina Vera Alexandrovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Translation Theory and Practice, Volgograd State University (Volgograd, Russia)

Morozkina Evgenia Aleksandrovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of linguodidactics and translation studies, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russia)

Muryasov Rakhim Zakievich – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of German and French philology, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russia)

Nesmelova Olga Olegovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Russian and world literature, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Penskaya Elena Naumovna – Doctor of Philology, Professor, Academic Supervisor of Faculty of Humanities, Higher School of Economics National Research University (Moscow, Russia)

Ratner Faina Lazarevna – Doctor of Pedagogics, Professor, Professor of the department of Theory and Practice of Translation, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Riabtseva Nadezhda Konstantinovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the sector of Applied linguistics, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Sabirova Diana Rustamovna – Doctor of Pedagogics, Associate Professor, Dean of the Higher school of foreign languages and translation, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Sakaeva Liliya Radikovna – Doctor of Philology, Professor, Professor of the department of foreign languages, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Sdobnikov Vadim Vitalievich – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of the English language and translation theory and practice, Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov (Nizhny Novgorod, Russia)

Storozhuk Aleksandr Georgievich – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Chinese Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Takhtarova Svetlana Salavatovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Kazan (Volga region) Federal University, Head of the department of theory and practice of translation (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Fatullina Fluza Gabdullinova – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Russian and comparative philology, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russia)

Shamina Vera Borisovna – Doctor of Philology, Professor, Professor of the department of Russian and world literature, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Yakhin Farit Zakirzyanovich – Doctor of Philology, Professor, G. Ibragimov Institute of language, literature and art of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Yarotskaya Ludmila Vladimirovna – Doctor of Pedagogics, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Pedagogical Anthropology, Institute of Humanities and Applied Sciences, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

• Педагогика. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)	
Бойченко Н.В., Бударина Ж.С. Мнемотехника для поколения Z в обучении переводу (на материале английского и китайского языков)	7
Прокофьев М.И. Преимущества японского исторического романа как средства формирования лингвокультурологической компетенции	19
• Филология. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика	
Авилова А.А. Базовые коммуникативные тактики немецкоязычного блогера и способы их выражения	29
Барбина Н.С. Лингвистический статус языковой новации «Хлопок газа»	39
Борисова Т.Г., Бредихина Ю.И. Гендерные спецификаторы интимизации пограничной коммуникации социальной работы	50
Габдреева Н.В., Форузан Хематзадех. Анализ русских заимствований в персидском языке в эпоху Каджаров: на примере «Путевые заметки Хосров-Мирзы в Санкт-Петербурге»	60
Дедюхина А.С., Ши С. Этнокультурный опыт репрезентации понятийного смысла «малое количество чего-либо» на фразеологическом уровне в русском, английском и китайском языках	72
Лиховид А.А. Гендерная специфика восприятия городской и сельской среды в сознании Викторианской эпохи	85
Семендяева Ю.Ю. Стилистические особенности репрезентации эмотивности в художественном дискурсе	95
Серебрякова С.В., Мохаммади Я. Жанрово-тематические особенности и концептуальные доминанты исповедальной поэзии Сильвии Плат	105
Тахтарова С.С., Сиваева И.И. Жанровые характеристики цифрового дипломатического дискурса США	116
Хакимзянова Д.Ф., Гильманова А.А. Особенности семантики глаголов касания в русском, английском и татарском языках	127

CONTENT

- **Pedagogy. Theory and methodology of training and education (by areas and levels of education)**

Boychenko N.V., Budarina Zh.S. Mnemonics for Generation Z in Translation Training (Based on English and Chinese)	7
Prokofiev M.I. Advantages of the Japanese Historical Novel as a Means of Forming Linguocultural Competence	19
• Philological studies. Theoretical, applied and comparative linguistics	
Avilova A.A. Basic Communicative Tactics of a German-Speaking Blogger and Ways of Expressing them	29
Barebina N.S. Linguistic Status of Language Innovation “Gas bang”	39
Borisiva T.G., Bredikhina Yu.I. Gender Specifiers of Intimizing Social Work Borderline Communication	50
Gabdreeva N.V., Forouzan Hematzadeh. An Analysis of Russian Loanwords in Persian in the Qajar Era: a Case Study of “Khosrow Mirza’s Travelogue to St. Petersburg”	60
Dediukhina A.S., Shi X. Ethnocultural Experience of Representing the Conceptual Meaning of “Small Quantity of Something” at the Phraseological Level in Russian, English and Chinese Languages	72
Likhovid A.A. Gendered Perception of Urban and Rural Environment in the Consciousness of the Victorian Era	85
Semendyaeva Yu.Yu. Stylistic Features of Representation of Emotivity in Literary Discourse	95
Serebriakova S.V., Mohammadi Y. Genre-thematic Features and Conceptual Dominants of the Confessional Poetry of Sylvia Plath	105
Tahtarova S.S., Sivaeva I.I. Genre peculiarities of American Digital Diplomacy	116
Khakimzyanova D.F., Gilmanova A.A. Semantics of Verbs with the Meaning of Touching in Russian, Tatar and English Languages	127

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ THEORY AND METHODOLOGY OF TRAINING AND EDUCATION

Научная статья
УДК 372.881.1

Педагогические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.7-18>

МНЕМОТЕХНИКА ДЛЯ ПОКОЛЕНИЯ Z В ОБУЧЕНИИ ПЕРЕВОДУ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Н.В. Бойченко¹, Ж.С. Бударина²

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия

¹nboychenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-0645-9255>

²janissimo@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0000-9612-0039>

Аннотация. Статья посвящена проблемам начального этапа обучения переводу студентов, изучающих английский и китайский языки. Несмотря на плодотворную историю становления методики обучения переводу на данный момент пособия, построенного на компетентностном подходе и разработанного для данной пары языков, нет. В этом состоит актуальность данного исследования. Авторы опираются на методику обучения устному переводу И.С. Алексеевой применительно к немецкому языку и группой ученых МГУ М.В. Вербицкой, Т.Н. Беляевой и Е.С. Быстрицкой применительно к английскому языку. Цель начального этапа – обучить студентов фиксировать и запоминать как можно больший и полный объем информации для ее дальнейшего воспроизведения, сформировать навык восприятия и воспроизведения прецизионной лексики, расширить и упорядочить оперативную память будущего профессионального переводчика. Изучив особенности современного поколения Z, авторы предприняли попытку разработать такие упражнения по мнемотехнике, которые систематизируют знания изучаемого первого и второго иностранного языков одновременно, а также предъявляют новый языковой материал, который изучается в ходе работы по расширению оперативной памяти.

Ключевые слова: обучение переводу; мнемотехника; поколение Z; переводческие навыки; память

Для цитирования: Бойченко Н.В., Бударина Ж.С. Мнемотехника для поколения Z в обучении переводу (на материале английского и китайского языков). *Казанский лингвистический журнал*. 2024;7(1): 7–18. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.7-18>

Original article

Pedagogy studies
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.7-18>

MNEMONICS FOR GENERATION Z IN TRANSLATION TRAINING (BASED ON ENGLISH AND CHINESE)

N. V. Boychenko¹, Zh. S. Budarina²

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia

¹nboychenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-0645-9255>

²janissimo@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0000-9612-0039>

Abstract. The article is devoted to the problems of the initial stage of teaching translation to students learning English and Chinese. Despite the fruitful history of the development of translation teaching methodology, there is no competence-based manual developed for this pair of languages. This is the relevance of this study. The authors rely on the methods of teaching interpreting by I.S. Alekseeva for German and by a group of MSU scientists M.V. Verbitskaya, T.N. Belyaeva and E.S. Bystritskaya for English. The goal of the initial stage is to train students to fix and memorise as

much and as complete a volume of information as possible for its further reproduction, to form the skill of perception and reproduction of precision vocabulary, to expand and order the working memory of the future professional interpreter. Having studied the peculiarities of the modern generation Z, the authors have made an attempt to develop such mnemonics exercises that systematise the knowledge of both the first and second foreign languages, as well as introduce new language material to study in the course of expanding working memory.

Keywords: teaching translation, mnemonics, generation Z, translation skills, memory

For citation: Boychenko N.V., Budarina Zh. S. Mnemonics for Generation Z in Translation Training (Based on English and Chinese). *Kazan Linguistic Journal*. 2024;7(1): 7–18. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.7-18>

Развитие современного общества претерпевает глобальные изменения, которые напрямую зависят от перехода на нематериальные активы. Информация и знания становятся ведущим фактором развития не только в сфере международных отношений, но также и в сфере международного сотрудничества. В настоящее время фраза «кто владеет информацией, тот владеет миром» некогда имевшая характер гиперболы, утратила это свойство и может восприниматься дословно. «Владение информацией» – часть фразы, которая вызывает определённые трудности в российском образовательном пространстве, на проблему «владения информацией» необходимо смотреть сквозь призму положений теории поколений.

Теория поколений, предложенная в 1991 году двумя американцами – экономистом Уильямом Штраусом и историком Нилом Хоувом [1], описывает повторяющиеся циклы поколений в истории страны. Теория поколений – это попытка понять, какие у каждого поколения базовые ценности, взгляды и модели поведения. Проанализировав историю общества, исследователи пришли к выводу, что любое общество развивается циклами длиной в 90 лет, что приблизительно равно человеческой жизни. Ими было выделено пять поколений, появившихся на свет в XX веке. Психолингвист Евгения Шамис [2] предприняла попытку адаптировать теорию поколений к российской действительности. В статье О.А. Мироновой «Проблемы и задачи цифрового образования в России в контексте теории поколений» [3] подробно представляется адаптированная российская версия Хоува-Штрауса.

Таблица 1

Поколение	Период	События	Базовые ценности
Поколение Р Pensioners или молчаливые	1923-1943	Сталинские репрессии, Великая отечественная война, восстановление разрушенной страны	Преданность, соблюдение правил, жертвенность. Тер- пение, подчинение, эконо- мность
Поколение ВВ: Baby Boomers, Беби - бумеры, Бумеры	1943-1963	Бум рождаемости, полет человека в космос, хрущевская «оттепель», «холодная война», СССР — мировая сверх- держава	Идеализм, оптимизм, молодость, коллективизм, ориентация на команду, личностный рост, личное вознаграждение
Поколение X Иксы, Неизвестные или Кочевники, «Дети с ключом на шее»	1963-1983	Продолжение «холодной войны», биполярный мир, война в Афганистане, Чернобыльская авария, очереди и талоны, перестройка	Выбор, индивидуализм, непрерывное обучение и образование, прагматизм, «время — деньги», надежда на себя
Поколение Y Mille- nials, Next, Игреки, Миллениалы	1983-2003	Распад СССР, рыночная трансформа- ция, «лихие 90-е», теракты, военные конфликты, развитие интернет тех- нологий, бренды	Изменения, оптимизм, удовольствия, жизнь «здесь и сейчас», немедленное вознагражде- ние, наивность
Поколение Z Дети индиго, Альфа	2003-2023	Экономический кризис 2009- 2010 гг. в России, формирование нового многополярного мира, санкции,	Система ценностей в про- цессе формирования, ранняя цифровая грамот- ность, затруднения с коммуника-

		рождены в эпоху цифро- вых технологий, ЕГЭ	цией и социализацией

Вышеприведенные данные, свидетельствуют о том, что Поколение Z, отличается от их предшественников, где основными потребителями образовательных услуг являются представители Поколения Z, чьи родители пережили эпоху «лихих 90-х», а они сами были отчасти первопроходцами ЕГЭ. Среди психологических особенностей можно отметить следующие:

- существование Поколения Z невозможно вне цифрового пространства (использование компьютера для получения внешней информации из интернет-пространства, доминирование он-лайн общения);
- проявление самостоятельности (являясь опытными потребителями, знают, чего они хотят);
- виртуальный досуг занимает лидирующие позиции среди остальных хобби.

К познавательным особенностям относят:

- быстрое ориентирование в потоке информации, способность анализировать большие объемы информации;
- способность к многозадачности;
- высокая переключаемость от задачи к задаче;
- клиповое восприятие информации.

Преимущества помогают учащимся быстро ориентироваться в потоке информации и взаимодействовать в мире и внутри своего поколения. Однако, выделяют следующие недостатки, затрудняющие процесс обучения и взаимодействия со старшими поколениями:

- слабая концентрация внимания и низкая устойчивость;
- слабое понятийное мышление, что порождает поверхностность суждений;

- привычка использовать «готовую» информацию из интернета, что снижает мотивацию к собственным исследованиям;
- снижение объема долговременной памяти, что приводит к низкому уровню запоминания.

Резюмируя, преподаватель должен принимать во внимание, что способы и методы работы со студентами Поколения Z должны соответствовать его характеристикам, Н.А. Сигачева отмечает, что педагог должен обращать внимание на взаимодействие с обучающимися, тем самым создавая комфортные психологические условия работы [4]. Память, внимание и восприятие – подверглись колоссальным изменениям. В этой триаде, предметом нашего интереса является память, которая стала работать совершенно иначе, ведь именно она – основа для мнемотехники. Представители Поколения Z обладают слабыми навыками эффективного запоминания информации, а также низким уровнем «базовых знаний». Под «базовыми знаниями» понимается минимальный уровень знаний, полученный в школе или университете, на основе которых будет строиться дальнейшая система знаний. Поколение Z выросло в период активного потребления рекламы, оно привыкло, что всегда есть выбор.

Рассматривая эффективность мнемотехнических упражнений для работы со студентами младших курсов по направлению «Лингвистика» профиль «Перевод и переводоведение», у которых китайский язык является вторым иностранным языком. В процессе преподавания дисциплины «Практический курс перевода (второй иностранный язык)» базовыми упражнениями тренинга памяти на начальном уровне являются упражнения по мнемотехнике. Под мнемотехникой мы понимаем совокупность специальных приёмов и способов, облегчающих запоминание нужной информации и увеличивающих объём памяти путём образования ассоциаций [5]. По мнению И.С. Алексеевой, основной целью упражнений по мнемотехнике является расширение оперативной памяти, увеличение объема входящей информации [5, с. 35]. В обучении переводу языковой пары китайский-русский языки, современное переводоведение испыты-

вает сильный дефицит методической и практической литературы. Среди классических трудов по переводу особое место занимает учебное пособие «Общественно-политический перевод» под редакцией И.В. Войцехович [6]. Пособие подходит для овладения переводом на базовом этапе. Для начального этапа обучения учебные пособия практически отсутствуют, при том что в большинстве вузов обучение китайскому языку начинается с нуля, а дисциплина «Практический курс перевода второго иностранного языка» начинается в третьем семестре, по этой причине количество знаний о языке не является полным, а знания о географии, истории, культуре страны являются фрагментарными.

Основным принципом работы с упражнениями на тренировку памяти, предлагаемыми И.С. Алексеевой является отсутствие письменной записи. А. М. Шейко отмечает, что в письменном переводе и оценке контроля качества имеются различные инструменты памяти, в то время как основным инструментом устного переводчика является память [7, с. 284]. Преподаватель читает с листа, а студент в свою очередь повторяет всё, что осталось в памяти, данные упражнения являются эффективным, однако в виду слабой концентрации и отсутствия хорошо развитой оперативной памяти у поколения Z, оно может быть не таким эффективным как заявлено. Сниженная эффективность обусловлена отсутствием прочных ассоциативных связей, в то время как эффективность работы памяти поколения Z зависит от прочной ассоциативной базы. Содержание заданий должно быть строго категоризировано, иметь четкую структуру, наименования, названия или дата, должны иметь информацию, которую учащийся в последующем будет использовать для воспроизведения. В предлагаемом комплексе упражнений, мы опирались на особенности, рассмотренные ранее, такая необходимость обусловлена не только тем, что в учебной нагрузке профиля отсутствуют дисциплины «История Китая», «Страноведение», «Зарубежная литература», но также что по мнению А. Д. Мухтаровой использование лингвострановедческого подхода может послужить опорой для поддержания

мотивации, т.к. он включает в себя два аспекта: обучение языку и сообщение сведений о стране [8, с. 131].

Первым заданием является повторение ряда дат. Одно упражнение состоит из трех блоков, где каждый последующий блок усложняется путем прибавления одной цифры во втором блоке и прибавлением месяца в третьем блоке. Особенность упражнения состоит в том, что данные даты являются важными датами в истории двух стран России и Китая. Для наглядности рекомендуется подготовить визуальный ряд, соответствующий датам, можно продемонстрировать визуальный ряд, для последующего повторения.

Упражнение № 1. повторите за преподавателем в быстром темпе следующие даты по порядку:

1. 515年、789年、818年
2. 1054年-1358年-1408年
3. 1856年4月5号-1899年5月8号-1901年8月3号

Второе задание – повторение географических названий, достопримечательностей, театральных произведений и фильмов. В упражнении представлены известные имена собственные в китайском и русском языках. В качестве дополнительной нагрузки в этом упражнении, если студент не смог назвать наименование, он может дать краткую справку.

Упражнение № 2. повторите за преподавателем в быстром темпе следующие наименования:

географические названия

1. 符拉迪沃斯托克、圣彼得堡、伊尔库茨克、哈巴罗夫斯克。
2. Владивосток, Санкт-Петербург, Иркутск, Хабаровск.

достопримечательности

1. Терракотовая армия, Запретный город, Парк Храма Неба, озеро Сиху.
2. 马马耶夫山岗、国经成就展、彼得宫城、艾尔米塔什。

театральные произведения

1. «Прощай, моя наложница», «Легенда о Белой Змее», «Битва при Динцзюньшане», «Опьяневшая Ян Гуйфэй».
2. 《胡桃夹子》、《天鹅湖》、《睡美人》、《樱花园》。

компании

1. Тенсент, Хуавэй, Сяоми, Леново.
2. 俄油、俄天然气、俄罗斯国家原子能公司、俄铁。

кинофильмы

1. «Красный гаолян», «Город скорби», «Любовное настроение», «Подними красный фонарь».
2. 《莫斯科不相信眼泪》、《命运的捉弄》、《伊万瓦西里耶维奇换职业》、《一跃而上》。

Третье упражнение – запоминание и воспроизведение личных имен собственных. Данная группа слов представляет собой особую трудность в передаче как на китайском, так и на русском языках. Сложность обусловлена тем, что имена собственные при переводе в китайском языке обладают точным набором иероглифов, которые необходимо правильно запомнить, а китайские имена в русском языке специфичны в произношении.

Упражнение № 3. повторите за преподавателем в быстром темпе следующие имена собственные:

композиторы

1. Сергей Рахманинов, Пётр Чайковский, Сергей Прокофьев, Федор Шаляпин.
2. 谢尔盖•拉赫玛尼诺夫、彼得•柴科夫斯基、谢尔盖•普罗科菲耶夫、菲奥多尔•沙利亚宾.

писатели

1. Михаил Булгаков, Владимир Маяковский, Александр Грибоедов, Борис Акунин, Сергей Довлатов.
2. 米哈伊尔•布尔加科夫、弗拉基米尔•马雅可夫斯基、亚历山大•格里鲍耶陀夫、鲍里斯•阿古宁、谢尔盖•多夫拉托夫.

политические деятели

1. Владимир Путин, Сергей Лавров, Николай II, Петр Столыпин.
2. 弗拉基米尔•普京、谢尔盖•拉夫罗夫、尼古拉二世、彼得•斯托雷平.

спортсмены

1. Артем Дзюба, Хабиб Нурмагомедов, Александр Овечкин, Алина Загитова.

2. 阿尔乔姆·久巴、哈比卜·努尔马格妙多夫、亚历山大·奥韦奇金、阿利纳·扎吉。

учёные

1. 李 绍 沅 彦, 孙 晋 彦 彦, 范 允 昌 吉, 刘 文 飞 飞.
2. 李 小 江、宋 健、王 永 志、刘 文 飞。

Следующий этап – усложнение заданий, привлечение первого «рабочего» иностранного языка – английского. «Практический курс перевода первого иностранного языка» преподается с опережением на один семестр, то у студентов уже создан необходимый словарный запас имен собственных в правильном британском или американском произношении, а также и в закрепленном традицией русском варианте. Поэтому, можно предложить выполнение заданий, где формируется и отрабатывается еще и навык переключения с языка на язык. На первом этапе выполнения задания можно поставить задачу повторить цепочку имен в быстром темпе, не меняя их последовательности.

Упражнение № 4 повторите за преподавателем в быстром темпе следующие имена собственные:

актеры

1. *Viktoriya Tolstoganova, Jude Law, Ralph Fiennes, 王一博 Wáng Yībó, Виктория Толстогонова, Джуд Лоу, Рэйф Файнс, Ван Ибо*

Упражнение № 4.2. Ученые.

1. *钱学森 Qián Xuésēn, Ivan Pavlov, Alexander Fleming Цянь Сюэсэн, Иван Павлов, Александр Флеминг*

музыканты

1. *David Bowie, Denis Matsuev, Sting, Zhou Jie Lun 周杰倫*

Дэвид Боуи, Денис Мацуев, Стинг, Чжоу Цзелунь

писатели

1. *Nick Hornby, 张戎 Zhāng Róng, Zakhar Prilepin, Joanne Rowling, Ник Хорнби Юн Чжан Захар Прилепин Джоан Роулинг*

В статье А.В. Сапа «Поколение Z – поколение эпохи ФГОС» [9], рассмотрены рекомендации, которые необходимо внести в процесс обучения. Резюми-

руя изложенное в статье, можно придти к следующим выводам, релевантным для подготовки материала по дисциплине «Практический курс перевода второго иностранного языка».

Во-первых, необходимо обеспечение обратной связи с учениками в устной форме (необходимо вести диалог, спрашивать какие моменты они находят трудными, а что дается легко).

Во-вторых, представляется совершенно обязательным эффективное управление временем (учитывая клиповое мышление, ученик не может сосредоточиться на одном монотонном задании более 20 минут). Учитывая этот факт, предложенные нами упражнения, не отражают только числовую плоскость, а затрагивают разные сферы, что помогает переключаться и строить в голове прочные ассоциации.

В-третьих, ключевые моменты образовательного процесса необходимо подкреплять визуально (предлагается к каждой мнемонической цепочке–готовить визуальный ряд, основанный на особенностях этой самой цепочки). К примеру, для ученых, можно подготовить ассоциативный ряд из достижений, а к фирмам логотипы.

В-четвертых, преподаватель должен не только преподавать, но и демонстрировать сам, что обладает данными навыком.

В-пятых, предъявляемые требования к учащимся должны быть полностью прозрачны. Четкие рамки выполнения задания, задают характер работы, чем понятнее будет система, тем проще будет подстроиться учащемуся.

Мнемотехнические упражнения могут претендовать на статус «любимчиков» для поколения Z, так как закрывают большинство потребностей для эффективного обучения. Задача преподавателя главным образом состоит в том, чтобы побуждать учащихся к изучению и овладению материалом, путем объяснения как тот или иной вид деятельности может быть полезен им в профессиональной сфере.

Список литературы

1. Howe N., Strauss W. *Fourth turning: what the cycles of history tell us about America's next rendezvous with destiny*. Broadway Books; 1997.
2. Шамис Е. *В каких условиях растет поколение Милениум и Z и что станет их ценностями*. URL: <http://rugenations.ru> [дата обращения: 18.01.2023].
3. Миронова О.А. Проблемы и задачи цифрового образования в России в контексте теории поколений. *Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)*. 2019;1(65):51–63.
4. Sigacheva N. A. Interaction of teachers and students in the digital educational environment in the process of teaching a professional foreign language. *Kazan Linguistic Journal*. 2023; 6(1):7–15.
5. Алексеева И.С. *Профессиональный тренинг переводчика: учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей*. Санкт-Петербург: Издательство Союз; 2004. EDN TTSXLF.
6. Войцехович И.В. *Сборник дополнительных материалов к учебнику «Китайский язык. Общественно-политический перевод. Начальный курс»*. Москва: ООО «ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ВКН»; 2017.
7. Шейко А. М. Инструменты прикладной лингвистики в контроле качества перевода. *Казанский лингвистический журнал*. 2023; 6(2):282–293.
8. Мухтарова А.Д. Фоновые знания в методике обучения переводу общественно-политического текста (на материале испанской прессы). *Казанский лингвистический журнал*. 2018; 1(4):120–134.
9. Сапа А.В. Поколение Z – поколение эпохи ФГОС. *Инновационные проекты и программы в образовании*. 2014;(2):24–30.

References

1. Howe N., Strauss W. *Fourth turning: what the cycles of history tell us about America's next rendezvous with destiny*. Broadway Books; 1997. (In Eng.)
2. Shamis E. *What conditions the Millennium and Z generation is growing up in and what their values are*. Available from: <http://rugenations.ru> [accessed: 18.01.2023]. (In Russ.)
3. Mironova O.A. Problems and tasks of digital education in Russia in the context of generation theory. *Bulletin of the Rostov State University of Economics (RINH)*. 2019;1(65):51–63. EDN ZCULPN. (In Russ.)
4. Sigacheva N.A. Interaction of teachers and students in the digital educational environment in the process of teaching a professional foreign language. *Kazan Linguistic Journal*. 2023; 6(1):7–15.
5. Alekseeva I.S. *Professional training of an interpreter: textbook on interpreting and translation interpreters and teachers*. St. Petersburg: Izdatelstvo Soyuz; 2004. EDN TTSXLF. (In Russ.)
6. Voytsekhovich I.V. *Collection of additional materials for the textbook "Chineses language. Socio-political translation. Elementary course."* Moscow: ООО "ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ВКН"; 2017. (In Russ.)
7. Sheiko A.M. Language technology tools in translation quality assurance. *Kazan Linguistic Journal*. 2023; 6(2):282–293.
8. Mukhtarova A.D. Background knowledge in teaching of a socio-political text translation (on the material of the spanish newspapers). *Kazan Linguistic Journal*. 2018; 1(4):120–134.
9. Sapa A.V. Generation Z – the generation of the FSES era. *Innovative projects and programs in education*. 2014;(2):24–30. (In Russ.)

Авторы публикации

Бойченко Наталья Викторовна –
кандидат филологических наук, преподаватель
Волгоградский государственный

Authors of the publication

Boychenko Natalia Viktorovna –
PhD in Philology, Lecturer
Volgograd State Socio-Pedagogical University

*социально-педагогический университет
Волгоград, Россия
Email: nboychenko@yandex.ru
https://orcid.org/0009-0005-0645-9255*

Бударина Жанна Сергеевна
*старший преподаватель
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет
Волгоград, Россия
Email: janissimo@inbox.ru
https://orcid.org/0009-0000-9612-0039*

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

*Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.*

Информация о статье

*Поступила в редакцию: 06.10.2023
Одобрена после рецензирования: 10.11.2023
Принята к публикации: 2.12.2023*

*Автор прочитал и одобрил окончательный ва-
риант рукописи.*

Информация о рецензировании

*«Казанский лингвистический журнал» благода-
рит анонимного рецензента (рецензентов) за их
вклад в рецензирование этой работы.*

*Volgograd, Russia
Email: nboychenko@yandex.ru
https://orcid.org/0009-0005-0645-9255*

Budarina Zhanna Sergeevna
*Senior Lecturer
Volgograd State Socio-Pedagogical University,
Volgograd, Russia
Email: janissimo@inbox.ru
https://orcid.org/0009-0000-9612-0039*

Conflicts of Interest Disclosure

*The author declares that there is no conflict of in-
terest.*

Article info

*Submitted: 06.10.2023
Approved after peer reviewing: 10.11.2023
Accepted for publication: 2.12.2023*

*The author has read and approved the final manu-
script.*

Peer review info

*Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous re-
viewer(s) for their contribution to the peer review of
this work.*

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ THEORY AND METHODOLOGY OF TRAINING AND EDUCATION

Научная статья
УДК 372.881.1

Педагогические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.19-28>

ПРЕИМУЩЕСТВА ЯПОНСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА КАК СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

М.И. Прокофьев

*Институт иностранных языков, Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия*

prokofevmi@mgpu.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3267-3663>

Аннотация. Японское общество в своём развитии прошло множество этапов, которые сделали его крайне аутентичным и не похожим на иные этнические социумы. Эта уникальность проявляется и в японском языке, структура которого содержит большое количество различных нюансов, делая его уникальной языковой системой. В связи с этим особую значимость при обучении японскому приобретает формирование лингвокультурологической компетенции, владение которой позволяет осуществлять максимально эффективную коммуникацию в силу учёта экстралингвистических особенностей, занимающих значимую позицию в общении японцев. В настоящее время не существует полноценных русскоязычных пособий, направленных на формирование данной языковой компетенции, а потому актуальной является проблема поиска оптимальной технологии, а также выбор соответствующих языковых материалов, позволяющих выполнять поставленную задачу. В данном исследовании в качестве средства формирования лингвокультурологической компетенции при обучении японскому языку предлагаются японские исторические романы. Расцвет данного жанра пришёлся на середину XX века, а произведения, относящиеся к нему, сочетают в себе реалистичную историю японского средневековья и психологизм литературы эпохи модерна. Это делает данные романы богатым источником языкового материала, используемого в разнообразном контексте, что может оказать положительное влияние на формирование лингвокультурологической компетенции. Кроме того, в произведениях, относящихся к данному жанру, выукло демонстрируется характерная для Японии социальная вертикаль, взаимоотношения внутри которой влияют на выбор языковых средств. Также важным преимуществом применения исторических романов в образовательном процессе является возможность предугадывания студентами содержания последующего текста в силу того, что фабула сюжета, основывается на исторических событиях.

Ключевые слова: лингвокультурологическая компетенция; японский язык; японский исторический роман; предугадывание; социальная вертикаль

Для цитирования: Прокофьев М.И. Преимущества японского исторического романа как средства формирования лингвокультурологической компетенции. *Казанский лингвистический журнал*. 2024;7(1): 19–28. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.19-28>

Original article

Pedagogy studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.19-28>**ADVANTAGES OF THE JAPANESE HISTORICAL NOVEL AS A MEANS OF DEVELOPING LINGUOCULTURAL COMPETENCE****M.I. Prokofev***Institute of Foreign Languages, Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia
prokofevmi@mgpu.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3267-3663>*

Abstract. Japanese society has gone through many stages in its development that have made it extremely authentic and different from other ethnic societies. This uniqueness is manifested in the Japanese language, which structure contains many different nuances, making it a unique language system. In this regard, the formation of linguocultural competence, that includes capability of making the most effective communication due to the consideration of extra-linguistic features, is of particular importance in teaching Japanese. There are no full-fledged Russian-language aids aimed at the formation of the competence. Moreover, research of the optimal technology, as well as the choice of appropriate language materials is relevant. In this study, Japanese historical novels are proposed as a means of forming linguocultural competence in Japanese language teaching. This genre flourished in the middle of the twentieth century, and the works belonging to it combine the realistic history of the Japanese Middle Ages and the psychologism of modernist literature. This makes these novels a rich source of linguistic material used in a variety of contexts, which can have a positive impact on the formation of linguocultural competence. In addition, works belonging to this genre clearly demonstrate the social vertical characteristic of Japan, the relationships within which influence the choice of linguistic means. Also, an important advantage of using historical novels in the educational process is the possibility for students to anticipate the content of the subsequent text because the plot is based on historical events.

Keywords: linguocultural competence; Japanese language; Japanese historical novel; anticipation; social vertical

For citation: Prokofiev M.I. Advantages of the Japanese Historical Novel as a Means of Forming Linguocultural Competence. *Kazan Linguistic Journal*. 2024;7(1): 19–28. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.19-28>

Современная эпоха предъявляет обновленные требования к иноязычному образованию. Так, лингводидактика постмодерна направлена на то, чтобы «сформировать у студента междисциплинарное видение мира, а не наполнять его сознание конкретными знаниями и умениями» [1, с. 6]. Кроме того, важно учитывать, тот факт, что «одной из ключевых доминант современного поликультурного, многоязычного образования является культуросообразность образования» [2, с. 15]. Иными словами, особое значение приобретает применение в процессе обучения языку культурноориентированных подходов. Поскольку «стратегической целью изучения иностранного языка является формирование профессиональных и коммуникативных навыков, которые обеспечивают их готовность участвовать в ... межкультурной коммуникации с представителями иных языковых и культурных обществ» [3, с. 758], особую актуальность приоб-

ретает формирование лингвокультурологической компетенции – способность обучающегося воспринимать лингвокультурологическую информацию, содержащуюся в языковых единицах [4, с.454–455].

Особую значимость освоение данной компетенции приобретает при изучении японского языка, поскольку коммуникация в данной языковой системе в большинстве случаев опирается на восприятие затекстовых содержаний [5, с. 179–180]. Кроме того, важную роль лингвокультурологическая компетенция играет и в формировании тезауруса как «структурированных знаний, которыми руководствуется субъект при оформлении своей речи» [6, с. 37]. Происходит это за счет того, что она предполагает «знание ... обучающимися семантики культурно маркированных языковых единиц и их национально-исторического фона в контексте межкультурного взаимодействия» [7, с. 441]. Мы считаем, что оптимальным средством формирования данной компетенции является японский исторический роман.

В первую очередь, необходимо определить жанровые рамки данного литературного направления. Исследователи определяют данный термин следующим образом: «художественное произведение, темой которого является историческое прошлое» [8, с. 12]. При этом особое внимание уделяется тому, что героями произведения являются реальные исторические личности, а значимые исторические события занимают большую часть повествования. Эти характерные черты сохранились и в произведениях писателей Страны восходящего солнца. Однако появление их на японском архипелаге произошло практически через столетие после того, как данный жанр начал покорять европейскую литературу – во второй четверти XX века. В то же время важно подчеркнуть, что полного заимствования жанра не произошло. Он был адаптирован в соответствии с местными литературными традициями.

Так данные произведения приобрели размах сопоставимый с эпопеями, охватывая десятилетия исторических событий, с детальной тщательностью описывая происходящее. Несмотря на это японские исторические романы пе-

реляли самые главные характеристики у западных образцов: главным героем произведения все также становилась реальная историческая личность, а основные этапы развития сюжета романа соответствуют документально зафиксированным событиям. При этом отдельные детали происходящего воссоздаются исключительно посредством фантазии писателя. В рамках нашего исследования мы предлагаем использовать чтение японских исторических романов в оригинале в качестве средства формирования лингвокультурологической компетенции. Ниже мы хотели бы представить несколько факторов, способствующих, на наш взгляд, такому выбору. В качестве источника примеров мы возьмём роман Ёсикава Эйджи «新平家物語», название которого мы предлагаем переводить как «Новое сказание о Хэйкэ». Поскольку в настоящий момент не существует опубликованного перевода данного произведения с японского, все представленные в рамках данной работы отрывки на русском выполнены непосредственно нами.

Во-первых, произведения данного жанра обладают богатым языковым потенциалом, включающим в себя различные проявления стандартного японского языка. Авторский текст в соответствии с нормами японской художественной литературы написан с использованием простых форм глагола, что, в определённом смысле, сокращает дистанцию между писателем и читателями. Например:

不意に、体じゅうから出たかれの聲が、人びとの耳をしびれるほど打った。(«Его резкий возглас, шедший как будто откуда-то из груди, казалось парализовал всех вокруг»). В этой фразе заключительный глагол 打った *утта* стоит в простой форме прошедшего времени [9, с. 308]. Также простые формы могут встречаться и в прямой речи персонажей, причём, они будут использоваться для демонстрации фамильярного, а часто и грубого стиля речи. だが、貴様までが、みたいな迷信をいうからだ。(«Но даже ты произносишь подобные предсказания»). Здесь используется простая форма связки です – だ

да, кроме того, употребляется и грубое местоимение 貴様 *кисама* «ты», которое стилистически дополняет композицию всей фразы, придавая ей большую фамильярность.

Поскольку японское средневековье отличается сильной социальной стратификацией, в данных произведениях встречается большое количество коммуникативных ситуаций, в которых взаимодействуют представители разных социальных групп, что находит своё отражение в выборе используемых языковых средств. Чаще всего это достигается посредством использования *кэйго* – вежливого стиля японской речи. どうして、孔子の誕生日が、二十一日と、お分かりになりますか？ («Вы помните о том, что 21 числа день рождения Конфуция?»). На использование вежливого стиля указывает конструкция *お...になります* *о...-ни наримасу*, демонстрирующая то, что речь идёт про второе лицо, стоящее выше по положению [10, с. 344].

Реже встречаются фразы нейтрально-вежливым стиле. Это объясняется тем, что во времена, описываемые в произведении, в устной речи к нему прибегали достаточно редко. Однако, так называемое *тэйнэйго* можно было встретить, например, в женской речи при обращении к близким родственникам. Вот как, к главному герою обращается его мачеха: 平太、ばちがあたりますぞ («Хэйта, ты будешь наказан за это!»). На то, что фраза относится к данному стилю указывает суффикс вежливости *ます* *масу*, стоящий после второй основы глагола *あたり* *атару* [9, с. 125].

Безусловно, художественный неадаптированный текст на японском языке будет вызывать трудности у обучающихся вне зависимости от того, на какой стадии обучения они находятся. Однако преодолению трудностей данного рода может способствовать следующее свойство японских исторических романов.

Важную роль в процессе чтения как вида речевой деятельности играет предугадывание. Особенно заметную роль оно начинает играть при чтении на

иностранным языке, когда читателю может встретиться достаточное количество незнакомых языковых элементов. В данной ситуации особое значение приобретает то, насколько читающий представляет себе содержание текста в целом и то, какие лингвистические нюансы оно может повлечь за собой, в частности. В связи с жанровыми особенностями японских исторических романов обучающиеся могут предполагать ход событий в общих чертах и учитывать бытовые обстоятельства той эпохи, в которой развиваются события. Все это может облегчить им работу с текстом, поскольку даже, если они не будут уверены в том, как именно стоит переводить тот или иной фрагмент текста, они смогут с высокой долей вероятности распознать его содержание [11, с. 105]. В качестве примера мы хотели бы привести главу, описывающую смерть семилетнего императора Антоку. Она называется 死の清掃 («Очищение смертью») и посвящена трагедии, которая завершила политическую гегемонию Тайра – битве при Данно ура. Вторая часть главы начинается с фразы みかどのお側に残っている女房 («Придворные дамы, остающиеся при императоре»), что сразу отсылает к тому печально известному эпизоду, когда мать императора бросилась в воду с ребенком на руках [12, с. 88]. Таким образом, читатели, изучающие японский язык, а не владеющие им на уровне носителя, получают возможность предугадать содержание последующих предложений, опираясь на обнаруженные ими знакомые языковые единицы и известный исторический контекст.

С другой стороны, если обучающиеся будут полностью знать сюжет произведения, это может отбить у них мотивацию к чтению в целом. Эта проблема решается с помощью ещё одного специфического свойства японских исторических романов. Оно заключается в том, что в настоящее время данный жанр не только остаётся одним из практически неисследованных проявлений литературы Страны восходящего солнца, но и, более того, не существует полных переводов этих произведений с японского языка. Например, единственный опубликованный перевод 新平家物語 занимает около 600 страниц в то время, как японская версия – порядка 3000. Однако дело не только в объёме, но и в содер-

жании подобных изданий. Поскольку выполняются они, в большинстве своём, людьми, не работающими с японской культурой, большое количество культурологической информации остаётся за рамками перевода. Например, в переводе Л. А. Игоревского встречается следующая фраза «младшая из девушек, носила волосы по-детски – уложенные узлом на затылке», в то время как в оригинале речь об иной причёске [13, с.106]. 妹はまだうない髪の童女である [14, с. 75] – «младшая сестра была ещё подростком, носившей причёску унай». Такая стрижка предполагала волосы до плеч с прямым пробором, но не узел.

Таким образом, мы можем говорить о том, что работа с японским текстом исторического романа – задание уникальное, поскольку у обучающихся будет дополнительная мотивация работать с данным текстом, так как они будут своего рода «первооткрывателями», знакомясь с материалами, неизвестными русскоязычной публике. Мотивация является важной составляющей любого образовательного процесса и значимость ее только возрастает по мере того, как растет сложность выполняемых задания. Работа с аутентичными японскими текстовыми материалами представляет сложность и для дипломированных специалистов. Поэтому подобная «способность» исторических романов представляется также важным фактором, оказывающим существенное влияние на выбор его в качестве лингводидактического инструмента.

Избегая в данной работе обоснования выбора той или иной методики формирования лингвокультурологической компетенции при обучении японскому языку, мы стремились продемонстрировать эффективность использования текстов японских исторических романов, чтение которых может быть выбрано в качестве основного инструмента для формирования лингвокультурологической компетенции. Это объясняется тем, что произведения данного жанра, написанные в большинстве своём не так давно (менее столетия назад), используют нормы современного стандартного японского языка. Это, в свою очередь, позволяет говорить о том, что лингвокультуремы, актуальные сегодня, встречаются и в тексте выбранных нами произведений. Что не менее важно, масштаб

и вариативность содержания романов даёт обучающимся возможность встретить их употребление в разном контексте, вне зависимости от которого данные лексические единицы будут сохранять собственное лингвокультурологическое значение. Эта «стабильность» на фоне общей изменчивости языковых и сюжетных обстоятельств, а также те коллокации, которые будут сопровождать данные лексемы (в японских исследованиях выделяют такую группу коллокаций как «коллокационные идиомы» – «сочетания, которое является устойчивым выражением на грани фразеологизмов» [15, с. 167]), создаст оптимальные условия для формирования лингвокультурологической компетенции японского языка.

Очевидно, чтение подобного рода текстов: несколько устаревших и неадаптированных – задача достаточно трудоёмкая. Однако определенные характеристики выбранных произведений способны это компенсировать. Во-первых, основой сюжета этих произведений является история Японии, которая должна быть знакома, обучающимся, чей уровень языка достаточен для того, чтобы читать данные тексты. Ключевые персонажи, основные события, важные «сюжетные» повороты – всё это не станет новым для учащихся, но напротив, будучи им знакомым, позволит быстрее адаптироваться к тексту, предугадывать последующее содержание произведения. Кроме того, особую ценность произведений данного жанра составляет то, что они практически не исследованы как в русскоязычной японистике, так и за рубежом. Это может повысить мотивацию к дальнейшей работе с текстом у обучающихся, так как они являются одними из первых кому приходится исследовать данный аутентичный материал.

В свете всего вышесказанного мы хотели бы ещё раз обратить внимание на те, положительные стороны, которыми обладают японские исторические романы с точки зрения лингводидактики. Являясь своеобразной формой синтеза западного и восточного в японской литературе, они предлагают широкий спектр возможностей для использования их в процессе обучению языку Страны восходящего солнца, в частности, при формировании лингвокультурологиче-

ской компетенции, которая позволяет учитывать «универсальные и специфические характерные поведенческие и коммуникационные черты различных наций» [16, с. 541].

Список литературы

1. Бокова Т.Н., Морозова В.И. Влияние идей постмодернизма на высшее образование в России. *Проблемы высшего образования и современные тенденции социогуманитарного знания (VIII Арсентьевские чтения)*. 2020;27–31. DOI 10.31483/r-63955.
2. Языкова Н. В. Эволюция парадигм в лингводидактике глазами современника. *Иностранные языки в школе*. 2019;5:12–17.
3. Tareva E. G, Tarev B.V. The assessment of students' professional communicative competence: new challenges and possible solutions. *XLinguae*. 2018;11(2):758–767. DOI 10.18355/XL.2018.11.02.59. (На англ. яз.)
4. Носова Е.С. Место лингвокультурологической компетенции в системе обучения родному. *Известия российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2008;37(80):453–456.
5. Изотова Н.Н. Этнокультурные особенности стиля японской коммуникации. *Вестник МГИМО-Университета*. 2012;6(27):179–182. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2012-6-27-179-182>
6. Абдулмянова И.Р. Формирование профессионального тезауруса личности как цель профессионального образования. *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2010;2(92):36–39.
7. Бастриков Д. А. Методический эксперимент как инструмент развития лингвокультурной компетенции иностранных. *Казанский лингвистический журнал*. 2022;5(4):437–450. DOI 10.26907/2658-3321.2022.5.4.437-450
8. Жачемукова Б.М., Бешукова Ф.М. Художественная специфика жанра исторического романа. *Вестник Адыгейского государственного университета*. 2011;1:11–17.
9. Нечаева Л.Т. *Японский язык для начинающих Ч.1 Москва: Московский Лицей; 2011.*
10. Нечаева Л.Т. *Японский язык для начинающих Ч.2 Москва: Московский Лицей; 2016.*
11. Федянина В.А. Лингвострановедческий компонент содержания занятий по истории и культуре Японии. *Вестник Московского городского педагогического университета*. 2010;2:99–104.
12. Стрельцов Д.В. *История Японии*. Москва: Аспект пресс; 2018.
13. Ёсикава Э. *История Хэйкэ* Москва: ЗАО Центрполиграф; 2004.
14. Ёсикава Э. *Полное собрание сочинений Ч. 33*. Токио: Коданся; 1967. (на яп. яз.)
15. Нурғалиев И.Р. Понятие «коллокация» в русском, английском и японском языках. *Научный старт – 2022*. 2022;164–169.
16. Марковский А. В. Актуальные проблемы языкознания и культуры общения. *Казанский лингвистический журнал*. 2022;5(4):535–546. DOI 10.26907/2658-3321.2022.5.4.535-546.

References

1. Bokova T.N., Morozova V.I. Influence of postmodernism ideas on higher education in Russia. *Problems of higher education and modern trends of socio-humanitarian knowledge (VIII Arsentiev Readings)*. 2020;27–31. DOI 10.31483/r-63955. (In Russ.)
2. Yazykova N.V. A contemporary's view on the evolution of paradigms in tfl methodology. *Foreign languages at school*. 2019;5:12–17. (In Russ.)
3. Tareva, E. G., Tarev B.V. The assessment of students' professional communicative competence: new challenges and possible solutions. *XLinguae*. 2018;11(2):758–767. DOI 10.18355/XL.2018.11.02.59.

4. Nosova E.S. Place of linguocultural competence in the system of teaching the native language. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2008; 37(80):453–456. (In Russ.)
5. Izotova N.N. Ethno-cultural characteristics of Japanese communication style. *MGIMO Review of International Relations* [Internet]. 2012;(6(27)):179–82. DOI10.24833/2071-8160-2012-6-27-179-182_(In Russ.)
6. Abdulmyanova I.R. Formation of professional personal thesaurus as a goal of the professional education. *Tomsk state pedagogical university bulletin*. 2010;2(92):36–39. (In Russ.)
7. Bastrikov D. A. Methodological experiment as a tool for the development of linguocultural competence of foreign. *Kazan linguistic journal*. 2022;5(4):437–450. DOI 10.26907/2658-3321.2022.5.4.437-450 (In Russ.)
8. Zhachemukova B.M., Beshukova F.M. Artistic specificity of the historical novel genre. *Bulletin of Adygeya State University*. 2011;1:11–17. (In Russ.)
9. Nechaeva L.T. *Japanese language for beginners* Part 1. Moscow: Moscow Lyceum; 2011. (In Russ.)
10. Nechaeva L.T. *Japanese language for beginners* Part 2. Moscow: Moscow Lyceum; 2016. (In Russ.)
11. Fedyanina V.A Linguistic and regional studies components in teaching history and culture of Japan. *Bulletin of Moscow City Pedagogical University*. 2010;2:99–104. (In Russ.)
12. Streltsov D.V. *History of Japan*. Moscow: Aspect Press; 2018. (In Russ.)
13. Yoshikawa E. *Heike History*. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf; 2004. P. 606. (In Russ.)
14. Yoshikawa Eiji. *Complete Works*. Ch. 33 Tokyo: Kodansya; 1967. P. 487. (In Japanese).
15. Nurgaliev I.R. The concept of "collocation" in Russian, English and Japanese languages. *Scientific Start – 2022*. 2022;164–169. (In Russ.)
16. Markovsky, A. V. Actual problems of linguistics and culture of communication. *Kazan linguistic journal*. 2022;5(4):535–546. DOI 10.26907/2658-3321.2022.5.4.535-546. (In Russ.)

Авторы публикации

Прокофьев Михаил Иванович –
ассистент

кафедра японского языка ИИЯ МГПУ
Москва, Россия

Email: prokofevmi@mgpu.ru

<https://orcid.org/0009-0007-3267-3663>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 04.02.2024

Одобрена после рецензирования: 20.02.2024

Принята к публикации: 27.02.2024

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Authors of the publication

Prokofev Mikhail Ivanovich –
Assistant

Department of the Japanese language, IFL MCU
Moscow, Russia

Email: prokofevmi@mgpu.ru

<https://orcid.org/0009-0007-3267-3663>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 04.02.2024

Approved after peer reviewing: 20.02.2024

Accepted for publication: 27.02.2024

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 811.111

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.29-38>

**БАЗОВЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ТАКТИКИ
НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО БЛОГЕРА И СПОСОБЫ ИХ ВЫРАЖЕНИЯ**

А.А. Авилова

*Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия
avilova97@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-2912-3093>*

Аннотация. Проанализирован феномен коммуникативного поведения как предмета многочисленных лингвистических исследований. Определена актуальность виртуальной коммуникации в современном социуме. Рассмотрены понятия блога, блогера и языковой личности. Даны определения коммуникативной стратегии и тактики и представлена их соотнесенность друг с другом. Установлен ряд часто используемых блогером коммуникативных тактик в блогах дневникового типа. Описаны следующие тактики: самопрезентация, контроль над темой и ее пониманием реципиентом, эмоционально-настраивающая, как ведущие коммуникативные тактики в немецкоязычном блоге. Выявлена соотнесенность данных тактик с лексическими и стилистическими особенностями текстов немецкоязычного блогера. Установлена зависимость выбора используемых блогером языковых единиц от его коммуникативной интенции. Определены лексические средства выражения тактики самопрезентации, в частности выявлено активное использование фразеологических сочетаний и сленговых выражений. Дана характеристика терминов, жаргонной лексики и профессионализмов, применяемых блогером для осуществления тактики контроля над темой и её пониманием реципиента. Описана эмоционально-настраивающая тактика блогера, эксплицированная сленговыми словами и выражениями, а также невербальным способом (посредством смайликов). Объяснена причина активного применения блогером данных тактик в информационном пространстве блога.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия; коммуникативная тактика; коммуникативная интенция; блог; блогер; фразеологизм; сленг

Для цитирования: Авилова А.А. Базовые коммуникативные тактики немецкоязычного блогера и способы их выражения. *Казанский лингвистический журнал*. 2024;7(1): 29–38. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.29-38>

Original article

Philology studies
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.29-38>

**BASIC COMMUNICATIVE TACTICS OF A GERMAN-SPEAKING
BLOGGER AND WAYS OF EXPRESSING THEM**

A.A. Avilova

*Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia
avilova97@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-2912-3093>*

Abstract. The phenomenon of communicative behavior as a subject of numerous linguistic studies is analyzed. The relevance of virtual communication in modern society is determined. The article considers concepts of a blog, a blogger and a linguistic personality. Definitions of communication strategy and tactics are given and their correlation with each other is presented. A number of

communication tactics frequently used by bloggers in diary-type blogs have been identified. The following tactics are described: self-presentation, control over the topic and its understanding by the recipient, emotional adjustment, as the leading communication tactics in a German-language blog. The correlation of these tactics with the lexical and stylistic features of the texts of the German-speaking blogger is revealed. The dependence of the choice of language units used by a blogger on his communicative intention is defined. The lexical means of expressing self-presentation tactics are identified, in particular, the active use of phraseological combinations and slang expressions is revealed. The characteristics of the terms, jargon and professionalism used by the blogger to implement tactics of control over the topic and its understanding of the recipient are given. The blogger's emotionally tuning tactics are described, explicated through slang words and expressions, as well as non-verbally (through emoticons). The reason for the blogger's active use of these tactics in the blog information space is explained.

Keywords: communicative strategy; communicative tactics; communicative intention; blog; blogger; phraseology; slang

For citation: Avilova A.A. Basic Communicative Tactics of a German-Speaking Blogger and Ways of Expressing them. *Kazan Linguistic Journal*. 2024;7(1): 29–38. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.29-38>

Обзор многочисленных отечественных лингвистических публикаций, вышедших в свет за последние два десятилетия, позволяет сделать вывод о большом интересе филологов к проблемам изучения такого феномена, как коммуникативное поведение [1, с. 25-30; 2, с. 31-39; 3; 4]. Обсуждение вопросов, связанных с изучением этого явления, имеет своим результатом установление этнокультурных, социокультурных и гендерных особенностей участников коммуникации. Заметим, что в настоящее время все более актуальным в поле зрения лингвистов становится исследование виртуальной коммуникации как глобального средства человеческого общения, объединяющего социум посредством различных форм и каналов интернет-пространства. При этом, согласно наблюдениям А.В. Кульминской, наибольший интерес вызывает блог как особый жанр интернет-общения, который представляет собой веб-сайт, содержащий датированные записи текстового и мультимедийного характера с возможностью комментирования [5, с. 11].

Личные блоги дневникового типа более распространены на просторах Интернета, чем какие-либо другие. Они составляют сегодня 70,4% интернет-пространства [6]. Данный факт объясняет наше решение обратиться к лингви-

стическому анализу личных блогов дневникового типа как к эмпирической базе, состоящей из 528 контекстов из 245 постов и 283 комментариев блогов авторов из Германии, Австрии и Швейцарии на блог-портале «LiveJournal».

Поскольку блогер – это пользователь Интернета, ведущий блог и повествующий о каких-либо значимых для него или для общества событиях [7, р. 3], он может быть рассмотрен как языковая личность. Под понятием языковой личности вслед за Ю.Н. Карауловым мы понимаем «многокомпонентный и многослойный набор языковых способностей, умений, готовностей к осуществлению речевых поступков разной степени сложности» [8, с. 32]. Интерес для нас представляет изучение речевых поступков немецкоязычных блогеров, нечасто оказывающихся, насколько мы можем судить, в поле зрения отечественных лингвистов.

Независимо от того, какой характер носит та или иная коммуникация, любая коммуникативная личность руководствуется выбором определенных коммуникативных стратегий и использует конкретные речевые тактики для того, чтобы процесс коммуникации был успешно реализован, и коммуникативная цель была достигнута. Исходя из этого утверждения, мы ставим в статье следующие задачи – выявить специфику коммуникативных тактик немецкоязычного блогера и установить лексические средства их выражения.

Рассмотрим далее понятия коммуникативной стратегии и тактики.

О.С. Иссерс под коммуникативной стратегией понимает «планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и реализацию этого плана» [9, с. 54]. При этом реализация плана общения может осуществляться разными способами, т.е. стратегический замысел определяет выбор средств и приемов общения. Коммуникативная тактика – это совокупность речевых действий, выполняемых в определенной последовательности и реализующих коммуникативную стратегию по заданным правилам [10, с. 69]. Отсюда следует, что коммуникативные тактики представляют собой кон-

кретные шаги, направленные на реализацию коммуникативной интенции, замысла отправителя письменного или устного текста.

В ходе анализа различных видов коммуникативных тактик нами был сделан вывод о том, что существует большое количество тактик, которые характерны для разных ситуаций общения и для воплощения поставленной задачи говорящего [3, с. 39; 9, с. 110; 11, с. 470-480; 12, с. 68-80].

В результате исследования материала блог-портала «LiveJournal» установлен ряд коммуникативных тактик, среди которых немецкоязычный блогер достаточно часто прибегает к применению тактики самопрезентации, тактики контроля над темой и ее пониманием реципиентом и эмоционально-настраивающей тактики. Та или иная тактика, как известно, выражена определенными языковыми единицами, которые используются автором для успешного достижения коммуникативной интенции.

Рассматривая тактику самопрезентации (или в иной терминологии – контактоустанавливающую тактику), мы обнаружили, что она, как правило, лимитирована по объему, кратковременна, т.е. в блоге она выражается всего лишь одним-двумя постами для создания образа блогера, привлекающего читателя не только с положительной, но и в ряде случаев с отрицательной стороны. При реализации данной тактики говорящим/пишущим используются вербальные и невербальные средства с целью создания желаемого им впечатление – заинтересовать собеседника, привлечь к себе его внимание. При анализе материала, в котором имеет место тактика самопрезентации, обращает на себя внимание высокочастотное использование немецкоязычными блогерами многочисленных фразеологических сочетаний, многие из которых экспрессивны. Они нацелены на то, чтобы блогер мог успешно настроиться на диалог с читателями, выйти с ними на общую «волну» общения. Так, например, автор *avesphena* [13] в своем посте использует следующий ряд фразеологизмов: *mit dem Gedanken spielen* (т.е. автор долго обдумывал возможность снова вести блог, взвешивал свое решение); *durch den Kopf fliegen* (слова лишь мелькают у автора

в голове, а не складываются в единые тексты, которые необходимы для ведения блога); *in Frage kommen* (об использовании блогером платных возможностей ведения блога не может идти и речи). Завершая мысль о возобновлении ведения блога, его автор при помощи устойчивого сочетания *freien Lauf lassen* «позволить чему-либо идти своим чередом» выражает желание дать волю своим чувствам и мыслям, чему может эффективно способствовать блог как открытая площадка для любого желающего. Широкое распространение фразеологизмов в социолекте блогеров обусловлено в первую очередь их экспрессивным потенциалом, нередко яркостью образов, ими выражаемых.

Помимо активно используемых фразеологизмов немецкоязычный блогер в своем стремлении установить контакт с адресатом нередко прибегает к употреблению сленговых выражений, тем самым пытаясь, как мы понимаем, сократить дистанцию в общении с читателями (они преимущественно молоды), стать «своим»: *Hallöchen!// Hey! – Привет!; Was geht?!/ Was geht ab? – Как дела?; Geil!// Affengeil! – Супер! Классно!; Alter! – Дружище!; Tschüssie! – Пока!*

Используемый блогером сленг выполняет не только контактоустанавливающую, но и экспрессивную функцию, позволяющую довольно быстро и в лаконичной форме привлечь внимание читателя, сделать акцент на чем-либо важном, как считает сам блогер. Так, например, автор *h_giessen* [14], прибегая к употреблению таких сленговых слов, как *mega* и *krass*, хочет подчеркнуть несправедливость озвученных в его адрес возражений, свое возмущение и несогласие с коммуникантами.

Говоря о сленге в блоге, можно отметить тенденцию частого использования данного пласта лексики не только в тексте постов, но и в комментариях к ним. Данный факт можно объяснить жанровыми характеристиками комментариев, а именно – желанием читателя оставить мгновенную и точечную реакцию на прочитанное сообщение, используя при этом сленг, в частности молодежный.

Материал показывает, что тактика самопрезентации (контактоустанавливающая) позволяет блогеру познакомиться с читателем, рассказать о себе в целом, ответить на интересующие его вопросы. Поэтому в качестве перлокутивного эффекта ожидается результативное воздействие на коммуникантов, выстраивание доверительного отношения аудитории к себе.

В качестве следующей базовой тактики выступает тактика контроля над темой, которая предполагает сообщение какой-либо информации, являющейся новой для адресата. При этом адресант, как правило, хорошо ориентируется в конкретной теме, приводит объективные данные и часто убедительные аргументы. Исходя из наших наблюдений, констатируем, что эта тактика зачастую используется авторами, ведущими свой блог на определенную тему, поскольку в ее рамках они являются своего рода экспертами и могут контролировать уровень и глубину понимания читателей. Так, контроль над темой легко прослеживается в постах с превалирующим количеством терминов. Например, блогер *lautenist* [15] в своем тексте указывает на необходимость внесения изменений в законодательство страны, на сохранение гражданских прав жителей Германии, используя такие термины, как *Souveränität, Sozialismus, Positionierung, Grundrechte, Digitalisierung, Militarisierung*. Данные термины служат эффективным инструментом для автора, чтобы убедить читателей в его осведомленности, компетентности и четкой политической позиции. Применение терминологической лексики блогером служит аргументом в пользу признания за ним глубоких знаний в обсуждаемой теме.

Не только термины позволяют блогеру осуществлять тактику контроля над темой. Жаргонная лексика как способ установить более тесную связь с читателем, говорить на максимально понятном для него языке применяется немецкоязычным блогером тоже довольно часто. Так, автор *h_giessen* [14] употребляет жаргонизмы *googeln, Filtern*, применяемые в компьютерной области и интернет-сфере. С помощью данных жаргонизмов автору удастся максимально точно передать свою мысль, донести ее непосредственно до читателя.

Профессионализмы, выступая своеобразным индикатором истинности слов блогера, хорошо справляются с функцией контроля блогера над темой. В своем посте автор *lautenist* [15] использует профессиональную армейскую лексику (названия танков *Gepard* и *Leo*) для точной характеристики военной техники. Следует отметить, что данные лексические единицы, хотя и являются профессионализмами, в то же время понятны широкому кругу людей, так как их номинации основаны на сравнении с определенными качествами животных (скоростью их передвижения), а, значит, можно догадаться о наименовании быстроходной техники из контекста. Описанные нами примеры позволяют проследить условия осуществления тактики контроля над темой блогера и ее пониманием, равно как и показывают ожидаемую в качестве перлокутивного эффекта убежденность читателя в достоверности слов автора, в объективности его данных и их подтверждения.

Еще одной часто используемой немецкоязычными блогерами тактикой выступает эмоционально-настраивающая тактика (или тактика эмоционального воздействия), которая несет в себе положительные установки и желание автора снять напряжение с читателя, дать ему возможность уйти от негативной, часто токсичной реальности. Отмечено, что адресант прибегает к использованию описательных способов, которые помогают реципиенту представить «красивую картинку», или же подбадривающих фраз, формирующих позитивный настрой у читателя. Для этого блогер нередко подкрепляет свои слова невербальными средствами, а именно смайликами: смеющимся, улыбающимся, смайликом-сердце, одобрительным смайликом-жестом.

Как правило, для осуществления эмоционально-настраивающей тактики авторы блога ставят перед собой задачу рассказать о чем-то позитивном, применяя для широкой молодежной аудитории понятный ей язык. С этой целью используются сленговые слова и выражения, обладающие положительной контекстуальной коннотацией. Так, блогер *jkow* [16] посредством сленгового слова *Drahtesel* (железный осёл), обозначающего в молодежной среде велосипеда, с

шутливым, легким пренебрежением оценочно характеризует это средство передвижения в своем коротком повествовании об удавшейся поездке на природу, пытаясь тем самым вызвать положительную реакцию у коммуникантов.

Материал позволяет заключить, что тактика эмоционального воздействия – это не всегда тактика, осуществляемая эксплицитными средствами, в частности с использованием ярких, стилистически маркированных лексических единиц. Блогер может воздействовать на читателя косвенно, применяя отдельные слова, подходящие к теме высказывания. В данном случае речь идет об имплицитности как средстве выражения коммуникативной интенции блогера.

Тактика самопрезентации, тактика контроля над темой, а также тактика эмоционального воздействия доминируют в арсенале блогера, если исходить из количественных показателей их применения. Активное употребление указанных тактик объясняется, на наш взгляд, желанием автора максимально простым и доступным способом воздействовать на читателя в информационном пространстве блога. При этом данные тактики могут быть направлены как на сообщение автором чего-то нового для читателя, так и на констатацию давно известного факта.

Поскольку интернет-коммуникация занимает сегодня лидирующее место в коммуникативно-информационном пространстве современного социума (в особенности, его молодежного сегмента), то продукт такого вида общения, по нашему мнению, перспективен как объект для исследования. Посты немецкоязычных блогеров и применяемые в них коммуникативные стратегии и тактики могут быть, на наш взгляд, результативно рассмотрены в сравнении с постами англоязычных блогеров. Решение этой задачи позволит установить некоторые этнокультурные особенности в коммуникативном поведении членов разных социумов.

Список литературы

1. Гулинов Д.Ю., Федоров Ф.Д. Реализация стратегий вежливости и невежливости в испаноязычном политическом дискурсе. *Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки*. 2023;(3):25–30.
2. Гуляева М.А. О некоторых особенностях коммуникативного поведения российской молодежи. *Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки*. 2023;(3):31–39.
3. Коноваленко И.В. *Роль гендерного фактора в коммуникативном поведении мужчин и женщин*: дис. ... канд. филол. наук. Омск; 2003.
4. Стернин И.А. *Модели описания коммуникативного поведения*. Воронеж: Гарант; 2015.
5. Кульминская А.В. *Социальная общность блогеров: становление и развитие в российском обществе*: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург; 2013.
6. Afirewall. URL: <https://afirewall.ru/blog-kakie-byvayut-vidy-blogov-v-seti-internet> [дата обращения: 20.01.2024].
7. Herring S.C., Scheidt L.A., Kouper I., Wright E. *A Longitudinal Content Analysis of Weblogs: 2003–2004*. Blogging. Citizenship and the Future of Media; 2007:3–20.
8. Караулов Ю.Н. *Русский язык и языковая личность*. Изд. 7-е. Москва: Изд-во ЛКИ; 2010.
9. Иссерс О.С. *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*. Изд. 5-е. Москва: Изд-во ЛКИ; 2008.
10. Гулакова И.И. *Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения*: дис. ... канд. филол. наук. Орёл; 2004.
11. Анкин Д.Ю., Митягина В.А. Локализация как тактика речевой стратегии самопрезентации. *Казанский лингвистический журнал*. 2023;(4):470–480.
12. Красавский Н.А. Коммуникативные стратегии и тактики в речевом жанре «интервью» при обсуждении немецкими СМИ военных событий на Украине. *Известия Южного федерального университета. Филологические науки*. 2023;(3):68–80.
13. Der Anfang. Ist schwer, 15.12.2021. URL: <https://avesphena.livejournal.com/> [дата обращения: 24.01.2024].
14. Der Preis für die politische Korrektur ist eine abstrakte, bürokratische Sprache, 02.02.2023. URL: <https://h-giessen.livejournal.com/1275510.html> [дата обращения: 24.01.2024].
15. Die Verfassung: Abwehrrechte gegen den Staat – und das politische Umfeld, 28.01.2023. URL: <https://lautenist.livejournal.com/499319.html> [дата обращения: 24.01.2024].
16. Radtour um Schleswig Holstein, 18.10.2021. URL: **Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки.** [дата обращения: 24.01.2024].

References

1. Gulinov D.Yu., Fedorov F.D. The implementation of politeness and incivility strategies in Spanish-language political discourse. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo sotsialno-pedagogicheskogo universiteta. Philologicheskie nauki*. 2023;(3):25–30. (In Russ.)
2. Gulyaeva M.A. About some features of the communicative behavior of Russian youth. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo sotsialno-pedagogicheskogo universiteta. Philologicheskie nauki*. 2023;(3):31–39. (In Russ.)
3. Konovalenko I.V. *The role of the gender factor in the communicative behavior of men and women*: dis. ... candidate of Philological Sciences. Omsk; 2003. (In Russ.)
4. Sternin I.A. *Models for describing communicative behavior*. Voronezh: Garant; 2015. (In Russ.)
5. Kulminskaya A.V. *The social community of bloggers: formation and development in Russian society*: abstract. ... candidate of Social Sciences. Yekaterinburg; 2013. (In Russ.)

6. Afirewall. Available from: <https://afirewall.ru/blog-kakie-byvayut-vidy-blogov-v-seti-internet> [accessed 20.01.2024].
7. Herring S.C., Scheidt L.A., Kouper I., Wright E. *A Longitudinal Content Analysis of Weblogs: 2003–2004*. Blogging. Citizenship and the Future of Media; 2007: 3–20.
8. Karaulov Yu.N. *Russian language and linguistic personality*. 7th edition. Moscow: Publishing House LKI; 2010. (In Russ.)
9. Issers O.S. *Communicative strategies and tactics of Russian speech*. 5th edition. Moscow: Publishing House LKI; 2008. (In Russ.)
10. Gulakova I.I. *Communicative strategies and tactics of speech behavior in a conflict situation of communication*: dis. ... candidate of Philological Sciences. Orel; 2004. (In Russ.)
11. Ankin D.Yu., Mityagina V.A. Localization as a tactic of speech strategy of self-presentation. *Kazanskiy lingvisticheskiy journal*. 2023;(4):470–480. (In Russ.)
12. Krasavsky N.A. Communication strategies and tactics in the speech genre of “interview” when German media discuss military events in Ukraine. *Izvestiya Yujnogo federalnogo universiteta. Philologicheskie nauki*. 2023;(3):68–80. (In Russ.)
13. The beginning. Is hard, 15.12.2021. Available from: **Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки.** [accessed 24.01.2024].
14. The price for political correction is an abstract, bureaucratic language, 02.02.2023. Available from: <https://h-giessen.livejournal.com/1275510.html> [accessed 24.01.2024].
15. The Constitution: Defensive rights against the state – and the political environment, 28.01.2023. Available from: <https://lautenist.livejournal.com/499319.html> [accessed 24.01.2024].
16. Bike tour around Schleswig Holstein, 18.10.2021. Available from: <https://jkow.livejournal.com/198749.html> [accessed 24.01.2024].

Автор публикации

Авилова Анна Александровна –
ассистент кафедры немецкого языка и
методики его преподавания
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет
Волгоград, Россия
Email: avilova97@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0001-2912-3093>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 17.02.2024
Одобрена после рецензирования: 24.02.2024
Принята к публикации: 28.02.2024

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Author of the publication

Avilova Anna Alexandrovna –
assistant at the Department of German language and
teaching methods
Volgograd State Socio-Pedagogical University
Volgograd, Russia
Email: avilova97@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0001-2912-3093>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 17.02.2024
Approved after peer reviewing: 24.02.2024
Accepted for publication: 28.02.2024

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 81.001.1

Филологические науки

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.39-49>

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СТАТУС ЯЗЫКОВОЙ НОВАЦИИ
«ХЛОПÓК ГАЗА»**

Н. С. Барбина

Иркутский государственный университет путей сообщения, г. Иркутск, Россия

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия

barebina_ns@irgups.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5883-6773>

Аннотация. Статья посвящена исследованию функционирования нового выражения «хлопóк газа» в текстах новостей. Цель статьи состоит в том, чтобы установить лингвистический статус этого словосочетания. Рассмотрена лексическая и стилистическая сочетаемость компонентов выражения, его семантическая валентность. В ходе анализа словарей и справочного материала выявлено, что данное выражение является сочетаемым неологизмом. Установлено, что неологизм «хлопóк газа» появился в результате стилистической миграции из узкой терминосистемы профессионального дискурса гражданской обороны, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций в медиадискурс. Механизм перехода профессиональной лексики в общеупотребительную описан с точки зрения стилистической ошибки неправильного выбора слова и использования художественного тропа литота. Автор аргументирует, что литотная конструкция «хлопóк газа» используется для сдержанного выражения объективной оценки события, обычно описываемого в русском языке с помощью словосочетания «взрыв газа». Установлено, что языковая новация «хлопóк газа», являясь отступлением от языковой нормы, представляет собой прагматически значимую единицу контекста, связанную со стратегией модерации дискурса. Анализируемая новация показывает возможности языковой системы в реализации такой стратегии, что является востребованным сейчас.

Ключевые слова: новация; окказиональная сочетаемость; «хлопóк газа»; литота; термин; модерация

Для цитирования: Барбина Н.С. Лингвистический статус языковой новации «Хлопóк газа». *Казанский лингвистический журнал*. 2024;7(1): 39–49. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.39-49>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.39-49>

**THE LINGUISTIC STATUS OF THE LANGUAGE INNOVATION
“GAS BANG”**

N. S. Barebina

barebina_ns@irgups.ru

Irkutsk State Transport University», Irkutsk, Russia

Baikal State University, Irkutsk, Russia

barebina_ns@irgups.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5883-6773>

Abstract. The article is devoted to the study of the functioning of the new expression “gas bang” in news texts. The purpose of the article is to establish the linguistic status of this phrase. The

lexical and stylistic compatibility of the components of the expression and its semantic valence are considered. During the analysis of dictionaries and reference materials, it was revealed that this expression is a combinable neologism. It has been established that the neologism “gas bang” appeared as a result of stylistic migration from the narrow term system of professional discourse of civil defense, protection of the population and territories from emergency situations into media discourse. The mechanism of transition of professional vocabulary into commonly used vocabulary is described from the point of view of the stylistic error of incorrect word choice and the use of the rhetorical trope of litotes. The author argues that the litote construction “gas bang” is used to discreetly express an objective assessment of an event, usually described in Russian using the phrase “gas explosion”. The research states that the linguistic innovation “gas bang”, being a deviation from the linguistic norm, is a pragmatically significant unit of context associated with the strategy of discourse moderation. The analyzed innovation shows the capabilities of the language system in implementing such a strategy, which is in demand now.

Keywords: innovation; occasional collocation; “gas bang”; litotes; term; moderation

For citation: Barebina N.S. Linguistic Status of Language Innovation “Gas bang”. *Kazan Linguistic Journal*. 2024;7(1): 39–49. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.39-49>

Изменения в языковой системе, наиболее явно представленные в лексике, имеют разные причины. Языковое поле медиа является областью, чрезвычайно богатой для появления все новых фактов, требующих лингвистического описания. Одним из таких объектов, знаменующих настоящее время, является выражение «хлопок газа», появившееся в новостных медиаплатформах несколько лет назад. На это уже обратила внимание аудитория СМИ, отозвавшись мемами в Сети и комментируя неоднозначность или странность этого выражения. Присоединяясь к мнению о том, что статус комментирования в современной коммуникации требует осмысления в филологических категориях, которое высказано, например, в работе А. В. Агеевой и Д. Р. Сабировой [1], считаем, что выраженное внимание адресата к языковой новации является приглашением к дискуссии. Цель статьи состоит в том, чтобы рассмотреть лингвистический статус выражения «хлопок газа» с точки зрения его семантики и сочетаемости его элементов и сделать выводы о целях его использования авторами публикаций. Материалом для статьи послужили примеры употребления словосочетания «хлопок газа» собранные методом сплошной выборки в газетном корпусе русского языка.

Применялись методы обобщения словарных дефиниций, компонентного и контекстного анализа. Объектом исследования служит словосочетание «хлопок газа» в русском языке. Предметом рассмотрения является лексическая и стилистическая сочетаемость слов в составе словосочетания, а также критерии соответствия фразеологической единицы отрезку речи публицистического жанра.

Рассмотрим лингвистический статус выражения «хлопок газа». Относя данный языковой факт к категории новации, мы опираемся на имеющиеся в литературе классификации и определения [2]. С точки зрения структуры составляющих, к новациям следует относить неолексемы, неосесемы и неофраземы. Выражение «хлопок газа» является сочетаемостным неологизмом, в котором не сами слова, а их связь друг с другом является новой. То, что выражение является новацией, подтверждают данные Национального корпуса русского языка. Несколько лет назад в СМИ стало использоваться нетипичное для русского языка выражение «хлопок газа», хотя есть более точное общеупотребительное выражение «взрыв газа». Обратимся к данным словарей. В словаре сочетаемости слов русского языка мы находим следующие словарные статьи:

«ВЗРЫВ быстрое сгорание вещества, сопровождаемое сильным звуком и вызывающее разрушение: разрушение чего-либо в результате этого процесса. **Взрыв** чего: (о взрывчатом веществе, устройстве) ~ бомбы, снаряда, мины, гранаты, ядерного устройства, горючего, **газа**... [3, с. 55]».

«ГАЗ 1. Физическое тело <...>2. Газообразное топливо; такое топливо в специальных баллонах. Запасы, месторождение, добыча, использование подача, расход, хранение, экономия, запах, утечка, сгорание, взрыв ... **газа**. Отравление...газом. Плата за газ» [там же, с. 89].

Онлайн-тезаурус «Карта слов и выражений русского языка» дает следующие варианты сочетания слова хлопок с существительными: хлопок двери, хлопки выстрелов, хлопки крыльев, хлопок взрыва, хлопок дверцы, хлопок

пробки, хлопок ладоней, хлопки гранат, хлопки петард, хлопки разрывов, хлопок воздуха [4].

Как видим, исследуемая коллокация отсутствует. Не зафиксировано словосочетание «хлопок газа» и в толковых словарях. Понятно, что хлопок – это что-то резкое и кратковременное, что можно услышать, но почти нельзя увидеть или не важно увидеть, как в следующем примере из текста новостей:

*Отмечается, что устройство для игры в страйкбол несовершеннолетний мальчик обнаружил 13 марта на детской площадке, расположенной на улице Маршала Савицкого. Он бросил в предмет **снежком**, что спровоцировало хлопок. Несовершеннолетнего осмотрели врачи. Его жизни ничего не угрожает [5].*

Однако нюансы значения слова *газ* не позволяют отнести все словосочетание «хлопок газа» к ряду только звуковых явлений. Большинство примеров, показывают, что «хлопок газа» можно не только услышать, но и ясно увидеть: *Хлопок газа в многоэтажке в Твери попал на видео [6].*

Особый интерес представляет следующий пример.

*Спасатели провели наращивание группировки на месте пожара в свердловском городе Арамиле, который случился утром 24 марта на территории научно-производственного комплекса. Журналисты, находящиеся на месте ЧП, сообщают о взрыве. По данным МЧС, в помещениях, объятых огнем, **происходят хлопки емкостей с легковоспламеняющимися жидкостями [7].***

Судя по примеру [7], то, что для журналиста является взрывом, то сотрудники МЧС называют хлопком. Контексты употреблений выражения «хлопок газа» также дают основания утверждать, что это специальный термин, употребление которого выходит за пределы семантики, фиксируемой толковыми словарями. Хотя на сайте МЧС в разделе «Термины МЧС России» такой термин отсутствует.

В ответ на требования читателей новостных ресурсов прояснить, что означают хлопки, информационные агентства задали этот вопрос специали-

стам. Некоторые специалисты дали следующее разъяснение: «Хлопок» – технический термин. Когда человек слышит громкий звук, где и почему он произошёл, не знает. В таких случаях есть только наличие услышанного человеком громкого звука. Пока компетентные органы не установили причину услышанного, употребляется слово “хлопок”» [8].

Примеры, однако, показывают совсем другое. Со слов журналистов, представители МЧС, даже установив «причину услышанного» все равно продолжают говорить о хлопках: *В Красноярске в трехэтажном жилом доме произошел хлопок газа, спасены 12 человек, погибла одна женщина, сообщают представители МЧС и МВД края* [6].

Находим еще ответ, проясняющий смысл исследуемого словосочетания: «В МЧС указали, что хлопок и взрыв различаются последствиями: последний может привести к разрушению капитальных конструкций» [9]. Однако примеры сообщений не подтверждают это пояснение. *Напомним, 31 декабря 2018 года произошел хлопок газа в девятиэтажном жилом доме в Магнитогорске, в результате один из подъездов полностью обрушился* [6].

То есть даже при значительном и очевидном повреждении и обрушении, речь ведется все же о хлопках, а не о взрывах. Сообщения о хлопках вызывают недоумение у читателей, требующих объяснения. Кроме того, стали появляться сообщения о разных хлопках: *Спасатели дали предварительную информацию, согласно которой в квартире произошел хлопок от аэрозольного баллончика мелкой бытовой химии* [10]; *Хлопок газозвоздушной смеси произошел в многоквартирном доме в башкирском Нефтекамске, эвакуированы более 60 человек* [10]; *Внутри здания происходят хлопки емкостей с ЛВЖ* [11].

Примеры, приведенные выше, демонстрируют сочетаемость компонентов внутри выражения, однако его семантическая валентность неясна. Выражение «хлопок газа» реализуется в большинстве случаев с глаголом *происходить*. В корпусе имеются единичные примеры с другими глаголами: *На Ставрополье прогремел хлопок газа в жилом доме* [12]; *Причиной ЧП, по предварительной*

информации, *стал хлопок газа* [13]; *Хлопок газа привел к повреждению пяти домов в Иркутской области; В пятиэтажном жилом доме в Калмыкии в Элисте случился хлопок газа, в результате чего погиб один человек* [6].

Можно говорить о том, что в русском языке появилась семантическая новация, которая еще не имеет лексикографической фиксации, но которая вполне жизнеспособна в речевом употреблении. Данная новация быстро распространяется среди носителей языка, не являющихся ни журналистами, ни сотрудниками МЧС. Рассмотрим пример: *В соцсетях горожане продолжают делиться своими впечатлениями о случившемся в Воронеже грохоте.*

«Хлопок был мощный, земля задрожала немного, машины засигналили сразу же», – добавил Влад Иванов.

«Вот правда говорят: “У страха глаза велики”. У кого хлопок, у кого взрыв, у кого поток воздуха, удар молнии и куча всего. Мне вот интересно, эта переключка по районам помогает как-то или так чисто попаниковать?» – написала Виктория Маслова [14].

Примеры показывают явление, достаточно известное в неологии, которое представляет собой миграцию термина за рамки узко профессиональной среды. Очевидно, что происходит стилистическая миграция словосочетания «хлопóк газа» в медиадискурс. С точки зрения стилистики данное явление можно описать как ошибку неправильного выбора слова. Такую ошибку можно наблюдать в случаях когда стилистически маркированное слово функционирует в иностилевом отрезке речи, например, когда канцеляризмы представлены за пределами официально-делового стиля. Е. М. Попкова и О. М. Палагина также фиксируют функционирование терминов из юридической, военной, экономической сфер и из области масс-медиа в дипломатическом дискурсе и объясняют включенность данных элементов стремлением к эффективности и экономии времени [15, с. 262].

Установив лингвистический статус выражения «хлопóк газа» и показав, что причиной окказиональной сочетаемости слов, стало использование профес-

сиональной терминологии, перейдем к вопросу о механизме переходности профессиональной лексики в общеупотребительную. Данный механизм является важным для понимания креативного потенциала языка в изменении норм последнего. Если поместить анализируемое словосочетание в рамки дихотомии «взрыв газа» – «хлопок газа», то становится очевидным, что второй член этой дихотомии имеет нейтрально-оценочную коннотацию и используется для смягчения описания потенциально опасной реалии. Известно, что язык журналистики имеет свою специфику, а некоторые речезыковые формы, обеспечивающие экспрессивность текста, имеют не прямое значение и несут имплицитное содержание. К ним традиционно относят аллюзию, метафору, иронию, а также перифразы, эпитеты, прецедентные элементы. К таким формам относится и стилистическая фигура литота. О. Ю. Лысова также говорит о том, что литота является одним из основных видов тропов, участвующих в образовании фразеологических единиц как знаков ситуативно-образной вторичной номинации, по которым можно судить об оценочно-эмотивном отношении субъекта речи к обозначаемой действительности [16, с. 170].

Перейдем к характеристике литоты. Согласно справочной литературе, термин «литота» происходит от греческого слова *litótēs*, которое переводится как простота, малость, умеренность, сдержанность.

В филологии существуют два основных значения данного понятия. 1. Стилистический приём, основанный на отрицании противоположного, дающий фактически ослабленное утверждение, например, *это неплохо написано* вместо *это хорошо написано*; 2. Вид тропа, противоположный гиперболе в виде явного и намеренного преуменьшения, умаления, например, *Лошадь величиной с кошку* [17].

Помимо этого, исследователи указывают на использование литоты в сдержанном выражении точки зрения, что характерно для повседневной речи: «если вместо *он глуп* сказать *он не блещет умом*, то литота в данном случае позволяет выразить мнение более осторожно, избегая обиды собеседника, мо-

гущего иметь другую точку зрения. Таким способом выражается сдержанное утверждение: *не без участия => с участием (некоторым), не без причины => по причине (отчасти)* и т.п.» [18, с. 290].

Как видим, выражение «хлопок газа» является примером смягчения понятия «взрыв газа», передает сдержанное выражение объективной оценки произошедшего события или явления. При том что в современных СМИ наблюдается тенденция к увеличению экспрессивности, данная новация показывает противоположное явление в виде модерации и преуменьшения реальных фактов. Этот троп используется для сглаживания предполагаемого резонанса со стороны общественности.

Анализ позволяет сделать два основных вывода. 1. Выражение «хлопок газа» является терминологической новацией, представляет собой литотную конструкцию. Стилистическая маркированность выражения в пределах в медиадискурса становится поводом для комментариев со стороны адресата. 2. С точки зрения прагматики данное выражение имеет нейтрально-оценочную коннотацию и реализует интенцию смягчения оценки происходящих событий.

Завершая данную статью, укажем, что анализируемый неологизм актуализирует сдержанность в речи, которая в науке о языке исследуется в аспекте митигации. В более обширном контексте явление митигации должно быть вписано в модерирование дискурса с точки зрения формирования нейтрального контекста освещения событий и фактов в целях предупреждения панических настроений. Явление модерации, не так давно ставшее предметом научной рефлексии, стало актуальным и в науке о языке с точки зрения исследования роли стратегий сдержанности в формировании зоны совместной языковой активности. К стратегиям такого типа следует отнести и использование термина «хлопок газа» в повседневном и медиапространстве как снижение паники и негатива, а его быстрое распространение свидетельствует о ценности терминируемой им реальности.

Список литературы

1. Агеева А. В., Сабирова Д. Р. Лексико-семантическая стратификация сленга во франкоязычных интернет-комментариях. *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(4): 460–469. DOI: <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.4.460-469>
2. Čilić I. S., Plauc J. I. Today’s Usage of Neologisms in Social Media Communication. *Journal of Humanities and Social Sciences*. 2021;6 (1(14)):115–140. DOI: <https://doi.org/10.51558/2490-3647.2021.6.1.115>
3. Словарь сочетаемости слов русского языка: Ок. 2500 словарных статей; под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. М.: АСТ; 2005.
4. Онлайн-тезаурус «Карта слов русского языка». URL: <https://kartaslov.ru> [дата обращения 20.01.2024].
5. СК начал проверку из-за взрыва устройства для страйкбола в Москве. *АиФ.ru*. 14.03.2023.
6. Национальный корпус русского языка. 2003–2024. URL: <https://ruscorpora.ru/> [дата обращения 20.01.2024].
7. На территории полыхающего завода на Урале рухнула стена и слышны взрывы. *Урал АиФ.ru*. 24.03.2023.
8. «Взрыв» и «хлопок»: в чём разница? *Бел.ru*. 13.05.2022.
9. СМИ: Кремль дал установку заменять «взрыв» на «хлопок» в новостях о взрывах. *Бизнес Онлайн*. 13 февраля 2020. URL: <https://www.business-gazeta.ru/news/457588> [дата обращения 25.01.2024].
10. Взрывы бытового газа в жилых домах в России в 2018–2019 годах. *РИА Новости*. 14.02.2019.
11. МЧС назвало причину хлопка в жилом доме на юге Москвы. *ИА Красная Весна*. 8 марта 2023. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/19ad1796> [дата обращения 30.01.2024].
12. Взрыв газа произошел в многоэтажке в Нефтекамске. *НТВ Новости*. 17.03.2023.
13. На территории полыхающего завода на Урале рухнула стена и слышны взрывы. *Урал АиФ.ru*. 24.03.2023.
14. Воронежцы рассказали о мощности грохота, испугавшего город. *АиФ.ru*. 13.03.2023.
15. Попкова Е.М., Палагина О.М. Дипломатический дискурс в современной парадигме подходов к преподаванию иностранных языков. *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(2):257–270. DOI: <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.257-270>
16. Лысова О. Ю. *Природа литоты в семантике фразеологизма. Устойчивые фразы в парадигмах науки*. Тула: «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого»; 2015.
17. Szczygłowska T. Litotes in English research articles: disciplinary variation across life and social sciences. *Linguistica Pragensia*. 2020;30 (2):51–70. DOI: <https://doi.org/10.14712/18059635.2020.1.3>
18. Емельянова О. Н. *Литота. Эффективное речевое общение*. Словарь-справочник. Красноярск: Сибирский федеральный университет; 2012.

References

1. Ageeva A.V., Sabirova D.R. Lexico-semantic Stratification of Slang in French-language Internet Comments. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(4):460–469. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.4.460-469>
2. Čilić I. S., Plauc J. I. Today’s Usage of Neologisms in Social Media Communication. *Journal of Humanities and Social Sciences*. 2021;6 (1(14)):115–140. DOI: <https://doi.org/10.51558/2490-3647.2021.6.1.115>

3. *Dictionary of Compatibility of Words of the Russian Language*: about 2500 dictionary entries. ed. P. N. Denisov, V. V. Morkovkin. M.: AST; 2005 (In Russ.).
4. Online thesaurus “Word Map of the Russian Language”. Available from: URL: <https://kartaslov.ru> [accessed 25.01.24]. (In Russ.).
5. The Investigative Committee launched an investigation due to the explosion of an airsoft gun in Moscow. *AiF.ru*. March 14, 2023. (In Russ.).
6. National corpus of the Russian language. 2003–2024. Available from: <https://ruscorpora.ru/> [accessed 05.01.2024]. (In Russ.).
7. On the territory of a blazing factory in the Urals, a wall collapsed and explosions are heard. *Ural AiF.ru*. March 24, 2023. (In Russ.).
8. “Explosion” and “bang” what’s the difference? *Bel.ru*. May 13, 2022. (In Russ.).
9. Media: The Kremlin gave instructions to replace the “explosion” with “bang” in the news about the explosions. *Business Online*. February 13, 2020. Available from: <https://www.business-gazeta.ru/news/457588> [accessed 05.01.2024]. (In Russ.).
10. Household gas explosions in residential buildings in Russia in 2018-2019. *RIA News*. February 19, 2019. (In Russ.).
11. The Ministry of Emergency Situations named the cause of bang in a residential building in the south of Moscow. *IA Red Spring*. March 8, 2023. Available from: <https://rossaprimavera.ru/news/19ad1796> [accessed 05.01.2024]. (In Russ.).
12. A gas bang occurred in a high-rise building in Neftekamsk. *NTV News*. March 17, 2023. (In Russ.).
13. On the territory of a blazing factory in the Urals, a wall collapsed and explosions are heard. *Ural AiF.ru*. March 24, 2023. (In Russ.).
14. Voronezh residents spoke about the power of the roar that frightened the city. *AiF.ru*. March 13, 2023. (In Russ.).
15. Popkova E.M., Palagina O.I. Diplomatic discourse in the modern paradigm of approaches to foreign language teaching. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(2):257–270. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.257-270>
16. Lysova O. Yu. *The nature of Litotes in the Semantics of Phraseologism*. Tula: “Tula State Pedagogical University, Named after L.N. Tolstoy”; 2015. (in Russ.).
17. Szczygłowska T. Litotes in English research articles: disciplinary variation across life and social sciences. *Linguistica Pragmensia*. 2020;30(2):51–70. DOI: <https://doi.org/10.14712/18059635.2020.1.3>
18. Emelyanova O. N. *Litota. Effective Speech Communication*. Dictionary-reference book Krasnoyarsk: Siberian Federal University; 2012. (in Russ.).

Автор публикации

Барбина Наталья Сергеевна –
доктор филологических наук, доцент
Иркутский государственный университет
путей сообщения,
Байкальский государственный университет
Иркутск, Россия
Email: barebina_ns@irgups.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5883-6773>

Author of the publication

Natalia S. Varebina –
Doctor of Philology, Associate Professor
Irkutsk State Transport University,
Baikal State University
Irkutsk, Russia
Email: barebina_ns@irgups.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5883-6773>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 07.01.2024

Одобрена после рецензирования: 30.01.2024

Принята к публикации: 5.02.2024

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Article info

Submitted: 07.01.2024

Approved after peer reviewing: 30.01.2024

Accepted for publication: 5.02.2024

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 81'33

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.50-59>

**ГЕНДЕРНЫЕ СПЕЦИФИКАТОРЫ ИНТИМИЗАЦИИ
ПОГРАНИЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ**

Т.Г. Борисова¹, Ю.И. Бредихина²

Ставропольский государственный педагогический институт, Ставрополь, Россия

¹*ddis@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2827-5351>*

²*bredichinajulia@yandex.ru <mailto:yasmin.mohammadi1993@gmail.com>,
<https://orcid.org/0000-0002-0743-865X>*

Аннотация. Данная статья посвящена выявлению и анализу функциональной прагматики наиболее частотных гендерных спецификаторов феминно-феминной пограничной коммуникации социальной работы с населением. Материалом исследования послужили скрипты записей приема граждан в Комитете труда и социальной защиты населения, вошедшие в личную картотеку исследователя. На основе герменевтико-семантического, контекстуального и дискурс-анализа определяются механизмы конвергенции персональных (эмоциональных и гендерно маркированных) компонентов с элементами институционализации (экспликации статусной роли). Параллельное использование гендерных спецификаторов и статусно-ролевых маркеров обеспечивает наибольший перлокутивный эффект. В качестве наиболее прагматически нагруженных способов интимизации, присущих феминно-феминному общению признаются обращения-синтоны, хезитаторы с экспланаторными компонентами, экспрессивные синтаксические конструкции. На основе распределенных и вводимых в концептуально-валёрную систему клиентов вариативных компонентов метаконцептов осуществляется формирование частично пересекающихся областей исходного пространства целеполагания всех участников коммуникативного действия – агентов, клиентов и *tertiariiis agens*. Нивелировка в обертонах «участие», «расположенность» и «переживание» институциональных компонентов позволяет прогнозировать векторы развития дискурса, а смещение в сторону персонально-ориентированной коммуникации снимает необходимость использования прямого *argumentum ad baculum*, на смену которым приходят *argumentum ad misericordiam* и *argumentum ad verecundiam*. Все вышеперечисленные характеристики можно с уверенностью отнести к феминному гендерному дисплею, репрезентируемому в анализируемом пограничном дискурсе социальной работы.

Ключевые слова: гендерный дисплей; интимизация; метаконцепт; концептуально-валёрная система; синтон; пограничный дискурс; конвенционализация

Для цитирования: Борисова Т.Г., Бредихина Ю.И. Гендерные спецификаторы интимизации пограничной коммуникации социальной работы. *Казанский лингвистический журнал*. 2024;7(1): 50–59. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.50-59>

GENDER SPECIFIERS OF INTIMIZING SOCIAL WORK BORDERLINE COMMUNICATION

T.G. Borisova¹, Yu.I. Bredikhina²

Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol, Russia

¹ddis@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2827-5351>

²bredichinajulia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0743-865X>

Abstract. This item focuses on identifying and analyzing the functional pragmatics of the most common gender specifiers of feminine-feminine social work borderline communication with the population. As the material of the study, the scripts were used obtained at the reception desk in the office of Committee of Labor and Social Welfare, the scripts finally entering the researcher's personal file. Hermeneutic & semantic, contextual and discourse analysis was employed to identify the mechanisms behind the convergence of personal (emotional and gender-marked) components bearing elements of institutionalization (explication of the status role). The parallel use of gender specifiers and status-role markers offers the greatest perlocative effect. Syntone-appeals, hesitators with explanatory components and expressive syntactic constructions are viewed as the most pragmatically charged intimidation methods typical of feminine-feminine communication. Based on the variable components of metaconcepts, which are also distributed and introduced into the clients' concept-value system, partially overlapping areas of the initial goal-setting space is created for all participants involved in the communicative action – agents, clients and *tertiarii agents*. Leveling the institutional components in the overtones of “involvement”, “disposition” and “experiencing” allows predicting the vectors for the discourse progress, whereas a shift towards personally-oriented communication eliminates the need for employing direct *argumentum ad baculum*, which gives way to *argumentum ad misericordiam* and *argumentum ad verecundiam*. All of the features above can be definitely attributed to the feminine gender display, which is represented in the borderline social work discourse, i.e., the focus of the study.

Keywords: gender display; intimidation; metaconcept; concept-value system; syntone; borderline discourse; conventionalization

For citation: Borisiva T.G., Bredikhina Yu.I. Gender Specifiers of Intimizing Social Work Borderline Communication. *Kazan Linguistic Journal*. 2024;7(1): 50–59. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.50-59>

Одной из наиболее востребованных в современной лингвистике областей исследования является критический дискурс-анализ институциональной коммуникации в аспекте представленности не просто статусных, но гендерно маркированных компонентов реализации степени доступа к управлению векторами развития коммуникации. Как правило, любое конвенционализированное общение, призванное обеспечить эффективное функционирование того или иного социального института, лишено следов гендерной детерминации. При этом дискурс социальной работы с населением, представляющий собой конвергиру-

ванное полимодальное общение в рамках трихотомического взаимодействия «агент – клиент – *tertiariiis agens*», формирует особое пространство актуализации гендера. Следует отметить, что специфика работы и традиционная представленность класса агентов в рассматриваемом социальном институте предполагает не только значительные девиации, – нивелировки институциональных компонентов и смещение в сторону персонально-ориентированной коммуникации – но и значительную эмотивизацию исходно приписанных форм конвенционализации с преимущественно фемининной окраской.

Фокус внимания в настоящем исследовании обращен на механизмы экспликации гендера в специальных маркерах аргументативной и персональной сфер пограничного дискурса социальной работы. Каждый из доминирующих параметров кодификации наиболее распространенных женских вербальных, паравербальных и невербальных дискурсивных особенностей включается в так называемый «гендерный дисплей» (*gender display*) [1, с. 167].

Ключевыми методами выявления и анализа гендерных спецификаторов для нас служат герменевтико-семантический, позволяющий интерпретировать полный спектр порождаемых оперативных и эмотивных смыслов, интимизирующих для клиента доминанты агентской стороны; контекстуальный для выявления наиболее частотных и эффективных приемов гендерной спецификации и реализации степени доступа к управлению дискурсом.

Сфера воздействия как аргументативных, так и персонально-ориентированных коммуникативных практик агентов пограничного дискурса не только иррадирует от банального прояснения фактов, определяющих соответствие исходных целей контркоммуникантов нормам и правилам, установленным «третичным агентом» [2, с. 359], до прямых попыток трансформировать концептуально-валёрную систему клиента [3, с. 122]. Именно данная модальность и является ключевой для появления гендерных спецификаторов, действующих не только в рамках обеспечения суггестии и манипуляции, но и сближающих три интерпретативных пространства – агентов, клиентов и «тре-

тичного агента». Сфера сближения, образующая область пересечения, способствующую достижению результата, приемлемого для всех сторон коммуникации, базируется на интимизации, т.е. понимании и принятии желаний и целей клиента при обращении в социальную службу; нормативных инструкций и целей агента, непосредственно реализующего функционирование института социальной помощи; дистантно присутствующего «третичного агента» как надзирающей и регулирующей силы, обеспечивающей саму возможность непосредственного агент-клиентского взаимодействия.

В основе интимизации лежит разделение всеобъемлющего метаконцепта, релевантного для всех в каждой из отдельных пертинентностей как индивидуальных значимостей для реализации. Именно в индивидуальной значимости и существует компонент гендерной маркированности. Метаконцепт можно представить как некую многоуровневую концептуальную категорию, включающую идиокоцепты, каждый из вербализаторов которых будет обеспечивать экспликацию того или иного аспекта ментального конструкта – аксиологического, статусного, целевого и т.д. Таким образом, общий для всех метаконцепт, лишенный гендерной маркированности, а обладающий маркированностью социальной (коллективно значимой), действует как пространство объединения несколько структурных слоев, признаки же, присутствующие в нем, актуализируются послойно в каждом из спецификаторов [4, с. 527].

Рассмотрим наиболее яркие примеры интимизации, обеспечиваемые опорой на гендерные спецификаторы, призванные изменить вектор развития коммуникации и привести в конечном итоге к реализации адекватного иллюкуции перлокутивного эффекта. В качестве доминантного метаконцепта, интуитивно разделяемого всеми участниками пограничной коммуникации, можно привести **ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ГРАЖДАНИНА**. Интерпретация его в той или иной модальности агента, клиента и «третичного агента» зачастую различается и эксплицируется в гендерно- и статусно-маркированных элементах. Для обеспечения успешной реализации целей каждый из контркоммуникантов и прежде

всего агент как «модератор» дискурсивного процесса оперируют синтонными эмотивными единицами на различных уровнях коммуникативного взаимодействия. Одним из наиболее действенных синтонов оказывается уважительное обращение к клиенту. В большинстве лингвокультур предпочтительные вежливые формы и их частотность зависит как от гендера адресанта, так и от гендера адресата [5, с. 233], что наиболее ярко представлено в феминно-феминном виде коммуникации:

*Сотрудник социальной службы: **Уважаемая Галина Александровна**, в данном случае мы рассмотрели ранее представленное **Вами** обращение и пришли к выводу о несоответствии назначенной **Вам** компенсации по оплате ЖКХ статье 17 Федерального закона от 24.11.1995 N 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации». Я хотела бы разъяснить **Вам**, почему выплаты были сокращены. При определении размера выплат была применена формула, основанная на представленных **Вами** данных о расходах за зимний период, что существенно больше летних выплат, поэтому был осуществлен перерасчет... [6].*

В данном случае общепринятое обращение в сочетании с предпозицией «уважаемая» обусловлено инкоативным институциональным этапом рассмотрения обращения и маркирует пространство конвенциональных компонентов [7, с. 89], аргументирующих сокращение выплат. При этом в качестве гендерного спецификатора выступает интимизирующий элемент волюнтативной семантики «я хотела бы разъяснить **Вам**», большинство аргументативных конвенциональных обертонов нивелируется именно частотность повторяемого местоимения «**Вы**» в различных формах и персональной привязкой к личностной концептуально-валёрной системе глагольной формы «хотеть». В институциональном дискурсе более распространенная форма внешнего неинтимизированного долженствования эксплицируется вербализатором «должен/обязан», замена которого призвана объединить пространства целеполагания агента и клиента в единую сферу, позволяющую клиенту понять иллокутивные цели сотрудника

социальной службы не только как соответствующие нормам, установленным *tertariis agens*, но и как личное намерение агента помочь в решении проблемы. При этом необходимо отметить инициальную цель донесения до клиента неотвратимости действия закона (нормы *tertariis agens*), а также имманентной «близости» конвенции интересам класса клиентов, т.е. реализации метаконцепта ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ГРАЖДАНИНА, что достигается конвергенцией синтонов-обращений с прямым упоминанием норм. Подобное обращение к авторитетному источнику (закону) в качестве обезличенного *argumentum ad veresundiam*, при условии заведомого незнания клиентом большинства статей упоминаемых конвенций, является одним из мощнейших и эффективнейших приемов реализации степени доступа к управлению дискурсом и экспликации властного статуса агента.

Другим интимизирующим спецификатором, маркирующим феминное общение и не характерным для чистой институциональной коммуникации, являются хезитаторы. При этом они носят не заместительный, а эмоциогенный характер, что позволяет эксплицировать приближение психоэмоционального состояния агента к чувствам и переживаниям клиента. Данный прием оказывается достаточно действенным в условиях феминно-феминной коммуникации и зачастую используется для нивелировки прогнозируемой конфликтогенной реакции клиента.

Сотрудник социальной службы: Я даже не знаю, как Вам, Галина Александровна, пояснить, почему выплаты сокращены, но не сняты полностью... Нам говорят... наш руководитель... Наверно, Вы поймете, если я вот тут Вам нарисую схемку вот такую... (ищет черновик и производит вычисления на нем, показывая посетителю). Ну, понятно?! И это, как бы сказать, погашения излишков происходит в рамках невыплаты Вам только 50 процентов начисленной по новым расчётам суммы, которая аккумулируется на Вашем номинальном счёте и возвращается в фонд... [6].

Примечательно, что практически все хезитаторы, функционирующие в речи агентов, сопровождаются экспланаторными глаголами, представляющими подгруппу когнитивных глаголов, которые находят большее применение не в институциональном, а в имитативно-аргументативном пространстве эмоционального прояснения ситуации. Именно такие практики, имплементируемые в общую канву высказывания, демонстрирующего статус продуцента как компетентного, позволяют перейти на новый уровень взаимодействия в трихотомии «клиент – агент – *tertiariis agens*». Клиент на уровне нозматической (неосознанной) рефлексии воспринимает обертоны «участие», «переживание», «расположенность» и не только открывает агенту истинные интенции своего обращения, называет скрытые причины и использует *argumentum ad misericordiam*, но и на основе механизма интимизации начинает считать иллокуцию агента как разделенную, а самого представителя класса агентов в качестве человека в ситуации *sine jure eligere*. В данном пассаже представлена также одна из наиболее часто встречающихся в пограничном феминно-феминном общении характеристик, а именно, конвергенция регистров бытовой и официальной коммуникации на всех дискурсивных уровнях (морфологическом – *схемка*, лексическом – *И это, наверно*, синтаксическом – эллипсы, включения, неоконченные предложения как будто выбранные из теста Сакса-Леви). Это и обеспечивает проективное прогнозирование векторов развития дискурса, а значит и дает большую степень доступа к управлению им [8].

В рассматриваемом случае практически полностью исключаются отсылки к персонифицированному *tertiariis agens* (начальнику, руководителю и т.п.), т.е. на задний план отходит столь часть используемый в фемининно неспецифицированном социально значимом общении *argumentum ad baculum*. Однако внутренняя детерминация нормами, конвенционализированными в пространстве *tertiariis agens* и транслируемыми в снятом виде агентами дискурса социальной работы, сохраняется, т.е. «обращение коммуникантов к имплицитным способам вербализации своих намерений обусловлено как индивидуальными

особенностями собеседников, так и социально детерминированными нормами и правилами коммуникации, которые обеспечивают ее эффективность в ситуациях кооперативного общения» [9, p. 40].

На основе анализа отдельных высказываний пограничного дискурса социальной работы с населением можно сделать вывод о повышенной частотности гендерных спецификаторов, призванных интимизировать коммуникативные доминанты класса агентов как особых элементов трансляции конвенциональных компонентов *tertiariiis agens* в концептуально-валёрной системе клиента. Именно на основе персонально-ориентированного гендерно-маркированного смещения; т.е. константного переключения коммуникативных кодов с инкоативно-формально-институциональных практик, характеризующихся уважительными обращениями синтонами и прямыми ссылками на конвенции, на дуративно-персонально-бытийные с примарными механизмами хезитации и экспланации, зачастую, вне зависимости от достижения требуемого перлокутивного эффекта, возврата к финально-формально-институциональным; максимально эффективно реализуется пограничная феминно-феминная институциональная коммуникация.

Список литературы

1. Smith G. *Reconsidering Gender Advertisements: Performativity, Framing and Display. The Contemporary Goffman*. New York: Taylor & Francis; 2009:165–184. <https://doi.org/10.4324/9780203861301>.
2. Бредихин С.Н., Бредихина Ю.И. Прото-роли в актуализации компонентов значения в ноэматике высказывания (на материале пограничного дискурса социальной работы). *Когнитивные исследования языка*. 2018;34:357–360.
3. Бредихин С.Н., Бредихина Ю.И., Махова И.Н. Способы интимизации концептуально-валёрного пространства контркоммуникантов в институциональном дискурсе социальной работы. *Научная мысль Кавказа*. 2021;2(106):119–124.
4. Борисенко Т.В. Организация структуры концептуальной категории. *Казанский лингвистический журнал*. 2022;5(4):523–534.
5. Бредихин С.Н., Шишкин Б.А. Гендерная стратификация обращений-синтонов в японской онлайн коммуникации. *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(2):223–235.
6. Личный архив исследователя Ю.И. Бредихиной. URL: <https://disk.yandex.ru/d/RS7jlmYBN6mODA>. [дата обращения 24.07.2023].
7. Бредихина Ю.И. К проблеме делимитации дискурса социальной работы. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017;9–2(75):88–90.
8. Пахомов А.П. *Методика «Незаконченные предложения» Сакса-Леви как учебное пособие*. Экспериментальная психология. 2012;5(4):99–116.

9. Takhtarova S.S., Abuzyarova D.L. Mitigation in indirect communication: implicit speech acts. *Journal of Psycholinguistics*. 2022;1(51):40–47.

References

1. Smith G. *Reconsidering Gender Advertisements: Performativity, Framing and Display*. *The Contemporary Goffman*. New York: Taylor & Francis; 2009:165–184. <https://doi.org/10.4324/9780203861301>. (In Eng.)
2. Bredikhin S.N., Bredikhina Yu.I. Proto-Roles in the Meaning Components Actualization in the Utterance Noematic Structure (Based on the Borderline Social Work Discourse). *Cognitive Studies of Language*. 2018;34:357–360. (In Russ.)
3. Bredikhin S.N., Bredikhina Yu.I., Makhova I.N. Methods for Intimization of the Concept & Value Space of Counter-Communicants in the Institutional Discourse of Social Work. *Scientific thought of Caucasus*. 2021;2(106):119–124. (In Russ.)
4. Borisenko T.V. Organization of the Conceptual Category Structure. *Kazan Linguistic Journal*. 2022;5(4):523–534. (In Russ.)
5. Bredikhin S.N., Shishkin B.A. Gender Stratification of Addresses-Syntones in Japanese Online Communication. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(2):223–235. (In Russ.)
6. Personal files of Yu.I. Bredikhina. Available from: <https://disk.yandex.ru/d/RS7jlmYBN6mODA>. [accessed 24.07.2023]. (In Russ.)
7. Bredikhina Yu.I. On the Problem of Delimitation of Social Work Discourse. *Philology. Theory & Practice*. 2017; 9–2(75): 88–90. (In Russ.)
8. Pakhomov A.P. *The Sentence Completion Test (Sacks & Levy) as a Training Manual*. *Experimental Psychology*. 2012;5(4):99–116. (In Russ.)
9. Takhtarova S.S., Abuzyarova D.L. Mitigation in indirect communication: implicit speech acts. *Journal of Psycholinguistics*. 2022;1(51):40–47. (In Eng.)

Автор публикации

Борисова Татьяна Григорьевна –
доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой русского, родных языков и
лингводидактики
Ставропольский государственный
педагогический институт
Ставрополь, Россия
Email: ddis@bk.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2827-5351>

Бредихина Юлия Игоревна –
ассистент
Ставропольский государственный
педагогический институт
Ставрополь, Россия
Email:
bredichinajulia@yandex.ru <mailto:masmin.mohammadi1993@gmail.com>
<https://orcid.org/0000-0002-0743-865X>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Author of the publication

Borisova Tatyana Grigoryevna –
Dr.Habil (Philology), Professor,
Head of the Department of Russian, Native Lan-
guages and Linguodidactics
Stavropol State Pedagogical Institute
Stavropol, Russia
Email: ddis@bk.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2827-5351>

Bredikhina Yulia Igorevna –
teaching assistant
Stavropol State Pedagogical Institute
Stavropol, Russia
Email: bredichinajulia@yandex.ru <mailto:masmin.mohammadi1993@gmail.com>
<https://orcid.org/0000-0002-0743-865X>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of in-
terest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 12.08.2023

Одобрена после рецензирования: 30.09.2023

Принята к публикации: 5.11.2023

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Article info

Submitted: 12.08.2023

Approved after peer reviewing: 30.09.2023

Accepted for publication: 5.11.2023

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 81

Филологические науки

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.60-71>

**АНАЛИЗ РУССКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ
В ЭПОХУ КАДЖАРОВ: НА ПРИМЕРЕ «ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ
ХОСРОВ-МИРЗЫ В САНКТ–ПЕТЕРБУРГ»**

Н.В. Габдреева¹, Форузан Хематзаде²

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Республика Татарстан, Россия*

¹*n.gabdreeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0816-2672>*

²*fhematzadeh@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-5509-8134>*

Аннотация. Одним из важнейших факторов языковой динамики является принятие заимствованных слов, которые входят в другой язык под влиянием политических, экономических, культурных отношений и т.д. Персидский язык не является исключением из этого положения, и многие слова были заимствованы в этот язык, особенно из европейских языков. Русский язык широко использовался в Иране со времен Фетх Али-шаха до конца периода Каджаров. В статье анализируются русские заимствованные слова, вошедшие в персидский язык во времена правления Каджаров, то есть с конца XVIII в. – начала XX в. С этой целью мы исследовали путевые заметки Хосрова Мирзы, 16-летнего наследника иранского престола, о путешествии в Санкт-Петербург. Поскольку источники о времени ввода русских заимствований в персидский язык весьма ограничены и в словарях многие русские заимствования ошибочно указаны как французские, эта работа может помочь определить сущность многих слов. Это исследование показало, что из-за ирано-российских войн и последующего усиления экономического влияния России в Иране большинство заимствованных слов, используемых в данное время, относятся к военной и торговой сферам.

Ключевые слова: русские заимствования; путевые заметки; Хосров-Мирза; Иран; Россия

Для цитирования: Габдреева Н.В., Форузан Хематзаде. Анализ русских заимствований в персидском языке в эпоху Каджаров: на примере «Путевые заметки Хосров-Мирзы в Санкт-Петербурге». *Казанский лингвистический журнал*. 2024;7(1): 60–71. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.60-71>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.60-71>

**AN ANALYSIS OF RUSSIAN LOANWORDS IN PERSIAN IN THE
QAJAR ERA: A CASE STUDY OF “KHOSROW MIRZA'S TRAVELOGUE
TO ST. PETERSBURG”**

N.V. Gabdreeva¹, Forouzan Hematzadeh²

Kazan Federal (Volga region) University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

¹*n.gabdreeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0816-2672>*

²*fhematzadeh@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-5509-8134>*

Abstract. One of the most important factors of language dynamics is the adoption of borrowed words that enter another language under the influence of political, economic, cultural rela-

tions, etc. Persian is no exception to this provision, and many words have been borrowed into this language, especially from European languages. The Russian language was widely used in Iran from the time of Fath-Ali Shah to the end of the Qajar era. The article analyzes Russian loanwords that entered the Persian language during the reign of the Qajars, that is, from the end of the XVIII century to the beginning of the XX century. To this end, we examined the travelogue of Khosrow Mirza, the 16-year-old heir to the Iranian throne, about a trip to St. Petersburg. Since the sources related to the entry of Russian loanwords into Persian language are very limited and many Russian loanwords are wrongly mentioned as a French loanword in the dictionaries, this work can help to determine the nature of many words. This study showed that due to the Iran-Russia wars and the subsequent increase in Russia's economic influence in Iran, most of the loans used at this time are related to the military and commercial fields.

Keywords: Russian loanwords; travelogue; Khosrow Mirza; Iran; Russia

For citation: Gabdreeva N.V., Forouzan Hematzadeh. An Analysis of Russian Loanwords in Persian in the Qajar Era: a Case Study of “Khosrow Mirza’s Travelogue to St. Petersburg”. *Kazan Linguistic Journal*. 2024;7(1): 60–71. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.60-71>

В течение длительного времени славяне и иранцы из-за их соседства имели тесные контакты. Эти отношения достигли своего расцвета в эпоху Каджаров. Вслед за расширением военных и торговых отношений между Ираном и Россией в этот период расширились и языковые связи. В настоящее время многие исследователи изучили эти факторы, заимствованные слова в обоих языках, но сегодня существует необходимость в расширении источников исследования корпуса русизмов в персидском языке. Заимствования – это лексические единицы, прошедшие постепенное проникновение в язык-приемник из языка-источника от разовых, случайных использований до полной словообразовательной адаптации в языковой системе языка-реципиента [1, с. 6]. Среди работ, проведенных в этой области, можно отметить следующие: А. А. Садеги, иранский лингвист, в статье «Русские слова в персидском языке и их история» представил обзор отношений между Ираном и Россией и подготовил обширный список заимствованных из русского языка слов. Г. Х. Гилязетдинова написала статью о семантической адаптации русских заимствований в персидском языке в XIX–XX веках. Л.С. Пейсиков в книге «Лексикология современного персидского языка» приводит общее описание заимствований в персидском языке, в том числе и русских слов. М.М. Мохаммади рассмотрел русские заимствования

в словаре Сохана и их семантические, фонетические и грамматические изменения.

Точное количество русских заимствованных слов в персидском языке неодинаково в разных источниках, например, И. Башири в своей статье упомянул 88 русских слов [2]. Количество русских слов, зарегистрированных в однотоном словаре Амида, составляет 37, в 16-томном словаре Дехходы – 80, в 6-томном словаре Моина – 85, а в словаре Сохана – 90 слов [3]. За исключением статьи А.А. Садеги, изучавшего историю употребления некоторых русских слов в персидском языке, ни в одном другом источнике не было указано точное время появления/первой фиксации заимствованных слов в персидском языке. Возможно, этого удастся достичь, изучая письменные исторические источники. Л.С. Пейсиков писал, что «вторая группа русских заимствований относится к концу XIX и началу XX в., когда царская Россия расширила свое экономическое влияние в Иране: строились дороги, открывались русские банки и торговые агентства, вводились воинские части, расширялись торговые связи и т.д. Следует сказать о том, что в исследованиях по контактологии принято говорить о так называемой первой фиксации заимствований (см. работы Р.А. Юналеевой, Н.В. Габдреевой), которая может значительно меняться в связи с вводом в научный оборот новых материалов. Отметим также границы исследуемого явления. Некоторые заимствования различной этимологии (галлицизмы, тюркизмы) проникали в персидский язык через посредство русского. Мы рассматриваем их в нашей работе. Таким образом, кроме прямых заимствований, мы изучаем и опосредованные. Итак, можно отметить такие слова, как *doroške* «извозчик», *kāleske* «каре́та», *vāgon* «вагон», *fāytun* «фаэтон», *furgon* «грузовой экипаж», «фургон», *tormoz* «тормоз», *belit* «билет», *funt* «фунт», *buksāvāt kardan* «буксировать», *hurā* «ура», *jalitqe* «жилетка», *suxāri* «сухари», *piraški* «пирожки», *kānfet* «конфеты», *zāpās* «запас», *bālālāykā* «балалайка», *pāket* «пакет» и некоторые другие» [4, с. 55].

Войны между Ираном и Россией в начале XIX века оказали негативное влияние на торговлю между этими двумя странами, которая началась в 16 веке. Первая война произошла в 1804 г. Россия и Иран в равной степени претендовали на захват Закавказья [5]. Эта война закончилась в 1813 г. укреплением позиций России и существенным ослаблением Персии в Закавказье. Гюлистанский мирный договор 1813 года заложил основу российского господства на Кавказе на много десятилетий вперед. Вторая война произошла в 1826 году. Русско-персидская война 1826–1828 годов была вызвана попытками России расширить свое влияние на Кавказе и Прикаспии. В итоге русская армия смогла одержать победу. В 1828 году был подписан Туркманчайский мирный договор и по его условиям Персия признавала присоединение Дагестана и Грузии к России, отказывалась от претензий на Армению и уступала России ряд территорий на побережье Каспия. Хотя эти войны нанесли Ирану непоправимый ущерб, они вызвали огромные перемены в Иране. Во время этих войн Иран увидел слаженность российской армии. Во время правления Насреддин-шахе Каджара, по просьбе иранского правительства российские военные участвовали в обучении и подготовке иранских военнослужащих. Учрежденная в 1879 г. Персидская казачья бригада превратилась в «преторианскую гвардию», надежно охранявшую шахскую власть. После смерти Насерэдин шаха благодаря поддержке казачьей бригады Мозаффару ад-Дину шаху удалось мирно взойти на престол. Персидская казачья бригада действительно играла важную политическую роль в Иране, будучи инструментом российского влияния [6]. Несомненно, в это время усиление российско-иранских связей и участие России в обучении иранской армии способствовало заимствованию многих российских военных терминов в персидский язык. Также в переговорах между Ираном и Россией о прекращении войны всегда были переводчики, которые либо свободно говорили по-русски, либо по-персидски, либо использовали французский язык. Особенно среди грузин, армян, дагестанцев и азербайджанцев, имевших отношения и с русскими, и с иранцами, были билингвы люди, и, может быть, через этих лю-

дей русские слова и особенно военные слова вошли в персидский язык [7]. Согласно «Словарю терминов каджарского периода» в это время в персидский язык вошли такие слова, как *солдат* *سادات* [sāldāt], *батальон* *باطاليون* [bātāliyōn], *казак* *قزاق* [γazzāγ], *отряд* *آتریاد* ['ātriyād], *ординарец* *اردنانس* [ordonāns], *рота* *رت* [rat], *пароход* *پراخوت* [perāxut], *патруль* *پاترول* [patrul], *полковник* *پولکونیک* [polkovnik], *погон* *پاگون* [pāgon], *шашка* *شوشکه* [šuške] и др [8].

После завершения войны, из-за выгодного коммерческого положения Ирана, Россия возобновила с ним свои торговые отношения. Потребность России и Ирана в некоторых товарах друг друга побудила бизнесменов двух стран к активному участию в сфере экспорта и импорта товаров, и были созданы различные коммерческие компании. После строительства среднеазиатской железной дороги, российское влияние на северные регионы Ирана сильно возросло. Ф. Хейл пишет в своей книге о присутствии русских в городе Мешхед: «Вывески многих магазинов на русском языке, и многие люди выучили русский язык и легко говорят на нем при общении с войсками. Использование рубля продолжается и и демонстрация силы все еще продолжается, но революция в России временно парализовала их способность к действию, и мысли офицеров и мужчины в данный момент заняты единственным вопросом – их собственным будущим» [9].

Поскольку Иран импортировал продукцию по высокой цене, было принято решение о создании ателье и фабрик и расширении отрасли. С этой целью в 1888 году в Россию были направлены шесть человек для работы в различных областях: Ага Рахим Эсфахани для бумажного производства, Кербалай Аббас – стекольная промышленность, Кербалай Садег – чугунное литье, Кербалай Ахмед – сахарная промышленность, Мешхади Али – плотничные работы, Ага Абдулла – свечная промышленность. Эту группу возглавлял Хаджи мухаммед Табризи, и цель состояла в том, чтобы работать на российских заводах, и каждый из них полностью овладел бы своей техникой [10]. Конечно, с возвращени-

ем этих людей и началом их работы в Иране русские слова из каждой промышленности также вошли в персидский язык.

Во времена Фетх Али Шаха в Иран поступил первый печатный станок. Аббас Мирза, который в то время был правителем Азербайджана, приказал импортировать из России в Иран несколько печатных машин. Затем он отправил Мирзу Зейнал-Абидина Тебризи в Санкт-Петербург учиться искусству типографии. Через четыре года он вернулся в Иран и опубликовал первую персидскую книгу в Иране под названием «Фатх Нама» Мирзы Абуль Касима Фарахани, посвященную войне между Ираном и Россией [11]. Среди заимствованных слов, относящихся к этой области, мы можем назвать: *Щипцы* شپسی [šipsi], *Шпон* شپون [ʔeʃpɒn], *Квадрат* گوادرات [govādrāt], *Клише* کلیشه [keliše], *Гравюра* گراوور [gerāvor], *Верстатка* ورساد [versād], *Рамка* رامگا [rāmgā], *Литография* لیتوگرافی [litogerāfi], *Касса* گارسه [gārse], *Пункт* پند [pand].

Одним из важных людей в то время был Лазарь Поляков. В 1889 году Лазарь Поляков основал торговые компании в Иране и Средней Азии, имевшие несколько отделений в Тегеране, Раште и Мешхеде. В том же году через него у бельгийцев была выкуплена концессия на монопольное производство спичек в Персии. Однако предприятие это потерпело крах в силу неумелого ведения дел [12]. Он открыл в Тегеране филиал Московского международного торгового банка, кредитующее проекты бизнесменов. Также основал Персидское страховое и транспортное общество, которое через три года получило концессию на строительство шоссе между городами Энзели и Казвин с правом продления до Тегерана и Хамадана. Названия всех станций были написаны по-русски, и в местах, где российская компания взимала дорожные сборы, служили русские люди, дорожная охрана тоже была русской, и все рабочие работали под их руководством [13].

Эти отношения и распространение русского языка продолжались в Иране до тех пор, пока отношения с Францией активизировались и французские слова заменили русские.

Русские заимствования в путевые заметки Хосрова-Мирзы

Хосров Мирза, внук иранского правителя династии Каджаров Фетх Алишаха, после убийства российского посла в Тегеране Александра Грибоедова получил поручение отправиться в Россию с высокопоставленной делегацией и объявить официальные извинения иранского правительства перед этой страной. Мирза Мустафа Афшар, один из спутников делегации, также написал ежедневный отчет об этом путешествии по приказу Мирзы Масуда Ансари. Наконец, были подготовлены путевые дневники, который назывались «Путевые заметки Хосрова-Мирзы в Санкт-Петербург» [14].

В этой книге есть отчет о посещении иранской делегацией российских заводов, воздушный шар, литографии, музея, оранжереи и т.д., а в тексте книги также содержатся предложения по отправке людей из Ирана в Россию для изучения отраслей промышленности. Далее мы рассмотрим перечень русских заимствованных слов в этой книге.

1. *آتامان* [ātāmān] (атаман)

امپراطور پسر خود الکسندر را که بزرگ ایشان کرده و لقب آتامان که به بزرگان این طایفه داده

می شود داده

(Перевод наш. – Ф. Х.)

«Император назначил своего сына Александра предводителем казаков и присвоил ему титул атамана, который присваивается старейшинам этого клана».

2. *آتشقه* [ātošqe] (окошко)

از آتشقه های آن اطاق اول فصل پائیز آب بارش داخل شده، یخ بسته بود

(Перевод наш. – Ф. Х.)

«В начале осеннего сезона дождевая вода проникла через окошки в эту комнату и замерзла».

3. *امپریال* [amper[i]yāl] (империял)

سیبکه ی زر و سیم را به ضخامت امپریال و مناط می کنند.

(Перевод наш. – Ф. Х.)

«Золотые и серебряные слитки прокатываются толщиной в империал и манат».

4. باطالیون [bātāliyōn] (батальон)

بر مستحفظ متداوله‌ی در خانه سه باطالیون افزوده خواهد شد.

(Перевод наш. – Ф. Х.)

«К охране дверей будут добавлены три батальона»

5. ورس [vers] (верста)

... از شدت باران مسافت بیست و هشت ورس در مدت هشت ساعت طی گردید.

(Перевод наш. – Ф. Х.)

«Из-за сильного дождя расстояние в двадцать восемь верст было преодолено за восемь часов»

6. دوروشکه / دوروشقا / درشگه [doroške] (дрожки)

برای ایشان و همراهان دوروشکه آوردند.

(Перевод наш. – Ф. Х.)

«привезли дрожки для принца и его спутников»

7. امپراطور [emp[er]ratur] (император)

از جانب امپراطور حکم صادر شده بود که نواب شاهزاده را مثل خودش احترام کنند.

(Перевод наш. – Ф. Х.)

Император приказал уважать принца как самого себя.

8. قوالیر / کاوالیر [qavālir] (кавалер)

در روی دیگر آن بخط روسی مرقوم شده است: زالوبوف ای اتی جیست طووا، یعنی برای دوستی و محبتی است که قوالیر به وطن خود کرده است.

(Перевод наш. – Ф. Х.)

«На другой стороне написано на русском: «За любовь и Отечество», то есть из-за дружбы и любви кавалера к своей родине»

9. کینیاز [kinyāz] (князь)

شاهزاده اظهار رضامندی از کینیاز کرده، تفقدی که لازم بود به فرستاده‌ی او نمودند و از موعد ورود خود اخبار کردند.

(Перевод наш. – Ф. Х.)

«Принц выразил свое удовлетворение Кинязом, уделил необходимое внимание его посланнику и сообщили ему дату своего прибытия»

10. لیتوگرافی [litoγerāfi] (литография)

و لیتوگرافی آنکه با مرکبی مخصوص که قوهی نافذه دارد، نقشه را می‌کشند یا صفحه را مینویسند.

(Перевод наш. – Ф. Х.)

«В литографии они рисуют карту или пишут на странице специальными чернилами, которые обладают высокой проникающей способностью»

11. قماندانت / قماندانت [γomāndānt] (комендант)

گویا قماندانت در فرستادن مراسلات اهمال کرده بود.

(Перевод наш. – Ф. Х.)

«Наверное, комендант пренебрег отправкой сообщений»

12. موزگان [muzegān] (музыкант)

زیاده از چهل نفر عملی موزگان در باغ مشغول ساز زدن بودند.

(Перевод наш. – Ф. Х.)

«В саду играли более сорока музыкантов»

13. مدال [medāl] (медаль)

در آنجا به سرکار شاهزاده چند مدال طلا و نقره که یک طرف آن شبیه امپراطور بود و طرف دیگر

تاریخ ورود شاهزاده به ضرابخانهی امپراطوری، دادند

(Перевод наш. – Ф. Х.)

«Там принцу вручили несколько золотых и серебряных медалей, на одной стороне которых был изображен портрет императора, а на другой - дата поступления принца на императорский монетный двор»

В общем, заимствованные слова, используемые в этом путевом очерке, можно классифицировать следующим образом:

1) лексика, связанная с военной сферой

атаман, ординарец, батальон, бригада, драгун, казак, комендант, майор, манёвр, офицер, парад, полк, полковник, рапорт, рота, солдат

2) лексика, связанная с финансовой и коммерческой сферой

ассигнация, империал, банк, копейка, монета, рублей

3) единицы измерения

верста, пуд

4) лексика, связанная с политикой

медаль, сенат, собрание

5) лексика, относящаяся к музыке и музыкальным инструментам

бал, барабанщик, концерт, музыкант, праздник, фортепиано

6) лексика, обозначающая одежду

шапка

7) лексика, обозначающая профессию, социальный статус

губернатор, император, императрица, кавалер, капитан, князь, мужик, литография

8) лексика, связанная со строительством

окошко, печь, фарфор, магазин, театр

9) лексика, обозначающая транспорт

баллон, билет, дрожжи, коляска

Изучая заимствованные слова в этом путевом очерке, можно сказать, что большинство слов были использованы без изменения их семантики большинство из них относится к военной группе. В словарях Амида, Мойна и Дехходы мы видим, что такие слова, как император, императрица, бригада, литография, музыкант и т.д. вводятся как французские слова, хотя по фонетической форме и времени употребления этих слов ясно, что они являются русскими заимствованиями. После расширения отношений Ирана с Францией количество французских слов увеличилось, и произношение русских слов также изменилось под влиянием французского языка. Кроме того, те русские слова, которые имели французские корни, но вошли в персидский язык с русским произношением, рассматривались как французские заимствованные слова. Многие слова в этом тексте, например, майор, театр и сенат, произносятся одинаково по-русски, но позже в Иране французское произношение заменило их русское произношение, поэтому многие исследователи идентифицируют их как французские заимствования.

Фонетические и грамматические характеристики русских прототипов, как видно даже на первый взгляд, претерпели в принимающей системе значительные изменения. Однако это тема другой статьи.

Список литературы

1. Зорина А.В. Англицизмы в современном русском языке (на примере интернет-лексики). *Казанский лингвистический журнал*. 2018;1(2(1)):5–14. URL: <http://ttt.kaz-linguo-journal.ru/index.php/linguo/article/view/173/154> [дата обращения: 23.10.2023].
2. Bashiri I. *Russian Loanwords in Persian and Tajiki*. In Marashi M, editor, *Persian Studies in America*. Bethesda, Md: Iranbooks. 1994. p. 109–141. URL: https://www.academia.edu/10442551/Russian_Loanwords_in_Persian_and_Tajiki_Languages [дата обращения: 09.10.2023].
3. محمدی محمدرضا، عبدالتاجدینی ناهید. *وامواژه‌های روسی در زبان فارسی و فرهنگ بزرگ سخن*. جستارهای زبانی. ۱۳۹۲؛ ۴ (۳): ۱۷۸-۱۵۵. (На перс. яз.)
4. Пейсиков Л.С. *Лексикология современного персидского языка*. М.: Издательство Московского университета; 1975.
5. Кулагина Л.М. *Россия и Иран (XIX–начало XX века)* / Отв. ред. Н.М. Мамедова; Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. М.: Ключ-С; 2010.
6. Тер-Оганов Н.К. *Персидская казачья бригада, 1879-1921 гг.* М.: Институт востоковедения РАН; 2012.
7. صادقی، علی اشرف. *کلمات روسی در زبان فارسی و تاریخچه ی ورود آنها // مجله زبانشناسی*. سال 20، شماره 2، 1384. (На перс. яз.)
8. مدرس‌سی یحیی، سامعی حسین، صفوی میرهن زهرا، *فرهنگ اصطلاحات دوره قاجار قشون و نظمیة*، تهران، دفتر پژوهشهای فرهنگی، ۱۳۹۴. (На перс. яз.)
9. Hale F. *From Persian Uplands*. New York: Dutton; 1920.
10. آدمیت، فریدون. *امیرکبیر و ایران*. تهران: خوارزمی، 1348. (На перс. яз.)
11. مسعودی، اکرم. *تاریخ چاپ در ایران*. تحقیقات کتابداری و اطلاع رسانی دانشگاهی. دوره 32، شماره 35، 1379. (На перс. яз.)
12. Ананьич Б.В. *Банкирские дома в России, 1860–1914 гг.* Ленинград: Наука; 1991.
13. Marvin L. Entner. *Russo- Persian commercial relations 1828–1914*. Flor.: University of Florida; 1965.
14. افشار، مصطفی (بهاءالملک)، *سفرنامه خسرو میرزا به پطرزبورغ*. به کوشش محمد گلبن، تهران ۱۳۴۹، کتابفروشی مستوفی. (На перс. яз.)

References

1. Zorina A.V. English-language loan words in modern Russian (by the example of the internet vocabulary). *Kazan linguistic journal*. 2018;1(2(1)):5–14. URL: <http://ttt.kaz-linguo-journal.ru/index.php/linguo/article/view/173/154> [accessed: 23.10.2023].
2. Bashiri I. *Russian Loanwords in Persian and Tajiki*. In Marashi M, editor, *Persian Studies in America*. Bethesda, Md: Iran books; 1994. p. 109–141. URL: https://www.academia.edu/10442551/Russian_Loanwords_in_Persian_and_Tajiki_Languages [accessed: 09.10.2023].
3. Mohammadi M. Abdaltajedini N. *Survey of Russian Loanwords in Persian Language: Case Study on Farhang-e Bozorg-e Sokhan*. LRR 2013;4(3):155–178. (In Persian.)
4. Peisikov L.S. *Lexicology of the modern Persian language*. М.: Ed. Moscow State University; 1975. (In Russ.)

5. Kulagina L.M. *Russia and Iran (XIX – beginning of XX century)*. Moscow: Kluch-C Publ; 2010. (In Russ.)
6. Ter-Oganov N.K. *Persian Cossack Brigade, 1879–1921*. M.: Institute of Oriental Studies; 2012. (In Russ.)
7. Sadeghi A. Russian origin words in Persian and their history. *Journal of Linguistics*. 2005;20(2):3–46. (In Persian.)
8. Modarresi Y., Samei H., and Safavi Mobarhen Z. *The Lexicon of the Expressions of the Qajar Period: Army and Military*. Tehran: Daftar-e Pajuheshaye Farhangi; 1991. (In Persian.)
9. Hale F. *From Persian Uplands*. New York; 1920. 247 p.
10. Adamiyat F. *Amir Kabir and Iran*. Tehran: Khwarizmi; 1969. (In Persian.)
11. Masoudi A. *History of printing in Iran*. Library research and academic information. 2000;32(35):61–75. (In Persian.)
12. Ananich B.V. *Banking Houses in Russia, 1860–1914*. Leningrad: Nauka; 1991. (In Russ.)
13. Marvin L. Entner. *Russo-Persian commercial relations 1828–1914*. Flor.: University of Florida; 1965.
14. Afshar M. *Khosrow Mirza's travelogue to Saint Petersburg*. Tehran: Ketabkhaneh-ye Mostowfi; 1970. (In Persian.)

Автор публикации

Габдреева Наталия Викторовна –
доктор филологических наук
Казанский федеральный университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: n.gabdreeva@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0816-2672>

Хематзадех Форузан –
аспирант
Казанский федеральный университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: fhematzadeh@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0005-5509-8134>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 16.10.2023
Одобрена после рецензирования: 30.11.2023
Принята к публикации: 5.12.2023

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Author of the publication

Gabdreeva Nataliya Viktorovna –
Doctor of Philology
Kazan Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: n.gabdreeva@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0816-2672>

Hematzadeh Forouzan –
Postgraduate student
Kazan Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: fhematzadeh@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0005-5509-8134>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 16.10.2023
Approved after peer reviewing: 30.11.2023
Accepted for publication: 5.12.2023

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 811.581.11

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.72-84>

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ОПЫТ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
ПОНЯТИЙНОГО СМЫСЛА «МАЛОЕ КОЛИЧЕСТВО ЧЕГО-ЛИБО»
НА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ УРОВНЕ
В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

А. С. Дедюхина¹, Ши Сяолун²

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

¹a.s.dediukhina@urfu.ru <https://orcid.org/0000-0003-0353-377X>

²syaolun.shi@urfu.ru <https://orcid.org/0000-0002-7796-8824>

Аннотация. В данной статье рассматриваются средства манифестации понятийного количественного смысла «малое количество чего-либо» в русском, английском и китайском языках на лексико-фразеологическом уровне. Выражение данного смысла ограничено довольно немногочисленной группой фразеологических единиц с разнообразным символизмом, который основывается на этимологических образах.

В ходе сравнения подобранных примеров с соответственными фраземами из национальных корпусов языка и тезаурусов выявлены универсальные в грамматическом отношении фразеологические единицы в рассматриваемых языках. Обнаружено, что помимо общего понятийного смысла «малое количество» существуют универсальные для трех языков коннотации, такие как время, пространство, преференция, (не)определенность, ограничение, контраст и качество.

Лингвокультурологическим подходом изучена взаимозаменяемость между рассматриваемыми фраземами в сфере их функционирования – в бытовой речи, художественных произведениях, публицистике и т.д. Показано, что ограничения на синонимическую замену связаны с коннотативным компонентом значения и стилистической окраской. С помощью культурологических комментариев к приведенным примерам наше исследование позволяет лучше понимать своеобразие картины мира и менталитета носителей этих языков.

Ключевые слова: фразеология; малое количество; понятийный смысл; коннотация; стилистическая окраска; сфера функционирования; лингвокультурология; национальные корпуса языков

Для цитирования: Дедюхина А.С., Ши С. Этнокультурный опыт репрезентации понятийного смысла «малое количество чего-либо» на фразеологическом уровне в русском, английском и китайском языках. *Казанский лингвистический журнал*. 2024; 7(1): 72–84. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.72-84>

**ETHNOCULTURAL EXPERIENCE OF REPRESENTING
THE CONCEPTUAL MEANING OF
“SMALL QUANTITY OF SOMETHING”
AT THE PHRASEOLOGICAL LEVEL
IN RUSSIAN, ENGLISH AND CHINESE LANGUAGES**

A.S. Dediukhina¹, Shi Xiaolong²

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

¹a.s.dediukhina@urfu.ru <https://orcid.org/0000-0003-0353-377X>

²syaolun.shi@urfu.ru <https://orcid.org/0000-0002-7796-8824>

Abstract. This article deals with the means of manifestation of conceptual quantitative meaning of “small quantity of something” in Russian, English and Chinese languages at the lexico-phraseological level. The expression of this meaning is limited to a rather small group of phrases with diverse symbolism, which is based on etymological images.

While comparing the selected examples with the corresponding phrases from national language corpora and thesauri, we have identified the phraseological units under consideration as grammatically universal. It was found that apart from the general conceptual meaning “small quantity” there are universal connotations for the three languages, such as time, space, preference, (un)certainty, limitation, contrast and quality.

The linguocultural approach is used to study the interchangeability between the phraseological units under consideration in the sphere of their functioning in everyday speech, fiction, social and political essays, etc. It is shown that restrictions on synonymic substitution are related due to the connotative component of meaning and stylistic coloring. Cultural comments to the given examples favor better understanding of the worldview and mentality of the speakers of the three languages.

Keywords: phraseology, small quantity, conceptual meaning, connotation, stylistic coloring, sphere of functioning, linguocultural studies, national corpora of languages.

For citation: Dediukhina A.S., Shi X. Ethnocultural Experience of Representing the Conceptual Meaning of “Small Quantity of Something” at the Phraseological Level in Russian, English and Chinese Languages. *Kazan Linguistic Journal*. 2024; 7(1): 72–84. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.72-84>

В своем исследовании мы обратились к изучению понятийного партитивного смысла «малое количество чего-либо», который представляет особый интерес как в понятийном, так и языковом плане как один из понятийных смыслов категории количества.

Формирование фразеологического значения происходит в теснейшем взаимодействии лексики и грамматики, которая «по своей природе представляет собой конвенциональное отражение в символической форме определенных семантических структур» [1, с. 52]. Фразема – это устойчивое выражение, как

правило, образного характера, обобщенно-целостное значение которого не сводится к сумме значений составляющих его слов [2, с. 5].

Актуальность нашего исследования заключается в том, что изучение и сопоставление на примере трех языков языковой манифестации понятийных смыслов помогает, насколько это возможно, смоделировать структуры знания, их содержание и связи. Цель статьи – показать ограничения на синонимическую замену фразеологизмов, выражающих одно значение. Методологическую базу исследования составляют такие концепции, как системный подход, диалектический принцип анализа, когнитивный принцип анализа и национально-культурный подход к описанию языковых явлений. К методам исследования относим метод наблюдения, метод качественного анализа документов, лингвостилистический метод, сопоставительный метод, метод произвольной выборки, метод комплексного анализа и метод контрастивного анализа.

Методом сплошной выборки из словарей была выделена группа фразем со значением «малое количество чего-либо». Перейдем к изучению реализации выбранных фразеологизмов в сфере функционирования – в национальных корпусах языков и тезаурусах.

Рассматриваемые фразеологизмы выступают в качестве сравнения, описывающие ситуацию наличия неопределенного малого количества людей, могут быть взаимозаменяемыми как в русском, так и в английском языках: *В общем, на свадьбе было ровно полтора человека* или *В общем, на свадьбе людей было считанное число / считанные единицы / по пальцам можно пересчитать / раз два и обчелся / всего ничего / с гулькин нос / не бог весть сколько / всего ничего / кот наплакал*. В английском языке: *Dele noted that the widow's mite / drop in the ocean / crumbs from the master's table / chickenfeed / dribs and drabs would further strengthen partnership between Olam and farmers/producers of its major products. (All Africa). One hundred and twenty million euros is not a drop in the bucket / drop in the ocean / widow's mite / crumbs from master's table / next to nothing / nickels and dimes / chickenfeed / small potatoes / dribs and drabs.*

Изучаемые фразеологизмы могут реализовывать следующие коннотативные оттенки:

1. «Временной предел»:

Старуха тоже ведь не бог весть сколько проживет. (В.К. Кетлинская «Мужество»).

Классиков Пальчиков пересчитывал в час по чайной ложке. (А.Н. Бузулукский. Пальчиков. «Волга»).

Замена на *с гулькин нос*, или *всего ничего*, или *раз-два и обчелся*, *капля в море* и пр. невозможна.

2. «Пространственный предел»:

Туда зимой на собачьей упряжке, по замерзшей Буре, всего ничего, километров триста. (А. Купер. Истопник. «Дальний Восток»).

3. «Негативный компонент значения „количественное ограничение“»:

Я уже не выношу благодарственных слов, мне тяжело их слушать, при этом я чувствую себя не благодетельницей, как должно бы, а едва ли не воровкой, обобравшей людей за их спиной, а потом отдающей им крохи с барского стола. (В. Михальский «Одинокому везде пустыня»).

It merely represents the brushing of a few crumbs from the rich man's table. (The Guardian)

Смотри, сколько нас осталось? По пальцам можно пересчитать... Из всего класса. (В. Железников «Чучело»).

And work on selective laser melting, in general, can be counted by the fingers of one hand. (EurekaAlert).

In that time they mustered only 111 runs for the loss of seven wickets, chicken feed by modern standards. (The Guardian).

长留史册的，不是锱铢必较⁽¹⁾的利益，而是肝胆相照的情分。——

毕淑敏《友情：这棵树上只有一个果子，叫做信任》*То, что запомнят на долгие года, не материальная выгода от счета малейших кусков денег, а чувство ис-*

кренности¹. (Би Шуминь «На дереве дружбы только один плод под названием „доверие”»).

到了最南方的大都市，已是疲惫不堪，囊中羞涩⁽²⁾-

，尝够了孤独的滋味。——王朔《空中小姐》 Когда доехал до самого южного мегаполиса, я уже переутомился. Чувствую конфуз из-за скромной суммы в кошельке. И вкусил сполна одиночества. (Ван Шо «Стюардесса»)

Фразема (1) о мелочности, фразема (2) о бедности. Они не могут быть заменены друг на друга.

4. «Определенное малое количество»:

我的一生，三言两语⁽³⁾就可以说完了。——张爱玲《红玫瑰与白玫瑰》 О моей жизни можно рассказать в двух-трех словах. (Чжан Айлин «Красная роза и белая роза»)

金三爷不能为了仨瓜俩枣⁽⁴⁾的事儿跑腿。——老舍《四世同堂》 Третий господин Цзинь не может быть на побегушках по делу, от которого можно получить только три арбуза и два финика. (Лао Шэ «Четыре поколения одной семьи»).

Несмотря на указание на конкретные цифры, они не указывают точное количество. Ими лишь условно подчеркивается скромное количество. Фразема (3) только о речи, тексте. Фразема (4) только о скромной зарплате, вознаграждении и т.п., при этом имеет разговорную окраску. Следовательно, они не взаимозаменяемы.

5. «Неопределенное малое количество»:

Еще сложнее с мод-музыкантами – в Москве их всего ничего. (Контроль собственного качества. «Рекламный мир»).

¹ Здесь и далее перевод с китайского языка выполнен Ши Сяолуном.

Разумеется, отелей здесь тоже раз-два – и обчелся, зато полно арт-галерей и мастерских художников. Берд, конечно, не Москва. (Н. Абгарян «Все о Манюне»).

We have taken back control of every jot and tittle of our regulation in a way that is complete and unfettered. Daily Express Clients came in dribs and drabs. (Collins Dictionary).

在我有限的生命时间里，理发的次数屈指可数⁽⁵⁾。—— 莫言《四十一炮》

На моем веку количество стрижек на пальцах можно пересчитать. (Мо Янь «Сорок одна хлопущка»).

况且作者姓氏一大篇，动手者寥寥无几⁽⁶⁾，乃是中国的古礼。——

鲁迅《论语一年》 Тем более список авторов огромен, а пишущие единичны, это и есть древний церемониал Китая. (Лу Синь «Один год журнала «Лунь-юй»).

在这女性寥寥晨星⁽⁷⁾的世界里，她们的出现如同太阳一般辉煌……——

路遥《平凡的世界》 В обществе, где женщины редки, как утренние звезды, их появление ярко как солнце... (Лу Яо «Обыкновенный мир»).

Фраземы (5) и (6) взаимозаменяемы. Фразема (7) помимо редкости подчеркивает еще и красоту или драгоценность, поэтому им нельзя заменять (5) и (6).

6. «Неопределенно малое количество» либо значение интенсивности:

Полторы тонны, крикнул с места Ефим, это Одессе – на один зуб. (А. Львов «Двор»).

On paper, there might be next to nothing you can do. (Medium Blog).

The power rankings might seem a little off at times, but these questions are small potatoes. (The Guardian).

区区之数⁽⁸⁾何必挂齿。——茅盾《霜叶红似二月花》 *Это всего небольшое количество. Оно даже не заслуживает упоминания.* (Мао Дунь «Покрытые инеем листья красны как весенние цветы»).

把积存下的那点儿针头线脑⁽⁹⁾的钱都花上了。——萧红《呼兰河传》 *Она потратила даже накопленные деньги, которых хватило бы только на иголки и нитки.* (Сяо Хун «История реки Хулань»)

Фразема (8) книжного стиля, фразема (9) разговорного стиля. Они не заменяемы.

7. «Характеристику „какой, а не сколько”», т.е. не только количественные характеристики предмета, но и его размер:

А лавочка-то с гулькин нос: спускаешься по узкой боковой щели рынка и внимательно двери считаешь – не пропустить бы. (Д. Рубина «Белая голубка Кордовы»).

为了芝麻大⁽¹⁰⁾的一点小事，你值得生气？——张恨水《北雁南飞》 *Как ты смогла разозлиться из-за дела величиной с кунжут?* (Чжан Хэньшуй «Дикий гусь летит на юг»).

他那两只耳朵、两只洞察秋毫之末⁽¹¹⁾的耳朵，在可怕地扭动着。——莫言《民间音乐》 *Его уши, которые чувствуют даже кончик осенней ворсинки у птицы или животного, страшно кривляются.* (Мо Янь «Народная музыка»)

他决不会为了眼前的蝇头小利⁽¹²⁾败坏自己的声誉。——莫言《四十一炮》 *Он ни в коем случае не портит свою репутацию ради сиюминутной выгоды размером с голову мухи.* (Мо Янь «Сорок одна хлопущка»)

千里送鹅毛⁽¹³⁾，物轻人情重。——张恨水《金粉世家》 *Присланное за тысячу ли² гусиное перышко весит легко, но внимание весит больше.* (Чжан Хэньшуй «Знатная семья»)

Все четыре фраземы метафоричны и гиперболичны. Однако, они не могут быть заменены между собой. Фразема (10) используется как прилагательное и подчеркивает незначительность дела, при этом имеет разговорный оттенок. Фраземы (11), (12) и (13) принадлежат книжному стилю, но встречаются в разных контекстах: (11) – о чувствительности, тонкости, (12) – о скупости, (13) – о значимости внимания.

8. «Контраст»:

В январе 2010 года в ходе операции, проведенной полицией ЮАР, у контрабандистов было конфисковано моллюсков на сумму в 250 тысяч евро. Но это – лишь вершина айсберга. Недавно немецкий телеканал ZDF показал документальное расследование. (А. Зайцев. Южная Африка. «Знание – сила»).

In fact, such losses are often just the tip of the iceberg for merchants. (PYMNTS)

I am delighted with his performance and I know this is only the top of the iceberg of what he can give me. (Irish Times)

人类所知道的仅仅是沧海一粟⁽¹⁴⁾。——莫言《十三步》 *То, что известно человечеству, лишь одно зернышко проса в безбрежном море.* (Мо Янь «Тридцать шагов»).

宋阴念一身蜩寄世间，真如恒河一沙⁽¹⁵⁾，沧海一粟⁽¹⁶⁾，吾生亦何有涯？
——和邦额《夜谭随录》 *Сун говорит про себя: «Я живу в этом мире как цикада, подобно тому, как одна песчинка в реке Ганга, как одно зернышко проса в безбрежном море. Разве моя жизнь не имеет предела?»* (Хэбэнгэ «Записки ночных разговоров»).

² Ли – единица измерения длины, равная 500 метрам.

去了他七千两，也不过是“九牛一毛⁽¹⁷⁾”，“太仓一粟⁽¹⁸⁾”。——

吴趼人《二十年目睹之怪现状》 *Потеря 7,000 таэлей для него лишь «один волосок с девяти быков», «одно зернышко в столичном амбаре». (У Вояо «Нелепости, виденные за двадцать лет»).*

说说咱酒国的名吃，挂一漏万⁽¹⁹⁾在所难免。——莫言《酒国》 *Что касается деликатесов в нашей Стране вина, то неизбежно получится так, что расскажем об одном деликатесе и упустим десять тысяч. (Мо Янь «Страна вина»)*

有时家人会给他一些钱，但也是杯水车薪⁽²⁰⁾。——王安忆《长恨歌》 *Иногда семья дает ему некоторую сумму, но это все-таки чашка воды для воза горящего хвороста. (Ван Аньи «Песня о вечной печали»)*

Фраземы (14)–(18) обозначают «малейшая часть чего-то» и могут заменять друг друга. Фраземы (19) и (20) не подходят для контекстов (14)–(18), поскольку фразема (19) подразумевает «словами упомянута лишь небольшая часть» и используется только для речи, текста; а фразема (20) имеется в виду, что средства, силы или помощи совсем недостаточно для решения вопроса.

9. «Неопределенно малая множественность»:

前者援军十万，士马精强，犹不能克，君以区区之众⁽²¹⁾，将何所之！——司马光《资治通鉴》 *До этого его не удалось разгромить даже подкреплению со 100,000 солдатами – и воины были сильны, и кони были могучи. А вы чего добьетесь таким малочисленным отрядом? (Сыма Цянь «Всеобщее зеркало, управлению помогающее»).*

原来是门可罗雀⁽²²⁾，现在又是宾客盈门。——季羨林《世态炎凉》 *Раньше перед входом можно было ловить воробьев. А теперь дом снова полон гостей. (Цзи Сяньлинь «Мнения света изменчивы»).*

比如当个县太爷吧，因地方不同，价格出入就很大。人口繁密、交通方便、物产丰饶的县和那些贫苦偏僻、人烟稀少⁽²³⁾的县就分着不同等级和时价。

——马识途《夜谭十记》 *Начальники уезда, например, зарабатывают совсем по-разному в зависимости от места службы. Для начальников заселенных уездов с удобным транспортом и богатыми ресурсами и для их коллег из бедных, отдаленных уездов, там, где дым человеческих жилищ редок, отличаются и ранги, и расценки.* (Ма Шиту «Десять удивительных историй»).

Эти три фраземы не заменяемы между собой из-за контекстов использования: фразема (21) выражает пренебрежительность к малочисленному составу; фразема (22) о малом количестве посетителей; фраземой (23) описывают редкое население.

10. «гиперболизированное малое количество»:

现在州县班子里，照你这宗作事的，实在是吉光片羽⁽²⁴⁾，不可多得⁽²⁵⁾的了。——蔡友梅《新鲜滋味》 *Сейчас в окружной и уездной службах, работающие как ты, просто редки как перья легендарного Цигуана, много не бывает.* (Цай Юмэй «Свежий вкус»).

洛阳城内能有此造诣的人绝对是凤毛麟角⁽²⁶⁾。仔细搜索，一定能查出蛛丝马迹⁽²⁷⁾。——莫言《中州纪事》 *В городе Лояне такие таланты как он, абсолютно как перо феникса и рог единорога. Если внимательно поищем, то обязательно найдем нить паутины и следы копыт лошади.* (Мо Янь «История Центрального округа»).

就那几个饺子，能塞牙缝⁽²⁸⁾呀？——贾平凹《高兴》 *Всего лишь этим количеством пельменей разве можно завалить щель между зубами?* (Цзя Пинва «Гаосин»).

В первых двух предложениях редкость таланта выражается фраземами (24), (25) и (26), стиль у которых книжный. При этом во фраземах (24) и (26) наблюдается сравнение с частями несуществующих легендарных животных, что вдвойне подчеркивает редкость таланта. Фразема (27) книжного стиля и предназначена для описания неочевидных следов. Фраземой (28) проявляют негативное отношение к малому количеству. Ее используют исключительно в разговорной речи. Соответственно, взаимозаменяемы только фраземы (24), (25) и (26).

Анализ лингвокультурных концептов является надежным способом понимания национального менталитета [3, с. 513]. Изучение фразеологических систем иностранных языков позволяет делать обобщения, далеко выходящие за рамки лингвистики. Прежде всего это касается особенностей национальной образности мышления и нравственно-ценностных приоритетов, существующих в данной культуре. [4, с. 28]

Образ, лежащий в основе изучаемых фразем, один – «малое количество чего-либо», однако при реализации его в речи различаются языковые средства и коннотации. Выявлены универсальные в грамматическом отношении фразеологические единицы, поскольку они употребляются в разных контекстах и часто синонимичны. Лексико-семантическая сочетаемость фразеологизмов со значением «неопределенно малое количество», ограничения на синонимическую замену иногда связаны с компонентами значений, детерминированными метафорическим переосмыслением, мотивирующим фразеологизм [5, с. 236].

Помимо количественных значений, выражаются также экспрессивные, оценочные, эмоциональные значения. Несмотря на то, что рассматриваемый нами понятийный смысл является частью категории количества, выражение идеи «малого количества» в сфере функционирования часто осложнено множественными коннотациями и стилистической окраской.

Проанализированный материал свидетельствует о необходимости дальнейшего исследования понятийных количественных смыслов, рассматриваемых

в языках с целью выявления универсальных и специфических схем познания и структурирования мира.

Список литературы

1. *Краткий словарь когнитивных терминов*. Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та; 1997.
2. Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г. *Фразеологический словарь: культурно-познавательное пространство русской идиоматики*. М.: Элпис; 2008.
3. Фаткуллина Ф.Г., Ван Сюецзяо. Метафорическая концептуализация фразеологизмов о красивых/здоровых женщинах в китайском языке и особенности их перевода на русский язык. *Казанский лингвистический журнал*. 2022;5(4):512–522. DOI: 10.26907/2658-3321.2022.5.4.512-522
4. Корнилов О.А. *Жемчужины китайской фразеологии*. М.: ЧеРо; 2005.
5. Чжан Цзинтао. Фразеологизмы со значением «неопределенно малое количество» в русском языке: проблема лексико-семантической сочетаемости. *Рациональное и эмоциональное в русском языке: Сборник трудов Международной научной конференции*. М.: Изд-во «Московский государственный областной университет»; 2020. с. 233–236.
6. *Национальный корпус русского языка*. URL: <https://ruscorpora.ru/> [дата обращения: 20.01.2024].
7. *Sentence Stack*. URL: <https://sentencestack.com> [дата обращения: 11.01.2024].
8. *Large English-Russian Phrasebook*. URL: https://large_phrasebook_en_ru.academic.ru [дата обращения: 15.01.2024].
9. *The Free Dictionary by Farlex. Idioms and Phrases*. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com> [дата обращения: 12.01.2024].
10. *北京大学中国语言学研究中心语料库*. URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus [дата обращения: 23.01.2024]. (На кит. яз.)
11. *北京语言大学语料库中心*. URL: <http://bcc.blcu.edu.cn> [дата обращения: 27.01.2024]. (На кит. яз.)
12. *中国哲学书电子化计划*. URL: <https://ctext.org> [дата обращения: 22.01.2024]. (На кит. яз.)

References

1. *Concise Dictionary of Cognitive Terms*. Ed. by E.S. Kubryakova. Moscow: Moscow State University Press; 1997. (In Russ.)
2. Alefirenko N.F., Zolotykh L.G. *Phraseological Dictionary: Cultural and Cognitive Space of Russian Idioms*. Moscow: Elpis; 2008. (In Russ.)
3. Fatkullina F.G., Wang Xuejiao. Metaphorical Conceptualization of Phraseological Units about Healthy/Beautiful Women in the Chinese Language and Features of Their Translation into Russian. *Kazan Linguistic Journal*. 2022; 5(4): 512–522. DOI: 10.26907/2658-3321.2022.5.4.512-522 (In Russ.)
4. Kornilov O.A. *The Pearls of Chinese Idioms*. M.: CheRo; 2005. (In Russ.)
5. Zhang Jingtao. Phraseological Phrases with the Meaning of “Indefinitely Small Quantity” in the Russian Language: the Problem of Lexico-Semantic Combinability. Rational and Emotional in the Russian Language. Proceedings of the International Scientific Conference. Moscow: Moscow State Regional University; 2020. P. 233–236. (In Russ.)
6. *The Russian National Corpus*. Available from: <https://ruscorpora.ru> [accessed: 20.01.2024]. (In Russ.)
7. *Sentence Stack*. Available from: <https://sentencestack.com> [accessed: 11.01.2024]. (In Eng.)

8. *Large English-Russian Phrasebook*. Available from: https://large_phrasebook_en_ru.academic.ru [accessed: 15.01.2024]. (In Eng. & Russ.)
9. *The Free Dictionary by Farlex. Idioms and Phrases*. Available from: <https://idioms.thefreedictionary.com> [accessed: 12.01.2024]. (In Eng.)
10. *Center for Chinese Linguistics, Peking University*. Available from: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus [accessed: 23.01.2024]. (In Chin.)
11. *Beijing Language and Culture University Corpus Center*. Available from: <http://bcc.blcu.edu.cn> [accessed: 27.01.2024]. (In Chin.)
12. *Chinese Text Project*. Available from: <https://ctext.org> [accessed: 22.01.2024]. (In Chin.)

Автор публикации

Дедюхина Анна Сергеевна –
Кандидат филологических наук, доцент
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия
Email: a.s.dediukhina@urfu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0353-377X>

Ши Сяолун –
Старший преподаватель
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия
Email: syaolun.shi@urfu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7796-8824>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 14.02.2024
Одобрена после рецензирования: 30.02.2024
Принята к публикации: 2.03.2024

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Author of the publication

Dediukhina Anna Sergeevna –
Candidate of Philology, Associate professor
Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia
Email: a.s.dediukhina@urfu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0353-377X>

Shi Xiaolong –
Senior Lecturer
Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia
Email: syaolun.shi@urfu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7796-8824>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 14.02.2024
Approved after peer reviewing: 30.02.2024
Accepted for publication: 2.03.2024

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 811.111-26

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.85-94>

**ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ ГОРОДСКОЙ И
СЕЛЬСКОЙ СРЕДЫ В СОЗНАНИИ ВИКТОРИАНСКОЙ ЭПОХИ**

А.А. Лиховид

*Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия
anlikhovid@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8945-4436>*

Аннотация. В настоящей статье осуществляется анализ языковых средств, используемых в романе Э. Гаскелл «Север и Юг» при описании городской и сельской местностей. Актуальность исследования обусловливается растущей ролью гендерных исследований в языке, в рамках которых важную значимость приобретает лингвокультурологический анализ гендерных ассоциаций в сознании носителей естественных языков. В основе исследования лежит понимание гендера как бинарного конструкта, актуализирующего оппозиционное восприятие мужественности и женственности. Для сознания Англии Викторианской эпохи оказывается характерно не только бинарное восприятие полоролевых отношений, но и символическая оппозиция городской и сельской местности, сформировавшаяся в результате индустриальной революции. С целью определения ассоциативной связи гендера и городской/сельской среды было отобрано 349 контекстов оригинала, описывающих реалии жизни в одном из пространств. Результат исследования показал, что городская среда в сознании Викторианской эпохи связана с несколькими категориями мужественности, в то время как сельская местность обладает фемининными качествами. Исследование обнаружило деконструкцию некоторых гендерных стереотипов и оппозиций, что свидетельствует о более многоаспектном восприятии гендерных структур, выходящем за рамки двухполярного.

Ключевые слова: гендер; бинарность; мужественность; женственность; Гаскелл; Викторианская эпоха

Для цитирования: Лиховид А.А. Гендерная специфика восприятия городской и сельской среды в сознании Викторианской эпохи. *Казанский лингвистический журнал*. 2024; 7(1): 85–94. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.85-94>

Original article

Philology studies
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.85-94>

GENDERED PERCEPTION OF URBAN AND RURAL ENVIRONMENT IN THE CONSCIOUSNESS OF THE VICTORIAN ERA

A.A. Likhovid

*North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia
anlikhovid@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8945-4436>*

Abstract. This article analyses the language means used in the novel by Elizabeth Gaskell «North and South» when describing urban and rural areas. The relevance of the study is due to the growing role of gender studies in the language, within which the linguoculturological analysis of gender associations in the minds of natural language speakers becomes important. The study is based on the understanding of gender as a binary construct that actualizes the oppositional perception of masculinity and femininity. The consciousness of England in the Victorian era is character-

ized not only by the binary perception of gender-role relations, but also by the symbolic opposition of urban and rural areas, formed as a result of the industrial revolution. In order to determine the associative relationship between gender and the urban/rural environment, 349 original contexts were selected that describe the realities of life in one of the spaces. The result of the study showed that the urban environment in the minds of the Victorian era is associated with several categories of masculinity, while the countryside has feminine qualities. The study revealed the deconstruction of some gender stereotypes and oppositions, which indicates a more multifaceted perception of gender structures that goes beyond the bipolar.

Keywords. Gender; binary; masculinity; femininity; Gaskell; Victorian era

For citation. Likhovid A. A. Gendered Perception of Urban and Rural Environment in the Consciousness of the Victorian Era. *Kazan Linguistic Journal*. 2024; 7(1): 85–94. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.85-94>

Гендерные исследования в языке приобретают все большую научную значимость, так как позволяют различные аспекты культурных моделей мужественности и женственности, что оказывает влияние на восприятие участниками социума институализированных и иных форм полоролевых отношений. А. В. Кирилина, говоря о перспективах гендерных исследований в языке, отмечает, что гендерная лингвистика нуждается в исследованиях ассоциативных связей, закрепленных за гендером в сознании человека [1, с. 126]. Изучение гендерных ассоциаций на материале художественной литературы позволяет изучить, каким образом гендерные ассоциации выражены в тексте оригинала как лингвистической материализации языковой личности автора, который может рассматриваться и как индивидуальный пользователь языка, и как носитель коллективного культурно-языкового сознания, выраженного в определенном дискурсе [2, с. 660]. Языковая личность автора при этом может трактоваться как зафиксированный в лексической системе языка обобщенный прототип носителя, формируемый из «мировоззренческих установок, ценностных приоритетов и поведенческих реакций, отраженных в словаре» [3, с. 206].

Интерес к исследованию романа Элизабет Гаскелл «Север и Юг» объясняется не только недавним представлением русскоязычного варианта романа отечественному читателю (первая версия перевода была выпущена в 2011 году). Э. Гаскелл зачастую оказывается в центре исследовательского внимания ввиду ее интереса к социальным и политическим аспектам жизни общества, а

также благодаря динамичному подходу к гендерной политике, обуславливающему новаторское для той эпохи понимание гендерных ролей и стереотипов. Рассматриваемое произведение трактуется как семиотическое единство авторской интенции и объективной действительности, «системного и индивидуального» [4, с. 49]. Актуальность исследования также подтверждается активным развитием лингвокультурологического направления гендерных исследований, направленных на изучение стереотипов маскулинности и фемининности в разных лингвокультурах, особенностей гендерных асимметрий и метафор [5, с. 78]. «Север и Юг» был впервые опубликован в 1855 году, и представляет собой социальный комментарий к суровым реалиям промышленной революции и напряженности между различными классами и регионами викторианской Англии. В наших рассуждениях мы исходим из признания «текстообразующей функции не только персонажа как базовой категории и эстетического центра моделируемого мира, но и таких универсалий, как время и пространство, формирующих среду его обитания» [6, с. 138].

Настоящее исследование анализирует лингвистические средства репрезентации географических пространств севера (Милтон) и юга (Хелстон) Англии в романе Элизабет Гаскелл «Север и Юг» [7]. Исходя из понимания оппозиционных отношений фемининности и маскулинности, настоящая работа считает описание Милтона и Хелстона в романе гендерно окрашенным, трактуя их как одну из форм гендерных ассоциаций в англоязычном сознании. В ходе исследования было проанализировано 349 контекстов оригинала, в числе которых 208 контекстов коррелируют с Милтоном/севером, 141 контекст соотносится к Хелстоном/югом. В ходе исследования методом сплошной выборки были отобраны 130 языковых единиц, использованных при описании городской или сельской местности, уклада жизни или особенностей мировоззрения жителей.

Как отмечает Джил Конвей, изучение того, что представляет собой гендер, имеет огромный потенциал для понимания того, каким образом работают различные социальные и культурные системы [8, с. xxix]. Данные системы,

прямо или опосредованно, создают гендерные структуры, которые, вне зависимости от эпохи, представляют собой бинарные конструкты, функционирование которых определяется противопоставлением мужского и женского, фемининного и маскулинного [9, с. 24]. Даже если символические ассоциации каждого гендера могут со временем изменяться, они практически всегда и во все эпохи, базируются на противопоставлении маскулинного и фемининного, индивидуализма и заботы, искусственно сконструированного и естественно репродуктивного, науки и природы, капиталистического производства и заботы/ухода, эксплуатации и сохранения, политического и домашнего, публичного и частного [8, с. xxix]. В сознании большого количества носителей разных лингвокультур наблюдается определенная дифференциация гендерных представлений по половому признаку, однако граница между гендерами не всегда является четко очерченной. Так, О. Г. Лопухова отмечает, что с маскулинностью ассоциируются такие понятия и качества, как сильная личность, напористость, способность и готовность руководить, доминирование, сила, смелость, выносливость, активность, целеустремленность, продуманность. С женственностью часто связывают уступчивость, стеснительность, мягкость в высказываниях, стремление утешить, детскую непосредственность, сострадательность, склонность к проявлению чувств [10]. А. В. Опарина говорит о том, что в любой мифологической картине мира присутствует ряд бинарных и/или полярных оппозиций, где левый член каждой оппозиции приписывается мужественности, а правый – женственности: верх/низ, свет/тьма, правое/левое, активность/пассивность, рациональность/иррациональность, логика/эмоции, дух/материя, содержание/форма, власть/подчинение [11]. Приведенные выше пары оппозиций применимы именно к категориям мужественности и женственности как к категориям гендерным и, соответственно, культурно и социологически сконструированным. Ни мужественность, ни женственность не являются абсолютно тождественными биологическим понятиям мужского и женского пола, хотя они часто оказываются приписываемыми друг другу.

Истоки подобного противопоставления можно проследить и в Англии XIX века, где общество во многом основывалось на разграничении гендерных ролей между мужчинами и женщинами. Мария Фроули отмечает, что во многих работах продвигалась идея о самоотречении как одном из постулатов женственности, вкупе с аккуратностью в формулировках, стремлением сгладить болезненные или неприятные ощущения в общении. Огромная роль отводилась роли женщины как создательнице умиротворённой атмосферы в доме, заботящейся о муже и детях [12, с. 433-434]. Мужественность определялась моральными и этическими компонентами образа джентльмена, которые являются не менее ограничительными, чем выдвигаемые социальной идеологией требования к женственности [12, с. 437].

Вместе с тем, уже упомянутая полярность характерна не только для восприятия гендера в Викторианскую эпоху. Благодаря индустриальной революции и активному развитию железных дорог, большие урбанистические центры как Лондон, Манчестер и Бирмингем агрессивно и стремительно трансформировались под влиянием новых технологий. Мария Фроули, анализируя восприятие городских и сельских ландшафтов в Викторианскую эпоху, пишет следующее: «Сельская местность и город находятся в символической оппозиции по отношению друг к другу, обозначая разными способами, невинность и опыт, естественное и неестественное, неизменное и преходящее» [12, с. 420]. Подобное описание дает основание предположить, что механизмы восприятия городской и сельской среды во многом схожи с полярным пониманием гендера, в результате чего настоящее исследование склонно проводить параллель между маскулинностью и городской средой, женственностью и сельской/провинциальной средой, таким образом интерпретируя географические пространства как ассоциативно связанные с гендером.

Для описания городской среды (в романе отождествленной с Севером) в тексте оригинала были использованы следующие существительные: *chimneys, dirt, tenants, houses, mills, more iron, less wood, smoke, a loss of fragrance of grass*

and herbage, van, waggon, truck, cotton, office, warehouse, energy, difficulties, power of machinery, much spirit, fogs, nerves, haste, bustle, speed, not a place for cowards, depression, worry of spirits, struggle, materials for life, enjoyment of the power and influence, hurry to get rich, money, tension of mind, business. Проанализированные контексты показали применение следующих прилагательных: *manufacturing, bustling, immense difficulties, bleak, smoky air, everything was purpose-like, a busy mind, lead-coloured, long, straight, hopeless streets, busy bustling space, long dusky streets, weary, tired, brave heart, hard to be patient and calm, busy for quiet speech, present and actual.* На уровне глаголов было отмечено употребление следующих глаголов и их производных: *energy which conquered, the nerves are quickened, everybody rushing.*

Многие из описанных лексических единиц могут отнесены к сферам/качествам/свойствам, приписываемым мужественности. К сфере капиталистического производства можно отнести следующие языковые средства, использованные в романе для описания городской среды: *van, waggon, truck, cotton, office, warehouse, tenants, houses, mills, power of machinery, business, manufacturing.* К маскулинной категории искусственно сконструированного можно отнести такие лексические единицы, как *more iron, less wood, loss of fragrance of grass and herbage, purpose-like, lead-coloured, long, straight streets.* Как манифестацию активности можно определить такие слова, как *energy, bustle, speed, haste, hurry, busy, bustling, quickened, rushing.* К категориям власти и желания руководить можно приписать *enjoyment of power and influence, conquered.* Иногда наблюдается антонимическое описание города, то есть маскулинность в данном случае выражается через оппозицию к категориям женственности. Примером может выступать *a loss of fragrance of grass and herbage*, где городская среда описывается через отсутствие свойств, присущих сельской местности и подпадающих под фемининную категорию природы. Другим примером может служить выражение *not a place for cowards*, которое конструирует маскулинный образ жителя городской среды как оплота духовности и морали.

Часто при описании городской среды задействована лексика с негативной эмоционально-оценочной коннотацией, используемая для описания подавленного эмоционального состояния: *difficulties, nerves, haste, depression, worry of spirits, tension of mind, struggle, bleak, hopeless, weary, tired*. На первый взгляд, подобное описание вступает в конфликт с идеализацией маскулинности как оплота морали и духовности. Вместе с тем, для Викторианского общества было характерно определённое противостояние конструкту маскулинности. Многие писатели викторианской эпохи в дневниках отмечали различные расстройства нервной системы, тяжелые последствия от избыточного объема работы и переутомление, выливающееся в протрацию и пассивность, состояния, «опасно близкие к женскому» [12, с. 437]. Использование лексики с негативной коннотацией, таким образом, отражает негативные стороны агрессивно маскулинной среды городских ландшафтов.

Для описания сельской среды (в романе отождествлённой с Югом) в романе были использованы следующие существительные: *forest trees, light, sunshine, herbs, common, cottages, roses, tale, shade of rest, lark, brook, sunlight, dullness, sweet profusion, ease, solitude, fields, childlike softness, golden stillness, visit, liberty, Odenwald*. В числе употребленных прилагательных можно отметить следующие: *dark, full, dusky green, broodingly still, warm, wild, free, living creatures, beautiful, broad, upland, sun-streaked, cloud shadowed common, beloved place, delicious air, quiet life, careless, slow, pleasant place, little, hidden, tinkling brook, spiritless, down-trodded men, hard to be active and equal to unwanted emergencies, childlike softness, golden stillness, friendly, stagnant, an interchange visit, picturesque*. В случае с описанием южной сельской местности заметно отсутствуют обозначающие действия глагольные номинации, а портретирование местности осуществляется преимущественно при помощи номинативных и описательных средств. Это можно объяснить статичной, нединамичной природой юга и его большей пассивностью по сравнению с севером, что вписывается в интерпретацию сельской местности как фемининной. Кроме этого, как ассо-

циативно связанные с пассивностью как фемининной чертой можно интерпретировать эмоционально-оценочные прилагательные *stagnant, spiritless, downtrodden*, а также антонимическое описание *hard to be active and equal to unwanted emergencies*. Большое число языковых средств занимает лексика, относящаяся к категории природы, в том числе и напрямую описывающая природу сельской местности: *forest trees, light sunshine, herbs, rose, lark, brook, sunlight, fields, dusky green, living creatures, sun-streaked, cloud shadowed, tinkling*. Данную категорию можно также трактовать как ассоциативно связанную с категорией естественно репродуктивного. Отмечается определенная инфантилизация, конструируемая посредством использования таких языковых единиц, как *childlike softness, careless, ease*. К сфере заботы и ухода/отдыха можно отнести применение таких единиц как *shade of rest, stillness, beloved place, quiet, pleasant place*.

Сравнительно-сопоставительный анализ также показал, что изученные языковые единицы коррелируют с категориями мужественности и женственности и могут быть организованы в бинарные/оппозиционные пары: *haste/stillness, much spirit/spiritless, energy/stagnation, difficulties/ease, active and equal to emergencies/patient and calm, purpose-like/careless, bustling/slow*. Подобная дихотомия создает бинарную систему восприятия географических пространств, следовательно, в англоязычном сознании город и сельская местность оказываются ассоциативно связанными с двухполярной моделью гендера. Город соотносится с маскулинностью через категории капиталистического производства, искусственно сконструированного, активности, власти, духовности. Сельская местность соотносима с фемининностью через категории пассивности, природы, естественно репродуктивного, детской непосредственности и ухода/отдыха. Вместе с тем, анализ вышеприведенных лексических средств деконструирует бинарность гендера в отношении оппозиции свет/тьма. При описании юга в романе используются лексические средства, репрезентирующие обилие солнечного света: *sunlight, sunshine, sun-streaked, golden*. Городская среда же представлена как лишенная солнечного света и покрытая смогом: *smoke, fog, dusky*. Дан-

ные наблюдения позволяют констатировать, что восприятие конструктов маскулинности и фемининности в англоязычном сознании Викторианской эпохи может выходить за рамки исключительно бинарного восприятия.

Список литературы

1. Кирилина А.В. Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия. *Вопросы психолингвистики*. 2020;3(49):109–147. DOI 10.30982/2077-5911-2021-49-3-109-147
2. Лиховид А.А. О сложностях художественного перевода: на грани между творческим переосмыслением и переводческой ошибкой. *Гуманитарные и юридические исследования*. 2022;9(4):659–666. DOI 10.37493/2409-1030.2022.4.18
3. Катермина В.В. Языковая личность автора в художественном тексте. *Человек. Культура. Образование*. 2016;1(19):205–213.
4. Серебрякова С.В., Милостивая А.И. Семантическая эмерджентность как переводческая проблема. *Вестник Волгоградского государственного университета*. 2017;16(3):48–57.
5. Дежина Т.П. Этапы становления концепта «гендер» в зарубежной и отечественной лингвистике. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017;4(70):76–79.
6. Серебрякова С.В. Теория когнитивного диссонанса как интерпретационная рамка межличностных отношений персонажей. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2018;1:137–143.
7. Gaskell E.C. *North and South*. Wordsworth Editions Limited; 1994.
8. Conway J.K., Bourque S.C., Scott J.W. Introduction: the concept of gender. *Daedalus*. 1987;4(116).
9. Гриценко Е.С., Сергеева М.В. Современные тенденции в концептуализации гендера и их отражение в современной британской толковой лексикографии. *Вопросы лексикографии*. 2020;18:22–47. DOI 10.17223/22274200/18/2
10. Лопухова О.Г. Общие и культурно-специфические особенности содержания гендерных представлений в современном сознании. *Вестник ТГГПУ*. 2010;1(19).
11. Опарина А.В. Вопросы гендерологии. Мужественность и женственность как культурные концепты гендерной лингвистики. *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*. 2011;7.
12. Frawley M. The Victorian Age, 1832-1901. *English Literature in Context*. Edited by P. Poplawski. Cambridge University Press; 2017. P. 364–469.

References

1. Kirilina A.V. Gender and gender linguistics at the border of the millennium. *Journal of Psycholinguistics*. 2021;3(49):109–147. DOI 10.30982/2077-5911-2021-49-3-109-147 (In Russ.)
2. Likhovid A.A. On the difficulties of literary translation: on the verge between creative rethinking and translation errors. *Humanities and law research*. 2022; 9(4):659–666. DOI 10.37493/2409-1030.2022.4.18 (In Russ.)
3. Katermina V.V. Language personality of an author in a literary text. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie*. 2016;1(19):205–213. (In Russ.)
4. Serebryakova S.V., Milostivaya A.I. Semantic emergence as a translation problem. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie*. 2017;16(3):48–57. (In Russ.)
5. Dezhina T.P. Stages of formation of the concept “gender” in foreign and Russian linguistics. *Philology. Theory and Practice*. 2017;4(70):76–79.
6. Serebryakova S.V. Cognitive dissonance theory as interpretation framework for interpersonal relations of characters. *Issues of cognitive linguistics*. 2018;1:137–143. (In Russ.)

7. Gaskell E.C. *North and South*. Wordsworth Editions Limited; 1994.
8. Conway J.K., Bourque S.C., Scott J.W. Introduction: the concept of gender. *Daedalus*. 1987;4(116).
9. Gritsenko E.S., Sergeyeva M.V. Current trends in gender conceptualization and their reflection in English learner's dictionaries. *Voprosy leksikografii*. 2020;18:22–47. DOI 10.17223/22274200/18/2 (In Russ.)
10. Lopukhova O.G. Common and cultural specific features of the content of gender images in modern conscience. *Vestnik TGGPU*. 2010;1(19). (In Russ.)
11. Oparina A.V. Issues of the science of gender. Manliness and femininity as cultural concepts of gender linguistics. *Vestnik of Volzhsky University named after V. N. Tatishchev*. 2011;7. (In Russ.)
12. Frawley M. The Victorian Age, 1832-1901. *English Literature in Context*. Edited by P. Poplawski. Cambridge University Press; 2017. P. 364–469.

Автор публикации

Лиховид Ангелина Андреевна –
Ассистент кафедры теории и практики перевода
Северо-Кавказский федеральный университет
Ставрополь, Россия
Email: anlikhovid@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8945-4436>

Author of the publication

Likhovid Angelina Andreevna –
teaching assistant of the Department of Translation
Studies
North-Caucasus Federal University
Stavropol, Russia
Email: anlikhovid@mail.com
<https://orcid.org/0000-0001-8945-4436>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 16.06.2023
Одобрена после рецензирования: 30.09.2023
Принята к публикации: 5.10.2023

Article info

Submitted: 16.06.2023
Approved after peer reviewing: 30.09.2023
Accepted for publication: 5.10.2023

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 811.111-26

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.95-104>

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЭМОТИВНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Ю.Ю. Семендяева

Стерлитамакский филиал Уфимского университета науки и технологий,
Стерлитамак, Россия

y.u.semendyaeva@strbsu.ru, <https://orcid.org/0009-0007-1691-8456>

Аннотация. Данная статья посвящена актуальной теме – исследованию стилистических средств представления категории эмотивности на материале текстов современных англоязычных художественных произведений. Категория эмотивности в лингвистике неоднократно становилась объектом изучения исследователей. В современном языкознании данная проблема является актуальной и привлекает интерес как отечественных, так и зарубежных ученых. Использование стилистических средств выражения эмоций и чувств придает художественному тексту особую степень выразительности, делает разнообразным эмотивный фон произведения, передавая эмоциональные состояния персонажей. В статье анализируются определения художественного дискурса и стилистического приема, а также особенности взаимодействия писателя (адресанта) и читателя (адресата) в рассматриваемом виде дискурса. Анализируются эмоциональные состояния действующих лиц англоязычных художественных произведений современных писателей Джона Грина “The Fault in Our Stars” (Вины ваты звезды), Джоджо Мойес “Me Before You” (До встречи с тобой) и Нила Геймана “American Gods” (Американские боги), передаваемые посредством стилистических выразительных средств. Особое внимание уделяется рассмотрению и анализу таких стилистических средств выразительности как метафора, эпитет, ирония, перифраз, сравнение, эвфемизм, асиндетон, полисиндетон, климакс, оксюморон и антономасия.

Ключевые слова: категория эмотивности; дискурс современной английской художественной прозы; стилистические средства

Для цитирования: Семендяева Ю.Ю. Стилистические особенности репрезентации эмотивности в художественном дискурсе. *Казанский лингвистический журнал*. 2024; 7(1): 95–104. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.95-104>

Original article

Philology studies
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.95-104>

**STYLISTIC FEATURES OF REPRESENTATION OF EMOTIVITY
IN LITERARY DISCOURSE**

Yu.Yu. Semendyaeva

Sterlitamak branch of the Ufa University of Science and Technology, Sterlitamak, Russia
y.u.semendyaeva@strbsu.ru, <https://orcid.org/0009-0007-1691-8456>

Abstract. This article is devoted to a current topic – the study of stylistic means of representing the category of emotiveness based on the texts of modern English-language works of art. The category of emotiveness in linguistics has repeatedly become the object of study by researchers. In modern linguistics, this problem is relevant and attracts the interest of both domestic and foreign

scientists. The use of stylistic means of expressing emotions and feelings gives the literary text a special degree of expressiveness, diversifies the emotive background of the work, conveying the emotional states of the characters. The article analyzes the definitions of artistic discourse and stylistic device, as well as the features of interaction between the writer ((addresser) and the reader (addressee) in the type of discourse under consideration. The emotional states of the characters in the English-language works of contemporary writers John Green “The Fault in Our Stars”, Jojo Moyes “Me Before You” and Neil Gaiman “American Gods”, transmitted by through stylistic means of expression. Particular attention is paid to the consideration and analysis of such stylistic means of expression as metaphor, epithet, irony, paraphrase, comparison, euphemism, asyndeton, polysyndeton, climax, oxymoron and antonomasia.

Keywords: category of emotiveness; discourse of modern English literary prose; stylistic means

For citation: Semendyaeva Yu.Yu. Stylistic Features of Representation of Emotivity in Literary Discourse. *Kazan Linguistic Journal*. 2024; 7(1): 95–104. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.95-104>

Художественная литература может вызывать сильные эмоции у читателя. Эмотивность является основной чертой художественных текстов. Стилль речи художественного произведения напрямую связан с эмоциональной окраской языковых средств, в связи с чем стилистически непохожие друг на друга тексты будут отличаться эмоционально, что бесспорно связано со стремлением писателя передать лучшее восприятие и понимание произведения читателем путем представления эмоций разного спектра [1].

В данной работе мы рассмотрим стилистические средства, при помощи которых категория эмотивности представляется в современной художественном дискурсе. Источником иллюстративного материала данного исследования являются произведения Джона Грина “The Fault in Our Stars” (Виноваты звезды), Джоджо Мойес “Me Before You” (До встречи с тобой) и Нила Геймана “American Gods” (Американские Боги), из которых методом сплошной выборки были выбраны стилистические средства, используемые авторами для описания эмоций персонажей непосредственно через их прямую речь и слова автора.

Несомненно, дискурс выступает продуктом речевой деятельности, связывающим лингвистические и экстралингвистические параметры, для которого типична сопоставимость с определенной коммуникативной ситуацией, темой, жанром и видом текста, адресантом и адресатом. К содержательным элементам

любого дискурса причисляются какой-либо событийный ряд, тема текста и его персонажи, концепция, а также определенные метатекстовые элементы [2].

Под художественным дискурсом (ХД), с точки зрения некоторых ученых [3], [4], понимается диалогическая, динамически протекающая речемыслительная практика, обусловленная «местом, временем, культурно-историческим и социально-психологическим контекстом говорения и слушания, характером намерений говорящего и слушающего, характеристиками объекта, особенностями специализированных языков, которыми кодируется сообщение, а также особенностями языков декодирования» [Там же]. Инструментом такого дискурса выступает язык художественной литературы.

Также мы считаем необходимым выделить еще одну особенность ХД – внутритекстовую действительность, которая формируется с помощью воображения и креативности писателя и носит вымышленный характер.

Суммируя все вышесказанное, художественный дискурс можно определить, как выдуманный, в котором представляемый мир косвенно сопоставляется с реальным, «преломляясь через индивидуально-авторское его восприятие» [5], изменяясь в зависимости от намерений (целей) писателя.

Между тем картина мира, изображаемая в тексте художественного произведения, в равной степени создается его автором и читателями (их мировоззрением, культурой и др.). Именно взаимодействие двух картин мира – адресанта (писателя) и адресата (читателя) – и порождает практику дискурса [Там же]. Тем самым существование ХД не представляется возможным без таких диалектических отношений как автор – художественный текст – читатель.

Большую часть своего внимания писатели фиксируют на подборе и использовании языковых средств. Категория эмотивности может выражаться разными стилистическими средствами, придающими художественному тексту выразительность и образность. Под стилистическим приемом отечественный лингвист и лексикограф И.Р. Гальперин понимает намеренное и сознательное усиление какой-либо структурной или семантической черты языковой едини-

цы. Их характерной чертой является целенаправленность употребления того или иного элемента, противопоставляемая его существованию в системе языка [6]. При написании литературных произведений писатели устремляют свои слова как к разуму, сознанию читателя, так и к его эмоциям и чувствам.

Через свои мировоззренческие установки писатель формирует как образ персонажей, описывая их внешний вид, манеру речи и поведения, так и менталитет персонажей, их мысли, мотивы и мироощущение, что представляется как олицетворение писательской концепции [7].

В рассмотренных в данном исследовании художественных произведениях нами были обнаружены некоторые синтаксические стилистические средства, а именно полисиндетон и апозиопезис, обособление и парцелляция, параллелизм, климакс (нарастание), асиндетон, риторический вопрос, которые придают экспрессивность речи автора и действующих лиц.

“*Everyone talking about fighting and battling and winning and shrinking and scanning*” [8]. ('Все говорят о борьбе и сражении, и победе, и потере веса, и снимках' (Перевод наш – Ю.Ю.)).

Эмоции, переживаемые главной героиней в приведенном выше примере, выражаются использованием многосоюзия, при помощи которого передается незаинтересованность и скука Хейзел, находящей утомительными жалостливые истории о больных раком, напоминающие ей о том, что ее жизнь точно такая, как в этих рассказах. Также мы отметили употребление такой стилистической фигуры как климакс (*climax*), когда каждая последующая лексема превосходит по силе интенсивности предыдущую (*fighting, battling, winning, shrinking, scanning*), значение каждой из которых характеризуется усилением эмотивного фона.

Следует обратить внимание на использование такой стилистической фигуры как асиндетон, характерной чертой которого является перечисление не менее трех слов или словосочетаний, связанных без помощи слова-связки или союза, для выражения эмотивности высказывания:

“*It always hurt not to breathe like a normal person, incessantly reminding your lungs to be lungs, forcing yourself to accept as unsolvable the clawing scraping inside-out ache of underoxygenation*” [8]. (‘Всегда было больно не дышать, как нормальный человек, постоянно напоминая себе, что легкие – это легкие, заставляя себя принять как **неразрешимую скребущую, выворачивающую наизнанку боль** от недостаточного кислородообразования’ (Перевод наш – Ю.Ю.)).

Асиндетон выражается опущением союзов в выражении “the clawing scraping inside-out ache”, придающие динамичность и большую выразительность данному высказыванию, который помогает усилить экспрессивные качества высказывания об испытываемой боли от гипоксигенации.

Вдобавок к вышесказанному, в исследуемых романах мы выявили стилистические средства, проявляющиеся при взаимодействии первичного словарного и контекстуально приобретенного значений, которое выражается употреблением метафор [9]; логического и эмотивного значений, проявляющееся в использовании эпитета, иронии, а также оксюморона; логического и смыслового значений, реализуемого в текстах произведений при помощи такого стилистического тропа, как антономазия, выражающегося в замене названия или имени указанием какой-либо существенной особенности предмета. Ср.:

“*Your kiss is honey and your touch scorches like fire*” [10]. (‘Твой поцелуй – мед, и твоё прикосновения обжигают, как огонь’ (Перевод наш – Ю.Ю.)).

В этом примере лексемы “kiss” и “honey” имеют разные, несоотносимые значения. По нашему мнению, используя эти слова в одном предложении, автор предпринял попытку создать в сознании читателя представление о поцелуе, сопоставляя его с любовью, с этой целью было употреблено образное сравнение “kiss is honey”. Помимо того, что автор сравнивает поцелуи Лоры со вкусом меда, также ее прикосновения сравниваются с касанием огня, благодаря чему читатель может сделать вывод о том, что Тень питает нежные чувства к Лоре, а ее

поцелуи и прикосновения вызывают в нем чувства восхищения, наслаждения и любви.

В анализируемых художественных произведениях черты понимания человеком окружающего его мира отражаются, в том числе, с помощью метафор, которые могут представить немало информации о личностях действующих лиц, их внутреннем мире и эмоциональном состоянии.

“Everything about her smelt of money” [11]. ('Все в ней пахло деньгами' (Перевод наш – Ю.Ю.)).

Словосочетание “smell of money” имеет следующее значение в английском языке: “the achievement of the ultimate level of freshness where everything one does generates revenue”, т.е. достижение максимального уровня новизны, при котором все, что делает человек, приносит ему доход. Употребление данной метафоры в своей реплике подчеркивает насколько сильное впечатление производит на Лу богатство Алисии, образ жизни которой является желанным и вдохновляющим для главной героини.

“I’m like a grenade and at some point I’m going to blow up and I would like to minimize the casualties, okay?” [8]. ('Я как граната, и в какой-то момент я взорвусь, и мне хотелось бы минимизировать потери, хорошо?' (Перевод наш – Ю.Ю.)).

Вопреки постоянной борьбе с раком главные герои не превратились в эгоистичных людей. Они еще не утратили способности к сочувствию. Использование метафоры “I’m a grenade”, несущей деструктивную концепцию, в разговоре главной героини романа Хейзел со своими матерью и отцом свидетельствует о ее эмоциональной чувствительности и тревоге за судьбу родителей.

Ирония также помогает подчеркнуть эмоциональность утверждения и сделать его выразительнее:

“The girl who makes tea for a living. I wondered how long it would be before you wanted to show off your skills” [11]. ('Девушка, которая зарабатывает на

жизнь завариванием чая. Мне было интересно, сколько времени пройдет, прежде чем ты захочешь продемонстрировать свои навыки' (Перевод наш – Ю.Ю.)).

На первый взгляд, из уст Уилла это ироничное изречение звучит как комплимент, так как он хвалит навыки Лу, но, судя по его тону и ситуации, становится ясно, что он унижает ее за то, что у нее не было достаточно престижной работы.

“That’s what bothers me most, is being another unremembered casualty in the ancient and inglorious war against disease” [8]. ('Больше всего меня беспокоит то, что я стал еще одной незабытой жертвой в древней и бесславной войне с болезнями' (Перевод наш – Ю.Ю.)).

В этом высказывании Огастус называет тех, кто умер от тяжелой болезни, забытыми и незамеченными, используя эпитет “ancient and inglorious war“ (древняя и позорная война).

Рассмотрим еще один пример:

“I’m bigger than either of them. I can take them but they were armed” [10].

В данном примере наблюдается использование оксюморона, так как само предложение противоречиво, когда кто-то говорит, что может одолеть кого-то, но боится это сделать из-за того, что он/они вооружены.

В следующем примере используется антономазия, которая выражается посредством использования слова “freeloader” в речи Безумного Суини, что характеризует его как ленивого человека, любящего выпить, Ср.:

“Call me a freeloader” [10]. ('Называйте меня нахлебником' (Перевод наш – Ю.Ю.)).

Помимо упомянутых выше видов взаимодействия различных значений, также может быть рассмотрено усиление определенного признака предмета или явления. К числу таких стилистических средств относятся сравнение, под которым подразумевается сопоставление одного предмета или явления с другим, используемое для того, чтобы сделать описание более выразительным; перифраз, который может достаточно ярко выявить отношение говорящего к пред-

мету или явлению, на которое устремлено внимание писателя или действующего лица в момент повествования путем использования более длинных формулировок вместо возможных коротких форм выражения; эвфемизм, т.е. нейтральные по смысловой и эмоциональной нагрузке слова и выражения, используемые вместо тех, которые считаются оскорбительными или предполагают что-то неприятное; гипербола, посредством которой автор подчеркивает какую-то мысль, создает преувеличенную ситуацию или образ для эмоционального воздействия на читателя и произведения драматического эффекта [12].

В приведенных ниже примерах наблюдается использование сравнения и перефразы, при помощи которых довольно часто репрезентируются эмоции страха и беспокойства авторами рассмотренных нами романов:

“Shadow tasted fear in the back of his throat, bitter as old coffee” [10]. (‘Тень почувствовал подступающий к горлу страх, горький, **как старый кофе**’ (Перевод наш – Ю.Ю.)).

Общая идея использования сравнения с наречием “as” в этом предложении заключается в употреблении существительного, известного своим определенным качеством, т.е. в данном примере это лексемы “bitter” и “coffee”. Наречие “as” объясняет сравнение между человеком и вещью, а выражение “bitter as old coffee” используется при описании эмоции ужаса.

В результате проведенного нами анализа стилистических средств выражения эмотивности в романах современных английских писателей Джона Грина “The Fault in Our Stars”, Джоджо Мойес “Me Before You” и Нила Геймана “American Gods” представляется возможным сделать следующие выводы. Разнообразие употребляемых авторами стилистических средств объясняется тем, что современная художественная литература глубоко воздействует на массового читателя. В 38,3% рассмотренных нами случаев преобладает использование полисиндетона, умолчания, обособления, парцелляции, климакса, а также асиндетона. Кроме того, нами были обнаружены метафора, ирония, эпитет, оксюморон, перефраз, эвфемизм и др. в 61,7% проанализированных примерах. Данные

средства позволяют авторам не только создавать речевую характеристику героев, но и передавать их внутреннее эмоциональное состояние. Повествование, включающее разнообразные стилистические средства, помогает захватить и удержать внимание и интерес читателей, которые именно благодаря таким средствам эмотивности могут понять чувства и эмоции действующих лиц, проникнуть в их внутренний мир и получить дополнительную информацию о поведении персонажей при выражении своих эмоций.

Список литературы

1. Петрова Е.А. Понятие эмотивности в современной лингвистике. *Перевод и межкультурная коммуникация: теория и практика*. 2020;7:69–74.
2. Таюпова О.И. Совокупность современных подходов к исследованию дискурса. *Вестник Башкирского университета*. 2016;21(3):669–673.
3. Таюпова О.И. *Категории текста и дискурса*. Уфа: РИЦ БашГУ; 2022.
4. Миловидов В.А. *Семиотика литературно-художественного дискурса*. М.: Букки Веди; 2016.
5. Асратян З.Д. Дискурс художественного произведения. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2015;3(45):30–32.
6. Гальперин И.Р. *Очерки по стилистике английского языка*. М.: Либроком; 2012.
7. Тахтарова С.С., Павлов Д.В. Речевой портрет главного героя романа Энтони Берджесса «Внутри Мистера Эндерби». *Вестник Башкирского университета*. 2022; 27(1):150–155.
8. Green J. *The Fault in Our Stars*. London: Penguin; 2015.
9. Палутина О.Г. К вопросу перевода стилистических средств с испанского языка на русский язык. *Казанский лингвистический журнал*. 2018;1(4):21–41.
10. Gaiman N. *American Gods*. New York: First William Morrow Premium International Printing; 2017.
11. Moyes J.J. *Me Before You*. New York: Penguin Group; 2013.
12. Булегенова И.Б., Яхин М.А., Кенжетаева Г.К. Подходы к изучению положительных и отрицательных эмоций в тексте. *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(4): 481–489. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.4.481-489>.

References

1. Petrova E.A. The notion of emotivity in linguistics. *Perevod i mezhkul'turnaya kommunikaciya: teoriya i praktika*. 2020;7:69–74. (In Russ.)
2. Tayupova O.I. A set of modern approaches to studying the discourse. *Bulletin of Bashkir University*. 2016;21(3):669–673. (In Russ.)
3. Tayupova O.I. *Categories of text and discourse*. Ufa: RIC BashGU; 2022. (In Russ.)
4. Milovidov V.A. *Semiotics of literary and artistic discourse*. M.: Buki Vedi; 2016. (In Russ.)
5. Asratyan Z.D. Discourse of literary work. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2015;3(45):30–32. (In Russ.)
6. Gal'perin I.R. *Essays on the style of the English language*. M.: Librokom; 2012. (In Russ.)
7. Tahtarova S.S., Pavlov D.V. Speech portrait of the main character of the novel “Inside Mr. Enderby” by Anthony Burgess. *Bulletin of Bashkir University*. 2022;27(1):150–155. (In Russ.)

8. Green J. *The Fault in Our Stars*. London: Penguin; 2015. (In Eng.)
9. Palutina O.G. Regarding the translation of stylistic devices from the Spanish into the Russian language. *Kazan Linguistic Journal*. 2018;1(4):21–41. (In Russ.)
10. Gaiman N. *American Gods*. New York: First William Morrow Premium International Printing; 2017. (In Eng.)
11. Moyes J.J. *Me Before You*. New York: Penguin Group; 2013. (In Eng.)
12. Bulegenova I.B., Yahin M.A., Kenzhetayeva G.K. Approaches to the Study of the Expression of Positive and Negative Emotions in the Text. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(4): 481–489. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.4.481-489>. (In Russ.)

Автор публикации

Семендяева Юлия Юрьевна –
старший преподаватель
Стерлитамакский филиал Уфимского
университета науки и технологий
Стерлитамак, Россия
Email: y.u.semendyaeva@strbsu.ru
<https://orcid.org/0009-0007-1691-8456>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 13.11.2023
Одобрена после рецензирования: 15.12.2023
Принята к публикации: 9.01.2024

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Author of the publication

Semendyaeva Yuliya Yurievna –
senior lecturer
Sterlitamak branch of the Ufa University of Science
and Technology,
Sterlitamak, Russia
Email: y.u.semendyaeva@strbsu.ru
<https://orcid.org/0009-0007-1691-8456>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 13.11.2023
Approved after peer reviewing: 15.12.2023
Accepted for publication: 9.01.2024

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 81'11

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.105-115>

**ЖАНРОВО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ДОМИНАНТЫ ИСПОВЕДАЛЬНОЙ
ПОЭЗИИ СИЛЬВИИ ПЛАТ**

С.В. Серебрякова¹, Я. Мохаммади²

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

¹sserebriakova@ncfu.mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5743-3227>

²yasmin.mohammadi1993@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-9043-553X>

Аннотация. В данной статье рассматриваются основные темы, жанровые особенности и доминантные концептуальные области, отражающие поэтическое мировидение Сильвии Плат как одного из знаковых представителей исповедальной поэзии. Материалом исследования послужили 15 стихотворений, лингвопрагматический анализ которых позволил выявить наиболее часто повторяющиеся, характерные для поэтической картины мира С. Плат мотивные структуры. С. Плат часто обращается к мифологическим и библейским темам, чтобы исследовать сложные эмоциональные и психологические состояния лирического героя. Концептуальную значимость приобретают в поэтической картине мира С. Плат образы природы как проводника эмоциональных состояний и размышлений о сущности человеческого бытия. Поэзия С. Плат посвящена сложностям формирования личности и борьбе за самоидентификацию в обществе, которое часто навязывает жесткие гендерные роли и социальные ожидания. Особое место в поэтической картине мира С. Плат занимают концепты болезни, смерти и самоубийства, отражающие ее борьбу с психическими расстройствами и депрессией. Поднимаемые в ее стихотворениях темы, использование различных литературных приемов, поэтическое исследование личного опыта свидетельствуют об исповедальности поэтического наследия С. Плат, о глубоком понимании человеческого состояния, сосредоточенности на личных переживаниях и чувствах.

Ключевые слова: Сильвия Плат; исповедальная поэзия; поэтическая картина мира; концептуально-смысловые доминанты; символ; метафора; персонификация

Для цитирования: Серебрякова С.В., Мохаммади Я. Жанрово-тематические особенности и концептуальные доминанты исповедальной поэзии Сильвии Плат. *Казанский лингвистический журнал*. 2024; 7(1): 105–115. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.105-115>

Original article

Philology studies
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.105-115>

**GENRE-THEMATIC FEATURES AND CONCEPTUAL DOMINANTS
OF THE CONFESSIONAL POETRY OF SYLVIA PLATH**

S. V. Serebriakova¹, Y. Mohammadi²

North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

¹sserebriakova@ncfu.mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5743-3227>

²yasmin.mohammadi1993@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-9043-553X>

Abstract. The article examines the main themes, genre features and dominant conceptual fields, reflecting the poetic vision of Sylvia Plath as one of the iconic representatives of confession-

al poetry. Fifteen poems served the material for the research. The linguistic and pragmatic analysis allowed identifying the most frequently recurring motive structures, typical for S. Plath's poetic image of the world. S. Plath often turns to mythological and biblical themes to explore complex emotional and psychological states of the speaker. In Plath's poetic image of the world, nature notions acquire conceptual significance as a conduit of emotional states and reflections on the essence of human existence. S. Plath's poetry deals with the complexities of identity formation and the struggle for self-identification in society, which often imposes rigid gender roles and social expectations. A special place in Plath's poetic image of the world is occupied by the concepts of illness, death and suicide, reflecting her struggle with mental disorders and depression. The themes in her poems, the use of various literary techniques, the poetic exploration of personal experience indicate the confessional aspect of Plath's poetic heritage, her deep understanding of the human condition, her focus on personal experiences and feelings.

Keywords: Sylvia Plath; confessional poetry; poetic image of the world; conceptual and semantic dominants; symbol; metaphor; personification

For citation: Serebriakova S.V., Mohammadi Y. Genre-thematic Features and Conceptual Dominants of the Confessional Poetry of Sylvia Plath. *Kazan Linguistic Journal*. 2024; 7(1): 105–115. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.105-115>

Исповедальная поэзия как особый поэтический жанр, возникший в США в конце 50-х – начале 60-х гг. XX в., характеризуется автобиографическим содержанием, психологизмом, сосредоточенностью на личных переживаниях и эмоциях автора. Одним из самых ярких и почитаемых представителей исповедальной поэзии является Сильвия Плат, известная своей глубоко личной и эмоционально насыщенной поэзией, несомненно, нуждающейся в более глубоком и многоаспектном изучении в парадигме современной антропоцентрической лингвистики в проекции автор-текст-читатель. Ю.М. Лотман подчеркивал, что «текст, даже взятый изолированно (но, разумеется при наличии определенных сведений относительно структуры создающей его культуры) – важнейший источник суждений относительно его собственных прагматических связей» [1, с. 171].

Актуальным представляется изучение не только жанрово-тематических особенностей поэтических текстов С. Плат, но и наиболее значимых концептуально-смысловых областей поэтического мира, реализующих ее стремление освободиться от любых форм угнетения и насилия, преодолеть дезоптимизацию ее общения с близкими, дисгармонию с самой собой, снизить имеющийся «когнитивный диссонанс как мотивирующий фактор с целью достижения внутрен-

него психологического комфорта» [2, с. 138], даже через разрушение своего собственного «Я». Изучение ее самых известных стихотворений позволит установить специфику индивидуально-авторского восприятия мира, в том числе и в лингвопереводческом плане, во избежание «недопонимания речевых, культурных и этнических составляющих» [3, с. 535].

Жанр исповедальной поэзии начал формироваться в эпоху социально-политических и культурных изменений, которые оказали значительное влияние на американскую литературу и культуру в целом. Культурно-исторический контекст данного периода характеризуется «особым бунтарским духом и установкой на отрицание как традиционных стереотипов, так и проявлений новой массовой культуры потребления» [4, с. 9], оказавшей значительное влияние на американское искусство и литературу. Лирический герой, рассказывая истории о себе, о своей личной жизни и своих переживаниях, выступает проводником выражения авторского «Я». Для женской поэзии характерна «тонкая лирика, раскрывающая внутренние переживания и чувства женщин» [5, с. 166].

В англоязычном литературоведении утвердились два основных подхода к анализу творчества С. Плат – биографический и феминистский, при этом первый акцентирует важность обращения к биографическому дискурсу поэтессы и культурно-историческому контексту в целом. Одним из самых известных биографических прочтений творчества поэтессы является труд Э. Стивенсон, где показано, что поэзия Плат была отражением ее собственного жизненного опыта, включая ее борьбу с психическим заболеванием и сложные семейные отношения [6].

Феминистский подход неразрывно связан с биографическим, о чем свидетельствуют появившиеся феминистские биографии поэтессы. В самом известном феминистском исследовании творчества С. Плат выделены три фазы ее поэзии: юношеская, исповедальная и феминистская [7]. Поэтические образы С. Плат имеют феминистские подтексты, имплицитно выраженные через метафоры и другие стилистические средства.

Отечественная филология не так богата исследованиями поэзии С. Плат. Отдельные русские переводы появились в составе антологий в 70-е гг. прошлого века, и только в 2000 г. выходит самостоятельный сборник в переводе В. Бетаки, а в 2008 г. в серии «Литературные памятники» появилось собрание стихотворений С. Плат в редакции и с предисловием Т. Хьюза, в переводе В. Бетаки, снабженное примечаниями и послесловием [8]. Е.В. Кассель в Приложении к данному изданию отмечает специфический дневниковый характер ее творчества: «Сильвия Плат – чрезвычайно разнообразный поэт. В одно и то же время она могла создавать яростные, иронические, лирические стихотворения. Плат фиксирует в стихах каждый свой шаг, ее поэзия по сути дневниковая, хотя безудержность ассоциаций уводит ее порой так далеко от непосредственных каждодневных фактов, что дневниковость становится малозаметной» [9, с. 307]. Описывая свое окружение и события через призму личного опыта, С. Плат создает в тексте свою наполненную эмоциями и противоречиями модель действительности. Т.Д. Венедиктова называет ее творчество поэзией боли: «Главная тема Сильвии Плат – боль. Она безмерна, но и в точности соразмерна жизни... Боль – сигнал об умалении, ущемлении, происходящих или грозящих произойти, – она упреждает и в этом смысле убергает от худшего» [10, с. 344].

В последние десятилетия появились диссертации, посвященные исследованию художественного мира поэзии и прозы С. Плат с акцентом на оппозиции женского и мужского миров [4], изучению когнитивно-метафорической репрезентации концептуальных структур Жизнь и Смерть [11], а также несколько статей по различным аспектам американской исповедальной поэзии.

Как уже отмечалось, поэзия С. Плат отличается высоким эмоциональным накалом, автобиографическими сюжетами, метафорическими образами, многие стихотворения написаны без строгого соблюдения рифмы и стихотворных размеров. Характерным для Плат было использование техники анжамбемана, т.е. стихотворного переноса внутри фразы, придающего ей незавершенность и сближающего ее с повседневной речью. С. Плат попробовала свои силы и в

жанре прозы – широкую известность имел роман «Под стеклянным колпаком» (1963), она писала также короткие рассказы, эссе и статьи на разные темы – литературные, психологические, феминистские.

Мировоззрение поэта, его личностно и конситуативно значимое пространство характеризуются намеренной экстраполяцией авторской точки зрения на мир: ключевые индивидуальные концепты детерминируются психоэмоциональными доминантами автора в конкретной жизненной ситуации. Именно Я-концепция представляет субъект языка и лирическое «Я» [12, с. 113]. Лирическое «Я» в поэтическом тексте С. Плат – это обобщенный концептуальный образ, воплощающий мировоззрение автора в стремлении противостоять деспотичному обществу с использованием многочисленных образных средств – метафор, эпитетов, аллюзий, символов.

Отличительным признаком поэтической картины мира С. Плат является использование темы двойника, которая увлекала ее еще со студенческих лет, когда она глубоко изучала произведения Ф. Достоевского. Данная тема эксплицирует ее интерес к вопросам личности, самоидентификации и отношениям между людьми в корреляции с культурными и мифологическими концепциями. Так, в стихотворении “Mirror” (“Зеркало”) С. Плат использует персонифицированный образ зеркала, не только отображающего человека, но и метафорически описывающего сущность двойника:

<i>I am silver and exact. I have no preconceptions. Whatever I see I swallow immediately Just as it is, unmisted by love or dislike. I am not cruel, only truthful, The eye of a little god, four-cornered.</i>	<i>Я серебристое и точное. Я не пристрастно. Что ни вижу – глотаю незамедлительно Таким как оно есть, без налета любви или отвращения. Я не жестоко, я просто правдиво, Око маленького бога о четырех углах. (Перевод – Дэмиэн Винсачи)</i>

Приведенные строки указывают на то, что зеркало объективно отображает реальность без какой-либо предвзятости. Подобно богу, оно всеведуще, по-

скольку способно видеть и отражать истину. С. Плат использует оксюморон *a little god*, намекая на мощь беспристрастного зеркала-наблюдателя, но все же имеющего ограничения, которые сдерживают его всевидение.

По наблюдениям ученых, двойник в поэзии Плат – это символ самоотречения и смерти, ее постоянной борьбы со своим окружением. Через зеркало она может выразить свою внутреннюю боль и чувство бессилия перед своими эмоциями, преодолеть душевную болезнь.

Концептуальные образы Холокоста в поэзии С. Плат были предметом острых дискуссий и противоречивых оценок, так как она часто обращалась к этой теме. Так, в стихотворениях “Daddy” (‘Папочка’) и “Lady Lazarus” (‘Леди Лазарь’) она вводит образ, символизирующий не только ее личную трагедию, но и общую трагическую историю жертв Холокоста. При этом аллюзии на Холокост используются для выражения сопротивления подавляющему ее личность мужскому доминированию. С. Плат рисует себя как еврейскую женщину, преследуемую нацистами, что, в ее понимании, символизирует мужское преобладание, подавляющее свободу самовыражения и ее индивидуальности. Данные стихотворения не в полной мере исповедальные, это скорее драматические монологи, в которых лирическое «Я» проходит путь от состояния психологического рабства к свободе, от духовной смерти к жизни, причем самоубийство выступает в качестве метафоры для этого преобразования.

*The tongue stuck in my jaw.
It stuck in a barb wire snare.
Ich, ich, ich, ich.
I could hardly speak.*

*Язык застревал во рту,
В проволоке колючих пут.
Ich, ich, ich, ich, —
Слов не выговорить сих.
(Перевод – Ян Пробштейн)*

В приведенной строфе С. Плат, описывая свою постоянную, пугающую ее неспособность коммуницировать с отцом, метафорически транслирует ощущение, будто ее язык застрял в колючей проволоке, предвосхищая образы и аллюзии на Холокост и нацистские концлагеря. Стихотворение представляет собой

расширенную метафору, в которой С. Плат сравнивает своего отца с нацистом, исследуя эмоциональную и психологическую динамику его власти над нею и отношений между ними.

С. Плат часто обращалась к мифологическим и библейским темам и символам, используя их для постижения глубоких эмоций и сложных психологических состояний. Так, в стихотворении «Леди Лазарь» она ссылается на библейскую историю о Лазаре, который был воскрешен из мертвых Иисусом. Поэтесса использует этот образ, чтобы описать свой собственный опыт попытки самоубийства и «воскрешения», что находит подтверждение уже в первых трех строках:

<i>I have done it again. One year in every ten I manage it</i>	<i>Я сделала это опять. Раз в десять лет Мне удается сие – (Перевод – Ян Пробштейн)</i>

Кроме того, в данном стихотворении С. Плат ссылается на образ Феникса, мифической птицы, возрождающейся из пепла, чтобы передать свой опыт смерти и возрождения.

Для поэтической картины мира С. Плат характерны несколько доминирующих концептов, связанных с идентичностью, исследованием болезни, смерти и суицидальных мыслей, сопровождаемых образами природы для передачи эмоциональных состояний. Поэзия С. Плат исследует сложность борьбы за обретение самоощущения в обществе, которое часто навязывает жесткие гендерные роли и социальные ожидания. Например, в стихотворении «Папочка» она размышляет о своих отношениях с отцом, которого она считает доминирующей фигурой, оказавшей значительное влияние на ее самоидентификацию. Здесь используются яркие и тревожные образы для исследования психологического воздействия и патриархального угнетения.

<i>If I've killed one man, I've killed two The vampire who said he was you And drank my blood for a year</i>	<i>Коль я убила одного, убила и второго- Вампира, он сказался мне тобой И кровь мою сосал годами,</i>

<i>Seven years, if you want to know</i>	<i>Семь лет, коль хочешь это знать.</i> (Перевод – Надия Зак)

Борьба С. Плат с психическими заболеваниями и депрессией, получающая отражение в ее поэзии, затрагивает концептуально значимые темы смерти и самоубийства. В стихотворении «Леди Лазарь» она противопоставляет страху смерти и навязчивому желанию освободиться от боли. Текст насыщен яркими гротескными образами, передающими чувства отчаяния и безнадежности, которые могут привести к мысли о самоубийстве.

<i>Dying</i> <i>Is an art, like everything else.</i> <i>I do it exceptionally well.</i>	<i>И опять получилось!</i> <i>Раз в десять лет – знаю заранее –</i> <i>Это удаётся мне.</i> (Перевод – В. Бетаки)

Концептуально значимым повторяющимся мотивом выступают в поэзии С. Плат образы природы, которые она часто использует для проникновения в свое собственное внутреннее смятение, в размышления о сущности человека. Например, зеркало в одноименном стихотворении персонифицировано в виде озера, образы природы служат для исследования собственной саморефлексии, трудностей согласования своего внутреннего «Я» с внешними проявлениями.

<i>Now I am a lake. A woman bends over me,</i> <i>Searching my reaches for what she really is.</i>	<i>И вот я – озеро. Наклоняется женщина надо мной.</i> <i>Она ищет свою сущность в моей глубине</i> (Перевод – В. Бетаки)

Женщина, склоняющаяся над зеркалом, стремится понять свою собственную сущность, предполагая, что мир природы может служить инструментом для самопознания.

Поэзия С. Плат в поэтическом ключе исследует сложности человеческих взаимоотношений, особенно романтических. Например, в стихотворении “Tulips” («Тюльпаны») она описывает конфликт между своим стремлением к

одинокости и потребностью в общении, используя при этом яркие образы для передачи чувства изоляции и пустоты, возникающих из-за отношений, не удовлетворяющих эмоциональные потребности человека.

<i>I have given my name and my day-clothes up to the nurses And my history to the anaesthetist and my body to surgeons.</i>	<i>Сдала свое имя и одежду медсестрам, Историю болезни анестезиологу, а тело хирургам.</i> (Перевод – Ян Пробштейн)

В этих строках лирический субъект описывает свой отказ от контроля над собственным телом, готовность пройти обследование и лечение.

В заключение отметим, что исповедальная поэзия С. Плат отличается эмоциональной глубиной, автобиографичностью, яркими метафорами, концептуально значимыми образами и символами. Поэтесса исследует сложности формирования личности и ее идентичности в обществе, которое навязывает жесткие гендерные роли и социальные ожидания. Борьба с психическими заболеваниями и депрессией находит выражение в разработке таких концептуально значимых тем, как болезнь, смерть, самоубийство с использованием авторских метафор, персонификации, аллюзий. Концептуальную значимость приобретают образы природы, способствующие исследованию саморефлексии с акцентом на невозможности примирения своего внутреннего «Я» с внешними обстоятельствами.

Список литературы

1. Лотман Ю.М. *История и типология русской культуры*. СПб.: Искусство-СПБ; 2002.
2. Серебрякова С.В. Когнитивный диссонанс как интерпретационная рамка межличностных отношений персонажей. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2018;1(54):137–143.
3. Марковский А.В. Актуальные проблемы языкознания и культуры общения. *Казанский лингвистический журнал*. 2022;5(4):535–546.
4. Герасимова Е.К. *Художественный мир поэзии и прозы Сильвии Плат (конец 50-х – начало 60-х гг.)*. Автореферат дис. канд. филол. Н. Нижний Новгород; 2007.
5. Тугулова О.Д. Образ матери в женской поэзии Китая «нового периода». *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(2):165–175.
6. Stevenson A. *Bitter Fame. A Life of Sylvia Plath*. Boston: Houghton Mifflin Company; 1989.
7. Showalter E. *A Literature of Their Own: British Women Novelists from Brontë to Lessing*. N.J: Princeton University Press; 1977.
8. Плат С. *Собрание стихотворений*. В редакции Теда Хьюза. Изд. подгот. В.П. Бетаки, Т.Д. Бенедиктова, Е.В. Кассель. М.: Наука, 2008.

9. Кассель Е.В. *Сильвия Плат: жизнь и творчество*. Сильвия Плат. Собрание стихотворений. В редакции Теда Хьюза. М.: Наука; 2008:307–343.
10. Венедиктова Т.Д. *Сильвия Плат: поэзия боли*. Сильвия Плат. Собрание стихотворений. В редакции Теда Хьюза. М.: Наука, 2008:344–357.
11. Шарышова, Н.В. *Когнитивно-метафорическая репрезентация концептуальных структур Life/Жизнь и Death/Смерть в поэтическом дискурсе (на материале поэзии Дилана Томаса и Сильвии Плат)*. Автореферат дис. канд филол.н. Белгород; 2020.
12. Чумак-Жунь И. И. Поэтический текст в русском лирическом дискурсе конца XVIII – начала XXI веков. Москва: Директ-Медиа; 2014.

References

1. Lotman Y.M. *History and typology of Russian culture*. SPb.: Iskusstvo-SPB; 2002. (In Russ.)
2. Serebriakova S.V. Cognitive dissonance as an interpretive framework for interpersonal relationships between characters. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 2018;1(54):137–143. (In Russ.)
3. Markovsky A.V. Current Problems of Linguistics and Culture of Communication. *Kazan Linguistic Journal*. 2022;5(4):535–546.
4. Gerasimova E.K. *The literary world of Sylvia Plath's poetry and prose (late 50s and early 60s)*. Avtoreferat diss. kand. philol. n. Nizhniy Novgorod; 2007. (In Russ.)
5. Tugulova O.D. A Mother's Image in the Chinese Female Poetry of the "New Period". *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(2):165–175.
6. Stevenson A. *Bitter Fame. A Life of Sylvia Plath*. Boston: Houghton Mifflin Company; 1989. (In Eng.)
7. Showalter E. *A Literature of Their Own: British Women Novelists from Brontë to Lessing*. N.J: Princeton University Press; 1977. (In Eng.)
8. Plath S. *Collected Poems*. Edited by Ted Hughes. Izd. podgot. V.P. Betaki, T.D. Benediktova, E.V. Kassel. M.: Nauka, 2008. (In Russ.)
9. Kassel E.V. *Sylvia Plath: life and work*. Sylvia Plath. Sobraniye stikhotvoreniy. V redaktsii Teda Kh'yuzha. M.: Nauka, 2008:307–343. (In Russ.)
10. Veneditkova T.D. *Sylvia Plath: poetry of pain*. Sylvia Plath. Sobraniye stikhotvoreniy. V redaktsii Teda Kh'yuzha. M.: Nauka, 2008: 344–357. (In Russ.)
11. Sharyshova N.V. *Cognitive and metaphorical representation of the conceptual structures Life and Death in poetic discourse (based on the poetry of Dylan Thomas and Sylvia Plath)*. Avtoreferat diss. kand. philol.n. Belgorod; 2020. (In Russ.)
12. Chumak-Zhun' I.I. *Poetic text in Russian lyrical discourse in the late XVIII – early XXI centuries*. Moskva: Direkt-Media; 2014. (In Russ.)

Автор публикации

Серебрякова Светлана Васильевна –
доктор филологических наук, профессор
зав. кафедрой теории и практики перевода
Северо-Кавказский федеральный университет
Ставрополь, Россия
Email: sserebriakova@ncfu.mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5743-3227>

Мохаммади Ясмин
Аспирант
Северо-Кавказский федеральный университет
Ставрополь, Россия
Email: yasmin.mohammadi1993@gmail.com

Author of the publication

Serebriakova Svetlana Vasil'evna –
Dr.Habil (Philology), Professor
Head of the Department of Translation Studies
North-Caucasus Federal University
Stavropol, Russia
Email: sserebriakova@ncfu.mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5743-3227>

Mohammadi Yasmin
PhD student
North-Caucasus Federal University
Stavropol, Russia
Email: yasmin.mohammadi1993@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0008-9043-553X>

<https://orcid.org/0009-0008-9043-553X>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 29.06.2023

Одобрена после рецензирования: 30.08.2023

Принята к публикации: 5.10.2023

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 29.06.2023

Approved after peer reviewing: 30.08.2023

Accepted for publication: 5.10.2023

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 811.111

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.116-126>

**ЖАНРОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЦИФРОВОГО
ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА США**

С.С. Тахтарова¹, И.И. Сиваева²

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань,
Республика Татарстан, Россия*

¹SSTahtarova@kpfu.ru <http://orcid.org/0000-0002-9268-6892>

²ISivaeva@kpfu.ru <http://orcid.org/0000-0002-1910-6476>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению характерных особенностей жанров цифрового дипломатического дискурса США. На основе анализа жанрообразующих признаков текстов, представленных на официальном сайте главного внешнеполитического института США Государственного департамента, проведена их жанровая классификация. К жанрообразующим признакам отнесены образы автора и реципиента, коммуникативная интенция адресанта и ее языковое воплощение. Исходя из того, что цифровая дипломатия - это полидискурсивное образование, которому свойственны характеристики таких дискурсов как политический, медийный и интернет-дискурса, к жанрообразующим показателям также отнесена гипертекстовость сообщения. На основании вышеизложенных характеристик в американском цифровом дискурсе нами были выделены жанр заметки, жанр выступления и жанр заявления для прессы. Для каждого жанра были определены субжанры. Коммуникативные цели каждого жанра специфичны. Так, нами было установлено, что тексты жанра заметки нацелены на информирование населения о событиях без субъективной оценки происходящего. В жанре выступления адресант не только доносит информацию о происходящем в мире, но дает личную оценку, что приводит к формированию у реципиента определенного отношения к данному событию.

Ключевые слова: цифровая дипломатия; жанры; субжанр; дискурс; жанрообразующие признаки

Для цитирования: Тахтарова С.С., Сиваева И.И. Жанровые характеристики цифрового дипломатического дискурса США. *Казанский лингвистический журнал*. 2024; 7(1): 116–126. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.116-126>

Original article

Philology studies
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.116-126>

GENRE PECULIARITIES OF AMERICAN DIGITAL DIPLOMACY

S.S. Tahtarova¹, I.I. Sivaeva²

Kazan Federal University, Kazan, Russia

¹SSTahtarova@kpfu.ru <http://orcid.org/0000-0002-9268-6892>

²ISivaeva@kpfu.ru <http://orcid.org/0000-0002-1910-6476>

Abstract. The article deals with the genre peculiarities of the US digital diplomatic discourse. Based on the analysis of the genre-forming features of the texts available on the official website of the State Department, the main US foreign policy institution, genre classification is car-

ried out. These include the images of the author and the recipient, the communicative intention of the addressee and its linguistic implementation. Digital diplomacy is a polydiscursive formation, which has the characteristics of such discourses as political, media and Internet discourse, so the genre-forming indicators also include the hypertextuality of the message. Based on the above-mentioned characteristics in the American digital discourse, we have identified the genre of note, the genre of speech and the genre of press statement. In each genre, subgenres were identified. The communicative goals of each genre differ. Thus, we found that the texts of the note genre are aimed at informing the population about events without subjective evaluation of what is happening. In the speech genre, the addressee not only provides information about what is happening in the world, but also gives a personal assessment, which leads to the formation of a certain attitude to the event in the recipient.

Keywords: digital diplomacy; genres; subgenre; discourse; genre-defining features

For citation: Tahtarova S.S., Sivaeva I.I. Genre peculiarities of American Digital Diplomacy. *Kazan Linguistic Journal*. 2024; 7(1): 116–126. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.116-126>

Возникновение и динамичное развитие интернет-технологий коренным образом изменило общество за несколько десятилетий. Не осталась в стороне и публичная дипломатия, которая еще несколько лет назад представляла собой закрытый институт с ограниченным количеством акторов, в котором общество играло незначительную роль. Дипломатическая коммуникация на высших уровнях была представлена в виде меморандумов, личных нот и других официальных документов, миссия по информированию общественности была возложена на СМИ [1]. Пересечение информационных технологий и публичной дипломатии привело к появлению новой практики ведения внешнеполитической деятельности - “цифровой дипломатии”. В настоящее время существует несколько понятий, означающих использование информационных технологий для ведения внешнеполитической деятельности, среди них дипломатия WEB 2.0, твипломатия, cyberdiplomacy (кибердипломатия), цифровая дипломатия. В своей работе мы отдаем предпочтение термину цифровая дипломатия, подразумеваемая под ней использование интернета и информационно-коммуникативных технологий для достижения дипломатических целей и решения внешнеполитических задач [2; 50]. Для продвижения национальных интересов сегодня используются современные средства коммуникации, такие как сайты министерств иностранных дел, посольств и диппредставительств, международных организаций.

Одним из ярких примеров реализации цифровой дипломатии является сайт внешнеполитического ведомства США, первый прообраз которого был создан еще в 1996 г., «когда директор Информационного агентства Дж. Даффи, объединив несколько журналов, создал первый Интернет-журнал «Washington Files». В период 1996-2000 гг. правительство США создало еще несколько электронных журналов и структурировало официальную информацию о внешнеполитических событиях под эгидой сайта Государственного департамента» [3]. Сайт американского внешнеполитического института представляет собой развернутый информационный портал, содержащий официальную информацию о деятельности Госдепартамента и его аппарата и охватывающий все стороны внешнеполитической деятельности США. Так, на данном сайте представлены раздел для настоящих и потенциальных сотрудников Государственного департамента, посольств и консульств с подробной информацией о льготах и конкурсах на замещение вакантных должностей, раздел для путешественников, выезжающих за границу и въезжающих в страну, для студентов с информацией о возможных стажировках и дальнейшем трудоустройстве, для представителей бизнес-сообществ, желающих развивать свой бизнес в США. Стоит так же отметить, что сайт Государственного департамента оснащен информацией об основных видах дипломатической деятельности, проводимой руководством данной страны, во вкладке страны можно узнать о функционирующих на территории данных стран дипломатических представительств США, а также познакомиться с краткой историей развития двусторонних отношений между государствами. В разделе бюро и офисы представлена информация о существующих подразделениях государственного департамента по различным направлениям внешнеполитической деятельности. Особый интерес представляет рубрика ‘newsroom’, в которой отражены все новости о дипломатической деятельности представителей Госдепа. Материалом для данного исследования послужили тексты, размещенные на сайте Государственного департамента США за 2022 год. Выбор данного временного отрезка обуславливается рядом событий, про-

изошедших в этот период и имевших важное значение как для страны, так и для мира в целом.

Официальный сайт американского внешнеполитического ведомства является примером цифрового дискурса, представляющего собой «полидискурсивное образование, включающее в себя характеристики дипломатического, политического, медийного и Интернет-дискурса» [10]. Текстовые сообщения, содержащиеся в данном разделе, являются гипержанровыми, т.к. «сопровождают социально-коммуникативные ситуации, объединяющие в своем составе несколько жанров» [4;15].

Согласно анкете речевых жанров (РЖ), разработанной Т.В. Шмелевой, существует несколько пунктов, благодаря которым можно идентифицировать речевой жанр. Жанрообразующими признаками являются коммуникативная цель, концепция автора, концепция адресата, событийное содержание, фактор коммуникативного прошлого, фактор коммуникативного будущего, языковое воплощение [5]. Однако в последнее время предложенная лингвистом классификация жанрообразующих признаков претерпевает изменения на фоне развития новых жанров. Так, В.В. Дементьев считает необходимым также включить в данный список типологические характеристики, в том числе стадияльно-типологические. «Это определение места данного жанра в типологии речевых жанров - прежде всего, типологии иллокутивно-целевой» [6]. По мнению автора, в первую очередь необходимо установить отношение нового жанра с ближайшими, хорошо изученными в типологии. Так же в своей работе В.В. Дементьев отмечает, что «необходимо рассматривать жанр как структурно сложное явление, включающее в себя набор простых жанров (субжанров)» [6]. На наш взгляд, учитывая особенности дискурса цифровой дипломатии, к жанровым характеристикам стоит так же отнести некоторые признаки, определяющие интернет-дискурс. Так, одним из жанрообразующих признаков интернет-дискурса считается его гипертекстовость, что подразумевает под собой возможность создавать нелинейные тексты. Под гипертекстом понимается «текст, состоящий

из словесных блоков, которые соединены электронными ссылками и создают многочисленные маршруты, сети или тропы в открытом, принципиально не завершенном тексте» [7]. К основным чертам гипертекста можно отнести «разветвленность, нелинейность структуры текста, возможность выбора маршрута чтения, возможность варьирования глубины текста, наличие ссылок» [7].

В Госдепе США в качестве главного коммуницирующего центра выступает офис пресс-секретаря, основной задачей которого является бесперебойное обеспечение информацией посетителей официального веб-сайта главного внешнеполитического института страны. При классификации жанровых форм подачи информации офис пресс-секретаря действует в рамках деятельностного подхода, т.е. «тексты представляют собой результаты определенных действий дипломатических деятелей вне зависимости от характера жанра» [8]. Так, тексты, представленные на данном сайте можно классифицировать по следующим группам:

- Read out (заметки) and Fact Sheet (Справка) (здесь и далее перевод наш - И.С.)
- Special briefings and remarks - брифинги и комментарии
- Interview, joint statement, Speech - интервью и совместные выступления
- Press Statement, Media note, notice to the press, remarks to the press - заявления для прессы

Исходя из разработанной Т.В. Шмелевой анкеты РЖ, учитывая дополнения, предложенные В.В. Дементьевым, а также принимая во внимание особенности интернет-дискурса и проанализировав тексты, представленные на официальном сайте, мы считаем возможным выделение следующих жанров дискурса американской цифровой дипломатии:

1. Жанр заявления для прессы
2. Жанр выступления
3. Жанр заметки.

Рассмотрим подробнее каждый из выделенных жанров.

В современной цифровой дипломатии роль СМИ по-прежнему очень велика, поэтому общению представителей дипломатических ведомств с представителями средств массовой информации уделяется особое внимание. В дискурсе американской цифровой дипломатии мы выделили **жанр заявления для прессы**, в которой включили тексты, классифицированные под рубриками Press Statement, Media note, notice to the press, remarks to the press, special briefing. Проведенный анализ показал, что коммуникативная интенция текстов, относящихся к данному жанру, заключается в информировании общественности об отношении США к происходящим в мире событиям. Данные тексты носят информативный характер и направлены на широкие слои населения, т.е. роль адресата здесь выполняют представители различных национальностей с разными лингвокультурологическими особенностями.

В субжанре *Press statements* основной коммуникативной целью адресанта является информирование реципиента об отношении руководства страны, которую представляет дипломат, к событиям в мире, таким образом он оказывает влияние на формирование нужной ему точки зрения у адресата.

Также среди заявлений диппредставителей нередко встречаются тексты, носящие поздравительный характер. В отличие от остальных, представленных в данной рубрике обращений, тексты этого типа адресованы определенному кругу лиц, в связи с чем автор обращения, принимая во внимание языковые и культурологические характеристики адресата, использует особый лексический набор и апеллирует к близким для него понятиям.

On behalf of the United States of America, I wish all Finns a happy national day as you celebrate the 105th anniversary of your independence. This year, the United States and Finland reaffirmed the strength of our relationship and our commitment to democracy, sovereignty and territorial integrity, freedom, and the rule of law as we meet the new challenges of a changed European security environment and witness autocrats challenging the very foundations of a rules-based order. The United States and Finland have taken important steps to strengthen our

collective security and deepen the Transatlantic partnership as we work hard to bring Finland into NATO. The United States will be proud to call Finland a NATO Ally. (От имени Соединенных Штатов Америки я поздравляю всех финнов с национальным праздником - 105-й годовщиной вашей независимости. В этом году Соединенные Штаты и Финляндия вновь подтвердили прочность наших отношений и нашу приверженность демократии, суверенитету и территориальной целостности, свободе и верховенству закона, поскольку мы отвечаем на новые вызовы изменившейся европейской среды безопасности и являемся свидетелями того, как автократы бросают вызов самим основам порядка, основанного на правилах. Соединенные Штаты и Финляндия предприняли важные шаги для укрепления нашей коллективной безопасности и углубления трансатлантического партнерства, поскольку мы прилагаем все усилия для вступления Финляндии в НАТО. Соединенные Штаты будут гордиться тем, что Финляндия является союзником НАТО).

В отличие от других субжанров, тексты субжанра *Notice to the press*, предназначены для информирования представителей СМИ о предстоящих событиях с участием представителей дипломатического корпуса и о возможных вариантах посещения данных мероприятий. Каждое сообщение содержит информацию о времени и месте мероприятия и завершается фразой с просьбой отправлять любые запросы от СМИ через специальную рубрику на официальном сайте Госдепа. Адресатом в данном типе субжанра выступают именно представители СМИ, что обуславливает использование специализированной лексики в текстах сообщений.

Отличительной особенностью формата представления информации в американском цифровом дипломатическом дискурсе является тот факт, что под каждым опубликованным на сайте госдепа сообщением размещается сведения о месте и времени, в котором данное сообщение появилось, а также о его авторе. Подобное размещение информации «воссоздает феномен одновременности – восприятия бытия как события» [9].

Жанр выступления. Одним из субжанров жанра выступления является *интервью*. В данном субжанре автором является Госсекретарь Энтони Блинкен либо его заместитель. «Интервью отличается от других жанров, где участвуют представители СМИ, тем, что в нем количество журналистов ограничено, традиционно участвует один журналист, редко два» [8]. Эта форма коммуникации играет значительную роль в формировании общественного мнения, развитии международного сотрудничества и продвижении внешнеполитических целей страны. Адресатом являются представители разных национальностей со всего мира, интервью представителей дипломатического корпуса США зачастую транслируется в режиме онлайн в официальных аккаунтах СМИ-интервьюера на различных Интернет-площадках. Однако важно отметить, что они выполняют роль вторичного реципиента, так как первичным адресатом выступает журналист, который проводит интервью. С точки зрения коммуникативной интенции данных сообщений нельзя выделить одну преобладающую цель. Как показал анализ текстов данного субжанра, наиболее часто целью адресантов является не только информирование читателей/слушателей, но убеждение и навязывание своей точки зрения о событиях в мире.

Жанр заметки. К данному жанру мы отнесли тексты, размещенные под рубриками Read out и Fact sheet. Основной целью текстов данной жанровой направленности является информирование широких слоев населения о проведенных встречах и беседах представителей Госдепа США с их иностранными коллегами. По форме подачи информации данные тексты напоминают классическую газетную заметку, в которой информация дается четко и структурированно и содержит ответы на вопросы кто? что? где? когда? как?

The following is attributable to Spokesperson Mathew Miller:

Secretary of State Antony J. Blinken had a trilateral meeting today with Japanese Foreign Minister Kamikawa Yoko and Republic of Korea (ROK) Foreign Minister Cho Tae-yul on the sidelines of the G20 Foreign Ministers Meeting

in Rio De Janeiro. Secretary Blinken and the Foreign Ministers reflected on the tremendous progress made since the historic Camp David Summit to institutionalize trilateral cooperation and discussed ongoing and future efforts to support one another's respective Indo-Pacific strategies. (Государственный секретарь США Энтони Дж. Блинкен провел сегодня трехстороннюю встречу с министром иностранных дел Японии Камикавой Йоко и министром иностранных дел Республики Корея Чо Тхэ Юлом в кулуарах встречи министров иностранных дел стран "Большой двадцатки" в Рио-де-Жанейро. Секретарь Блинкен и его иностранные коллеги обсудили огромный прогресс, достигнутый со времен исторического Кэмп-Дэвидского саммита в деле институционализации трехстороннего сотрудничества, а также текущие и будущие усилия по поддержке соответствующих индо-тихоокеанских стратегий друг друга).

Каждый текст данного жанра начинается с указания на авторство текста, что является одним из жанрообразующих параметров цифрового дипломатического дискурса, «представляющим собой параметр текстообразования, формирующий его лингвистические и экстралингвистические характеристики» [10].

Стоит отметить, что тексты субжанра *fact sheet* являются своего рода продолжением предыдущего субжанра и чаще всего содержат информацию о стране, которую посетили представители Госдепа, также дается краткий экскурс в историю развития двусторонних отношений, отмечаются особенности взаимоотношений и схожесть взглядов на определенные события в мире. В случае, если сообщается об участии представителей США в саммитах, дается информация о роли США в данной организации, позиции страны по ключевым вопросам.

Необходимо отметить, что все тексты, представленные на данном сайте, публикуются в гипертекстовом формате. Такая форма подачи информации предоставляет читателю выбор: остаться на выбранной странице и глуб-

же изучить представленный материал или получить краткую информацию о событии и продолжить ознакомление с другими новостями.

Проведенный анализ текстов, размещенных на официальном сайте главного внешнеполитического института США, показал, что их можно классифицировать по таким признакам как социальный статус, количество коммуникантов, коммуникативные интенции адресанта. Исходя из наличия жанрообразующих признаков, нами были выделены три основных жанра американского цифрового дипломатического дискурса: жанр выступления, жанр заметки и жанр заявления для прессы. Каждый жанр подразделяется на субжанры, которые имеют свои дискурсивные особенности. Также стоит отметить, что в ходе анализа материала нами было установлено, что коммуникативные цели адресанта в жанрах разнятся и во многом зависят от такого жанрообразующего признака как образ адресата.

Список литературы

1. Викулова Л.Г., Макарова И.В., Новиков Н.В. Институциональный дискурс цифровой дипломатии: новые коммуникативные практики. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание* 2016; 15(3): 54–65.
2. Bjola C., Holmes M. *Digital diplomacy: theory and practice*. 2015. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315730844>.
3. Сурма И.В. Цифровая дипломатия в мировой политике. *Государственное управление. Электронный вестник*. 2015;(49):220–249.
4. Седов К.Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации. *Антология речевых жанров: повседневная коммуникация*. М.: Лабиринт 2007; 7–38.
5. Шмелева Т.В. Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка. *Берлин: Russistik*. 1990(2): 24–41.
6. Дементьев В.В. «Анкета речевого жанра» Т.В. Шмелевой: прошлое, настоящее, будущее (к 30-летию жанроведческой модели). *Жанры речи*. 2020; 4(28):252–262.
7. Бирюкова Т.А. Возможности гипертекста для жанра журналистского расследования (на примере электронного издания Propublica). *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*. 2020;(3):79–99.
8. Алимджанов А.А. Диалогические жанры Белого дома. *Жанры речи*. 2020; 1(25):15–21.
9. Мансурова В.Д. «Медийный» человек как проекция дигитальной онтологии. *Univsum: филология и искусствоведение*. 2010: 116–120.
10. Горошко Е.И., Полякова Т.Л. Инстаграм как жанр 2.0 (на примере политической коммуникации). *Жанры речи*. 2019; 4(24):300–313.

References

1. Vikulova L.G., Makarova I.V., Novikov N.V. Institutional discourse of digital diplomacy: new communicative practices. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2016; 15(3): 54–65. (in Russ.)
2. Bjola C., Holmes M. *Digital diplomacy: theory and practice*. 2015. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315730844>.

3. Surma I.V. Digital diplomacy in world politics. *Gosudarstvennoe upravlenie. Electronny vestnik.* 2015;(49):220–249. (in Russ.)
4. Sedov K.F. A person in the genre space of everyday communication. *Antologiya rechevyh zhanrov: povsednevnaia kommunikaciya.* Moscow: Labirint. 2007;7–38 (in Russ.)
5. Shmeleva T. V. Speech genre. *Features description and use in the teaching of the language.* Russistik. Berlin. 1990;(2):24–41 (in Russ)
6. Dementiev V.V. “Questionnaire of a Speech Genre” of T.V. Shmeleva: Past, Present, Future (for the 30th Anniversary of the Genre Model). *Speech Genres;* 2020. 4(28):252–262
7. Birukova T.A. Hypertext possibilities for the genre of investigative journalism (case of Propublica electronic version). *Vestnik Moscovskogo universiteta.* 2020;(3):79–99 (in Russ.)
8. Alimdjano A.A. Dialogical Genres of the White House. *Speech Genres.* 2020; 1(25): 15–21. (in Russ.)
9. Mansurova V.D. The “media” person as a projection of digital ontology. *Universum: philology and art studies.* 2010: 116–120. (in Russ.)
10. Goroshko E.I., Poliakova T.L. Instagram as Genre 2.0 (political communication case). *Speech genres.* 2019; 4(24): 300–313 (in Russ.)

Авторы публикации

Тахтарова Светлана Салаватовна –
доктор филологических наук, профессор
Казанский федеральный университет
Казань, Россия
Email: SSTahtarova@kpfu.ru
<http://orcid.org/0000-0002-9268-6892>

Сиваева Илюса Искандаровна –
ассистент
Казанский федеральный университет
Казань, Россия
Email: IISivaeva@kpfu.ru
<http://orcid.org/0000-0002-1910-6476>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 1.03.2024
Одобрена после рецензирования: 4.03.2024
Принята к публикации: 5.03.2024

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Authors of the publication

Tahtarova Svetlana Salavatovna –
Doctor of Science, Professor
Kazan Federal University
Kazan, Russia
Email: SSTahtarova@kpfu.ru
<http://orcid.org/0000-0002-9268-6892>

Sivaeva Ilyusa Iskandarovna –
lecturer
Kazan Federal University
Kazan, Russia
Email: IISivaeva@kpfu.ru
<http://orcid.org/0000-0002-1910-6476>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 1.03.2024
Approved after peer reviewing: 4.03.2024
Accepted for publication: 5.03.2024

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 811.161.1

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.127-136>

**ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ ГЛАГОЛОВ КАСНИЯ В РУССКОМ,
АНГЛИЙСКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ**

Д.Ф. Хакимзянова¹, А.А. Гильманова²

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань,
Республика Татарстан, Россия*

¹diana.khakimzyanova@kpfu.ru, <http://orcid.org/0000-0002-5445-2112>

²alfiagilm@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-7142-1924>

Аннотация. Данная статья посвящена изучению лексико-семантической группы глаголов касания в русском, татарском и английском языках. В работе приводится характеристика специфики глаголов со значением 'касаться', включая особенности семантики и мотивации глаголов касания. Характерностью глаголов является их присутствие в большом количестве синонимических рядов наряду с различиями в лексических значениях, синтагматических и парадигматических связях, а также с различной стилистической маркировкой. Авторами были выявлены семантические признаки глаголов со значением касания, интегрирующие и дифференцирующие единицы в составе лексико-семантической группы. Все глаголы поля осязания объединены ядерным глаголом, в русском языке это глагол касаться, в татарском языке – кагыл- и в английском языке – глагол touch. Особое внимание уделяется анализу основных моделей развития вторичных значений в исследуемых языках. Отдельный интерес представляет соприкосновение носителей разных языков и культур, так как в концептуальном плане касание, безусловно, является способом восприятия и изучения окружающего мира, как общечеловеческого, так и национального. Сопоставительный подход позволил выявить универсальные тенденции изменения значений глаголов касания и уникальные, свойственные лишь одному конкретному языку.

Ключевые слова: семантика; глаголы касания; значение; лексико-семантическая группа; татарский язык; русский язык; английский язык; вторичная деривация

Для цитирования: Хакимзянова Д.Ф., Гильманова А.А. Особенности семантики глаголов касания в русском, английском и татарском языках. *Казанский лингвистический журнал*. 2024; 7(1): 127–136. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.127-136>

Original article

Philology studies
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.127-136>

**SEMANTICS OF VERBS WITH THE MEANING OF TOUCHING IN
RUSSIAN, TATAR AND ENGLISH LANGUAGES**

D.F. Khakimzyanova¹, A.A. Gilmanova²

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

¹diana.khakimzyanova@kpfu.ru, <http://orcid.org/0000-0002-5445-2112>

²alfiagilm@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-7142-1924>

Abstract. The given article deals with the study of lexical-semantic group of verbs with the meaning of touching in Russia, Tatar and English languages. Verbs being a part of a great number of synonymic rows have differences in lexical meanings, syntagmatic and paradygmatic relations.

Verbs are often stylistically marked and have specific connotations. The authors have clarified semantic features of verbs of the given group, their integrating and differentiating units, including motivation peculiarities of these verbs. All the verbs of this semantic field are united by basic verb, in Russian it is касаться, in Tatar – кагыл- and in English – the verb touch. The aim of the study is to outline the basic models of secondary derivation, when a verb acquires additional meanings in the languages under consideration. Contact and interaction between representatives of different cultures and languages is of specific interest since touching in terms of concepts is one of the basic ways of perception and studying the surrounding world. Due to comparative approach it was possible to elicit universal tendencies of changes of verbs of touching, as well as unique ones peculiar only to one language under consideration.

Keywords: semantics; verb of touching; meaning; lexical-semantic group; Russian language; Tatar language; English language; lexical typology; secondary derivation

For citation: Khakimzyanova D.F., Gilmanova A.A. Semantics of Verbs with the Meaning of Touching in Russian, Tatar and English Languages. *Kazan Linguistic Journal*. 2024; 7(1): 127–136. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.127-136>

Лексико-семантическая система языка традиционно представляет огромный интерес для исследователей с точки зрения установления закономерностей функционирования и развития языка особенно в свете межкультурной коммуникации. Информация об окружающем мире представляется человеку в чувственной форме по каналам зрения, слуха, осязания, обоняния, вкуса и составляет общую систему физического восприятия мира человеком.

Касание связано с глубинными фазами восприятия языка, его пониманием как творческого процесса. Люди понимают друг друга «тем лишь путём, что они дотрагиваются друг в друге до одного и того же звена их чувственных представлений и внутренних понятийных образований» [1]. В отличие от физического действия «касание является лишь первой, предварительной и не главной фазой комплексного действия» [2, с. 423].

Касание – это всегда установление физического контакта с человеком (его кожей, волосами или с одеждой, предметами, которые человек носит, держит и т. п.) или каким-либо предметом. Происхождение касаний, их виды, функции, смыслы, а также высокая частота использования в коммуникативных актах делают их чрезвычайно важным и интересным объектом изучения гаптики – науки о языке касаний и тактильной коммуникации [2, 412-457]. Глаголы касания также привлекали ученых-лингвистов в качестве объекта исследова-

ния. Так, Р.М. Гайсина глаголы касания выделяет в отдельную группу глаголов локативного контакта [3], М. Гиро-Вебер в своих работах рассматривает особенности глаголов физического контакта [4]. Л.Г. Бабенко, чьей точки зрения мы придерживаемся в данной работе, выделяет подгруппу глаголов прикосновения в составе группы глаголов физического воздействия на объект [5].

Глаголы касания представляют собой одну из наиболее обширных групп глаголов физического воздействия. К глаголам данной группы относятся глаголы активного действия, которые называют действия-процессы, стремящиеся к достижению своего внутреннего предела в результате контакта. Основным значением глаголов данной группы является 'дотронуться до чего-н./кого-н., прикоснуться к чему/ кому-н.'. Необходимо отметить, что семантические возможности глаголов касания шире рамок данной группы, что послужило причиной активного использования глаголов касания и в других значениях.

Все глаголы поля осязания объединены ядерным глаголом касаться в русском языке ([Чайки], опускаясь на воду, едва касались ее и кругами поднимались опять вверх. И. Гончаров); кагыл- 'касаться, прикасаться' в татарском языке (Син бары тик телеграф чыбыкларына гына кагыласың да шомлы итеп сызгырасың. Ты лишь прикасаешься к телеграфным проводам и свистишь тревожно. М. Магдеев (перевод наш – Д.Х.), touch в английском языке (Vernet glanced at the key but made no move to touch it. Верне взглянул на ключ, но трогать его не стал. Д. Браун (перевод Н. Рейн). Здесь и далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка [6] и Письменного корпуса татарского языка [7]. Помимо инвариантного значения касания чего/кого-то у базового глагола в русском языке имеются и варианты значения 'затрагивать, освещать вопрос в изложении' и 'иметь касательство к чему/кому-н.', напр.: Но разговоры наши не касались прошедшего. И. Тургенев. Оказались тоже и другие люди, до которых все это касалось, и, может быть, гораздо более, чем могло казаться Алеше. Ф. Достоевский. Подобные значения мы обнаруживаем и у эквивалентов глагола касаться в других языках. Сравним татарский глагол кагыл- 'касать-

ся, прикасаться' и английский глагол touch 'трогать, касаться'. Татарский глагол, по своей структуре образования являющийся страдательным от как-, приобрел свою систему значений, свою систему форм и деривационных возможностей, хотя общим для большинства и остается действие, не стремящееся к достижению предела. Очевидно, в известном смысле к таким значениям можно отнести следующие, как: 'трогать, тронуть, притрагиваться, касаться, прикасаться, дотрагиваться, дотронуться, притрагиваться, притронуться' – семантика вербальных слов в данном случае указывает на процессуальное состояние, в которых действие происходит кратковременно, путем легкого касания, в процессе пребывания в таком состоянии ничего не возникает, не создается равновесного качества в субъекте или объекте, ср.: Ярасымы эллэ алар жирнең? Кагылдыңмы – жанны сызлата. Раны ли они Земли? Притронешься – заставляю душу ныть. Х. Аюп (перевод наш – Д.Х.); Кагылырмын – кар-бизэклэр сибэр кыңгырауның көмеш чыңнары. Притронусь – осыпят снежинки-орнаменты серебряным трезвоном колокольчиков. С. Сулейманова (перевод наш – Д.Х.). Сюда же следует отнести и примеры с ситуативным значением, когда действие направлено не прямо, не целенаправленно, а происходит лишь касательно, вскользь, ср.: Менә жил исеп куйды бер заман, янындагы абагага кагылды. Вот однажды и ветер подул, коснулся папоротника, что около него. Г. Хасанов (перевод наш – Д.Х.); Чыгам да Сөяләм каеннарга, Кагылып узалар жыллар шунда бер каермада. Выхожу и Прислоняюсь к березкам, Притрагиваясь, проходят ветра в одном размахе. Х.Аюп (перевод наш – Д.Х.); Кемдер печән жыйганда, имеш, беләгенә кагылып, елан төшөп киткән. Вроде, некто, когда собирал сено, поднял целую охапку, и, коснувшись руки, змея скользнула вниз. М.Магдеев (перевод наш – Д.Х.).

В семантике глагола кагыл- может быть манифестировано и значение 'трогать', которое имеет градацию трогания (это уже не легкое касательство) от праздного любопытства до полного присвоения, ср.: – Кагылмагыз, – диеп, – балтама, – Тота белсәң аны, Йомычканың һәрбер кисәгеннән бал тама. Не

трогайте, – сказав, – мой топор, – Коль умеешь пользоваться им, С каждой стружки капает мед. М.Аглям (перевод наш – Д.Х.); Читәннең теге ягындагы кабакка кагылырга аның йөрәге житмәде. У него не хватило духа украсть тыкву, что по ту сторону плетня. Ф.Хусни (перевод наш – Д.Х.). Следует отметить, что подобное значение наблюдается и у эквивалентов данного глагола в русском и английском языках, обычно подобное значение используется с отрицательной формой глагола. Например: Павлик, не смей трогать кетчуп, мама тебе не разрешает! А.Маринина. “Don't touch my stuff.” She giggles like an idiot and I have to hustle her inside while I shut the door. «Не трогай мои вещи». Она хихикает как идиотка, и я вынуждена затолкать ее в дом и закрыть дверь. Л. Оливер (перевод А. Киланова).

Из сказанного о лексеме как единице-инварианте, следует выделить и вариант семантики отношения к кому/чему-н., 'затрагивать кого/чего-н. ', ср.: Сузарга ярамый торган тагын бер эш бар икән эле, Айдар Гафиятович, <...> бусы синең үзең генә кагыла. Оказывается, есть еще одно неотложное дело, Айдар Гафиятович, <...> это касается только тебя. Ф. Хусни (перевод наш – Д.Х.). Примеры с аналогичным вариантным значением можно найти и в других рассматриваемых языках, ср.: рус.: Впрочем, утреннее замечание могло касаться чего угодно: занавески, например, грязные, или сорт кофе отвратительный, пахнет вареной капустой...Л. Улицкая., англ.: It touches every aspect of our social lives, our loving and hating, fighting and cooperating, giving and stealing, our greed and our generosity. Она затрагивает все аспекты его социальной жизни, любовь и ненависть, борьбу и сотрудничество, благотворительность и воровство, жадность и щедрость. Р. Докинз (перевод Н.О. Фомина).

В какой-то мере в глаголах с семантикой 'напомнить что-н., отметить что-н. ' наблюдается близость с вышеуказанным семантическим типом, ср.: рус. Но разговоры наши не касались прошедшего. И.Тургенев; тат. Татар театры турында яза башласаң – Галиэсгар Камалның тормышына һәм ижатына кагылмый һич мөмкин түгел. Если начнешь писать о татарском театре, то не-

возможно не коснуться жизни и творчества Галиаскара Камала. М. Гали (перевод наш – Д.Х.); Сүз уңаенда ул Артыкбикәне ничек итеп коткаруына кагылды. Попутно он напомнил и то, как спас Артыкбике. М. Амир (перевод наш – Д.Х.); англ. touch (He did touch on it in passing. Хотя проходя он и об этом упомянул. А. Кристи (перевод Ковалева М. Н., Голубева Т.).

Приобретение глагольной лексемой кагыл- значения 'попробовать на вкус' обнаруживается в контексте с тематикой питания, хотя оно выступает и переносным значением глагола притронуться, ср.: Кәрим абзый карчыгыннан арткарак кала да, нәфсе төшөп, ымсындырып торган, нишләптер берәү дә кагылмаган бал тулы жамайкка үрелеп, агач кашык белән батырып берне каба. Карим абзый приотстает от жены, и, дотянувшись до привлекавшей его полной миски меда, к которой почему-то никто не притронулся, зачерпнул полную деревянную ложку и отправил себе в рот. Ш. Галиев (перевод наш – Д.Х.); Ризыкларга кагылмаска сүз куештык, лейтенант алдында гына түгел, аның сылу хатыны һәм чәчәктәй кызы алдында йөз суыбызны түгәсебез килми. Договорились не притрагиваться к еде, не хотим унижаться не только перед лейтенантом, но и перед его очаровательной женой и красавицей дочкой. А. Гилязов (перевод наш – Д.Х.). Подобное значение отмечается и у английского глагола touch и у русского глагола трогать в отрицательной форме, ср.: Он не притронулся к еде, только положил в чашку немного варенья. А.Марицина. Is out of employ now; and never touches a drop of foreign wine by any chance (tremendous plaudits). В настоящее время без места и никогда в рот не берет ни капли заграничных вин (Оглушительные рукоплескания). Ч. Диккенс (перевод А.В. Кривцова, Е.Л. Ланн).

Нельзя не отметить, что значение отрицательного воздействия является универсальной тенденцией вторичной номинации глаголов касания, ср.: рус. тронуть (Шельга осторожно спустился по тронутой гнилью, скользкой лестнице. А.Толстой); тат. эләктерергә (авыру эләктерергә 'заразиться'); тияргә 'трогать', 'заразиться' (суык тияргә 'простудиться', досл. дотронуться до холода, ср.:

Моның ата-анасы бик картаеп, авыру тиеп, озакламый <...> үлеп китәләр. Его родители сильно постарев, заболели и через некоторое время <...> умерли. Народная сказка (перевод наш – Д.Х.), Хэзер бер чир дә кагылмас, Мин үзем тоташ эрем. Теперь ни одна болезнь не пристанет, Ведь я сам сплошь полынь. Н.Гамбар (перевод наш – Д.Х.); англ. catch 'ловить'; 'заразиться' (catch cold 'простудиться', досл. поймать холод; She had to eat to live, and when she got her feet wet, she caught cold. Она должна есть, чтобы жить, а если промочит ноги, схватит простуду. Д.Лондон. (перевод Р.Е. Облонская), touch ("Touched nothin'," said Joad. "If you're touched, I wisht ever'body was touched. " – «Еще чего – тронулся!» – сказал Джоуд. – «Хорошо бы все такие тронутые были, как ты». Д. Стейнбек. (перевод Н. Волжина).

Глагольная лексема кагыл- 'касаться, прикасаться', употребляясь в сфере взаимоотношения людей, может проявлять признак или свойство этих отношений. Данный семантический признак выражает постоянное или временное свойство субъекта, его черту характера, умение и т.д., ср.: Иренец болай йомшаклыгын күргәч, Фәтхия катырак кагылды, ныграк атларга тырышты. Увидев такую мягкость мужа, Фатхия обращалась жестче. Старалась шагать уверенно. Г. Ибрагимов (перевод наш – Д.Х.); Кала килмешәгенең авыл матурларына кагылуын авыл яшьләре элбәттә күтәрмәсләр, бер жаен табарлар да аның кабыргаларын санарлар. Деревенская молодежь, естественно, не стерпит знакомство (или какую-либо связь) городского пришлого с деревенскими красавицами, они найдут возможность пересчитать ему ребра. Г. Ибрагимов (перевод наш – Д.Х.).

На первый взгляд, по своему понятийному содержанию глаголы касания подразумевают некое поверхностное действие (если можно так выразиться), т.е. в денотативном плане касание ассоциируется с легкостью, мимоходностью. Однако во многих глаголах касания обнаруживается дополнительная сема интенсивности действия, ср., например, рус. браться, хвататься, тат. тотын-, где помимо интенсивности действия можно констатировать и наличие градации

значения. В инвариантных значениях вышеприведенных глаголов присутствует включенный актанта инструменталиса, т.е. 'касаться чего-н. рукой', ср.: [Чудинов] подозрительно кашляет, тяжело дышит и беспрерывно хватается за грудь. М. Салтыков-Щедрин. [Калиныч] часто брался рукою за свою жидкую, клиновидную бороду. И.Тургенев. В вариантных значениях данных глаголов включенный актанта инструменталиса не сохраняется, ср.: Она беретса опять за книгу и хочет читать. А. Чехов. Вронский совершенно бессознательно хватался то за политику, то за новые книги, то за картины. Л. Толстой. В этих примерах налицо значение 'браться за что-либо', а подобных значениях данные глаголы сближаются с глаголами начала действия.

В татарском языке значение начала действия передается с помощью глагола касания тотын- 'держаться, браться, хвататься', например: Тиз барып житкэн егет, эшкэ тотынган баргач ук. Парень быстро добрался и тут же принялся за дело. Г. Тукай (перевод наш – Д.Х.). Следует отметить, что в татарском языке глагол тотын- также выступает и как вспомогательный глагол в сочетании с инфинитивами, например, еларга тотынырга 'заплакать', сикерергэ тотынырга 'запрыгать', тем самым новой языковой формой к опорному значению добавляется признак начала действия без переосмысления. В английском языке подобных значений у глаголов касания нами обнаружено не было.

Представляется необходимым отметить, что четких границ между лексико-семантическими группами не существует. Один и тот же глагол может входить сразу в несколько смысловых групп, поэтому отнесенность глагола к группе определяется контекстом, что подтверждается следующей деривационной моделью. Глаголам касания свойственно обозначать действия ментальной сферы, а именно приобретать значения интеллектуальной деятельности, например: He grasped the idea. Он ухватил (т.е. понял) идею. Что-то чрезвычайно знакомое, но такое, чего никак нельзя было ухватить, чувствовалось в этих узеньких, зорких ярко-кофейных глазках. А. Куприн. В своих вариантных значениях глаголы могут также обозначать каузацию эмоционального состояния, ср.: тро-

гать (Яркая роскошь южной природы не трогала старика, но зато многое восхищало Сергея, бывшего здесь впервые. А. Куприн); задеть (К тому же ее самолюбие было задето. И. Тургенев), элэктэрергэ 'высмеять', ср.: Коллектив жылышында элэктэрдэлэр үзенэ. На собрании коллектива ему досталось; англ. touch (He noted the young man's eyes, fixed on Fleur bending over in her turn; and the adoration in them almost touched him. Сомс заметил, что глаза молодого человека прикованы к Флер, в свою очередь наклонившейся над столом; и обожание, которое можно было в них прочесть, почти тронуло его. Д. Голсуорси (перевод Н.Д. Вольпин).

Вышеуказанные примеры подтверждают мнение, что «длительность пребывания в языке лексической единицы является важным прагматическим фактором, так как определяет количество накопленных с течением времени сопутствующих данной единице значений» [8]. Проведенный анализ позволил дать характеристику глаголам касания в разноструктурных языках, структурировать многообразие вторичных значений, были выявлены схождения и различия в структуре исследуемой ЛСГ, а также в семантике и сочетаемости изученных лексем в сравниваемых языках. Таким образом, содержание периферии данной лексико-семантической группы свидетельствует о том, что общей чертой глаголов касания рассматриваемых нами языков является употребление их в значении 'иметь отношение', отрицательного воздействия и физического состояния. У глаголов касания русского и татарского языков выделяется значение эмоционального состояния и начала действия.

Список литературы

1. Гумбольдт В. Фон. *Избранные труды по языкознанию*. Москва: Прогресс; 2000.
2. Крейдлин Г.Е. *Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык*. Москва: Новое литературное обозрение; 2004.
3. Гайсина Р.М. *Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке*. Саратов: Изд. Саратов.ун-та; 1981.
4. Гиро-Вебер М., Микаэлян И. Семантика глаголов прикосновения во французском и русском языках: *toucher, касаться, трогать*. Дубна: *Логический анализ языка. Языки динамического мира*. 1999. с.18–35.
5. *Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы*. под ред. Л.Г. Бабенко. М.: АСГ-ПРЕСС; 1999.
6. Национальный корпус русского языка. 2003–2023. URL: <https://www.ruscorpora.ru> [дата обращения 18.09.2023].

7. Письменный корпус современного татарского языка. URL: <https://www.corpus.tatar/> [дата обращения 18.09.2023].

8. Калинина А.Г., Сакаева Л.Р., Тахтарова С.С. Семантическое поле “Alimento” как отражение испанской национальной культуры. *Казанский лингвистический журнал.* 2023;6(1): 80–89. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.80-89>.

References

1. Humboldt V. *Selected works on language studies*. Moscow: Progress; 2000. (In Russ.)
2. Kreydlin G.E. *Non-verbal semiotics: body language and natural language*. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye; 2004. (In Russ.)
3. Gaysina R.M. *Lexical-semantic field of relations verbs in modern Russian language*. Saratov: Izdatelstvo Saratovskogo universiteta; 1981. (In Russ.)
4. Gyro-Veber M., Mikaelyan I. Semantics of touching verbs in French and Russian languages: toucher, касаться, трогать. Dubna: *Logical analysis of the language. Languages of dynamic world*. 1999:18–35. (In Russ.)
5. *Explanatory dictionary of Russian verbs. Ideographic description. English equivalents. Synonyms. Antonyms*, edited by Babenko L.G. Moscow: ASG-PRESS; 1999. (In Russ.)
6. Russian national corpus. 2003–2023. Available from: <https://www.ruscorpora.ru> [accessed 18.09.2023].
7. Written corpus of the modern Tatar language. Available from: <https://www.corpus.tatar/> [accessed 18.09.2023].
8. Kalinina A.G., Sakaeva L.G., Tahtarova S.S. Semantic field “Alimento” as a reflection of the Spanish national culture. *Kazan linguistic journal.* 2023;6(1):80–89. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.80-89>.

Авторы публикации

Хакимзянова Диана Фаридовна –
кандидат филологических наук, доцент
Казанский федеральный университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: diana.khakimzyanova@kpfu.ru
<http://orcid.org/0000-0002-5445-2112>

Гильманова Альфия Анваровна –
кандидат филологических наук, доцент
Казанский федеральный университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: alfiagilm@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0002-7142-1924>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 6.10.2023
Одобрена после рецензирования: 30.11.2023
Принята к публикации: 5.12.2023
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Authors of the publication

Khakimzyanova Diana Faridovna –
PhD, Associate Professor
Kazan Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: diana.khakimzyanova@kpfu.ru
<http://orcid.org/0000-0002-5445-2112>

Gilmanova Alfiya Anvarovna –
PhD, Associate Professor
Kazan Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: alfiagilm@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0002-7142-1924>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 6.10.2023
Approved after peer reviewing: 30.11.2023
Accepted for publication: 5.12.2023
The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

Казанский лингвистический журнал
Международный научный рецензируемый журнал
Главный редактор – С.С. Тахтарова
Выпускающий редактор – А.Р. Лисенко
Шеф-редактор – Д.Р. Сабирова
Ответственный редактор – А.А. Абдрахманова
Научные редакторы:
Ф.Л. Ратнер (педагогика)
Л.Е. Бушканец (литературоведение)
Л.Р. Сакаева (лингвистика)

Дата выхода в свет: 12.03.2024. Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 70x108 1/16. Тираж 500 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии Издательства Казанского университета

Адрес: ул. Профессора Нухина, 1/37, г. Казань, Республика Татарстан, Россия, 420008

Телефон: +7 (843) 233-73-59, +7 (843) 233-73-28

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции

Редакция не несёт ответственности за содержание публикаций

Распространяется бесплатно

Kazan Linguistic Journal
International peer-reviewed journal
Chief editor – S.S. Takhtarova
Executive editor – A.R. Lisenko
Press and editorial manager – D.R. Sabirova
Responsible editor – A.A. Abdrakhmanova
Scientific editors:
F.L. Ratner (pedagogics)
L.E. Bushkanets (literary studies)
L.R. Sakaeva (linguistics)

Date of publication: 12.03.2024 Offset paper. Printing is digital. Format 70x108 1/16. Edition of 500 copies

Printed from the finished layout in the printing house of Kazan University publishing House

Address: 1/37, Professor Nuzhina str., Kazan, Republic of Tatarstan, Russia, 420008

Phone: +7 (843) 233-73-59, +7 (843) 233-73-28

Reprinting of materials is allowed only with the written permission of the editorial Board

The editors are not responsible for the content of publications

Available free of charge

